

«Начиная войну с Россией, Наполеон заявил:
«Если я займу Киев — я схвачу Россию за ноги.
Если возьму Петербург — возьму ее за голову. Заняв Москву,
я поражу ее в сердце...»

Однако целью похода Наполеона в 1812 году была не Москва, а ликвидация давнего и сильного врага Франции – Британской империи. Увы, ввязавшись в войну с Россией, он упустил эту возможность и в результате оказался на острове Святой Елены...

Денис **Логинов** «Ошибка Наполеона»

«Кажется, что все, написанное замечательным мастером слова Эрнестом Хемингуэем, давно уже издано и перечитано. Но это не совсем так. Оказывается, еще многое «осталось за бортом» и хранится в его бесценных архивах. Мы предлагаем вашему вниманию один из таких рассказов — «Боец»..

«Есть в Карелии маленький островок, где в Спасо-Преображенском монастыре обитают около двух десятков монахов. Что заставило этих разновозрастных мужчин заточить себя на клочке земли посреди студеного озера? От чего или от кого скрываются они на этом пятачке суши?..

Александр **Аннин** «Возвращение в обитель»

«Влад обернулся. Серая влажная людская масса была насквозь пропитана агрессией и жадной убийства. Круг постепенно сжимался.

— Я не убивал его! — в отчаянии крикнул Влад. Сгорбленный старик упал на колени и уткнулся головой в край обрызганного кровью хитона Жезу.

— Мессия... умер!
И только тогда до Влада дошло, что он натворил. Он не просто убил Жезу. Он убил веру».

Андрей **Дышев** «Привилегия Бога»
(окончание романа)

Франсуа Бушэ, «Прекрасная фаворитка и королевский художник»

О жизни и творчестве Франсуа Буше читайте на стр. 66

Минувшее	
Светлана Бестужева-Лада Майя Орлова	Высокий лик полководца .....4 Гусар-девица 115
Забывтые страницы	
Владимир Набоков	Встреча .....20 Музыка 28
Штрихи к портрету	
Светлана Марлинская Евгения Гордиенко	Трагический тенор эпохи .....34 Женское лицо кистей и красок 56
Рассказ	
Марина Рябченко Иван Рассадин Уильям Джеффри	Глупой .....50 Последний маяк .....88 На троих 108
Творец и женщина	
Ирина Опимах	Прекрасная фаворитка и королевский художник 66
Это интересно	
Татьяна Харламова	Разговор с огурцом о погоде... 78
Неизвестное об известном	
Екатерина Постникова	Солнечные дети в пасмурном мире 96
Мистический роман	
Андрей Дышев	Привилегия Бога 126
Кроссворд. Эрудит	
	188

Главный редактор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка и иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Web-редактор	Шеркунова Анна Игоревна

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Главный бухгалтер	Любовь Александровна Бижко
Директор по распространению	Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.
Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300 МО г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 14 000 экз.
Зак. № ??????????
Цена свободная
Номер подписан в печать: 20.09.2011

Владимир Шевченко

70 лет, врач, г. Воронеж

Осень-цыганка

Ах, осень, странница пугливая, сегодня — здесь,
а завтра — там,
Походкою неторопливой идешь за мною по пятам.
Луч солнца вспыхнул и погас, неяркий спозаранку,
Все зазывая осень в пляс, как страстную цыганку.
Багряно-желто-золотиста, пронизанная светом,
Кружится осень, все мониста срывая прочь при этом.
Ах, закрути, ах, заверти меня, как жертву новую,
Кинь на дороги, на пути шаль огненно-кленовую.
В нее зарююсь я до плеч, как зарывался в волосы,
Несвязную затею речь аж до потери голоса.
Но будет тлен и пыль в лицо, и запрокинусь к небу,
И паутинками в кольцо сплетутся быль и небыль.

Треугольник

Я — верный осени поклонник,
Напоминая о святом,
Мне журавлиный треугольник
Кричит в тоске раскрытым ртом.
И в этот вечный крик тревожный
Нельзя, мой друг, не захотеть,
Пусть даже это невозможно,
Но улететь, но улететь...
Да разве птиц удержишь взглядом?
Уже растаяли во мгле...
Мой треугольник здесь, он — рядом,
В него попал я на земле.

Вверху справа:
Герб княжеского рода
Барклай-де-Толли-
Веймарн

На его долю выпало все: и размеренная военная карьера в начале жизни, и тяжелые моральные испытания в Отечественной войне 1812 года, когда его имя, чуждое русскому слуху, сделалось символом отступления русской армии, а упреки в его адрес доходили до обвинений в государственной измене. С необыкновенным достоинством перенес он эти испытания и вошел в отечественную историю как один из лучших военачальников России. К концу жизни он стал военным министром, генерал-фельдмаршалом, полным кавалером ордена Святого Георгия и князем. Но так и остался в истории и памяти народной как полководец. Михаэль-Андреас Барклай-де Толли... Михаил Богданович Барклай.

ВЫСОКИЙ ЛИК ПОЛКОВОДЦА

Предки Михаила Богдановича — бедные шотландские дворяне Беркли оф Толли — переселились в Ригу в поисках лучшей доли еще в семнадцатом веке. Когда Лифляндия вошла в состав России, приняли русское подданство и продолжали служить новому Отечеству. Без громких успехов, но и без неудач.

Отец Михаила Вейнгольд Готтард Барклай де Толли, офицер русской армии, приобрел российское дворянство и вышел отставку в чине поручика. Он был женат на шведской дворянке Маргарете Элизабет фон Смиттен, мужчины из семьи которой традиционно служили в шведской армии. Маргарете была богатой невестой, хороша собой, и теперь уже никто не узнает, почему из всех претендентов на ее руку она выбрала Барклая де Толли и навсегда покинула Швецию.

Впрочем, ее родная сестра Августа Вильгельмина тоже выбрала в спутники жизни бригадира русской армии, героя Семилетней войны барона и генерала фон Вермелена. И именно к ней из родной Риги в Санкт-Петербург был отправлен в 1762 году пятилетний Михаэль-Андреас: дядюшка тут же записал его в кирасирский полк, как это было принято тогда в российских дворянских семьях, а тётушка озабочилась домашним образованием и воспитанием мальчика.

Получая домашнее образование, Барклай де Толли одновременно продвигался и по служебной лест-

нице — был произведен в вахмистры, а уже в пятнадцатилетнем возрасте в чине корнета начал действительную службу в армии, которой и посвятил всю свою жизнь.

В 1787 году Михаил Барклай де Толли принял участие в русско-турецкой войне, и особенно отличился при штурме крепости Очаков, за что получил чин секунд-майора, орден Святого Владимира 4-й степени и Золотой крест «За взятие Очакова» на Георгиевской ленте.

Он воевал и со шведами во время войны 1788—1790 гг. За решительные действия в труднейших условиях болот и лесов его произвели в премьер-майоры. В те годы никто не удивлялся ни экзотической фамилии, ни происхождению: значение имели только действительные военные заслуги. Или — знатное происхождение и влиятельная родня, но вот этого у гордого потомка шотландцев как раз и не было.

В 1790 году под началом принца фон Ангальт-Бернбургского Михаил Богданович был переведен в Финляндскую армию. Когда принц был смертельно ранен, чувствуя приближение смерти, он подозвал к себе Барклая де Толли и, вручая ему свою шпагу, завещал употребить ее на пользу и славу России. С этой шпагой Михаил Богданович никогда не расставался.

Может показаться странным, что немецкий принц-военачальник завещает свою шпагу адъютанту-шведу с заботой о славе и процветании

России. Но странным это кажется только сейчас: тогда офицерский корпус российской армии пестрел иностранными фамилиями, носители которых считали себя русскими офицерами.

После окончания шведской кампании Барклай де Толли женился на своей двоюродной сестре — Хелене Августе фон Смиттен. Единственный сын родился у них через семь лет после свадьбы: военная служба не позволяла Барклаю уделять семье много внимания. Но по сохранившимся письмам супругов можно судить, что это был брак если не по любви, то по обоюдной склонности и общности духовных интересов. Именно жена стала главной опорой Михаила Богдановича в тяжелое для него время гонений. Но об этом позже.

Барклай де Толли быстро продвигался по служебной лестнице исключительно благодаря своим способностям, ни от кого не получая протекции. Ибо принадлежал к числу тех людей, кто всегда честно и преданно служил Отечеству делом, а не проводил время при дворе, в поисках монарших милостей.

Может быть, поэтому приход на место роскошной и победительной Екатерины непредсказуемого и вздорного Павла никак не затронул Барклая де Толли в личном плане. Он по-прежнему выполнял приказы — там, куда его посылали по службе.

В 1794 году Михаил Богданович сражался с польскими повстанца-

ми, брал город Вильно и воевал под Гродно. В Польской кампании он показал себя мастером маневренного боя, вскоре стал подполковником и был награжден орденом Святого Георгия IV степени. В 1798 году его произвели в полковники и доверили егерский полк — в то время элитное подразделение русской пехоты. Через год он стал генерал-майором. Блестящая, но отнюдь не скоропалительная карьера.

Во время русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. он, командуя дивизией, выдержал мощную атаку французов и с подошедшим подкреплением сумел обратить их в бегство. За это удостоился ордена Святого Георгия 3-й степени, «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении при Пултуске против французских войск, где, командуя авангардом впереди правого фланга, с особенным искусством и благоразумием удерживал неприятеля и опрокинул его».

Вскоре после этого в сражении при Прейсиш-Эйлау полководец был тяжело ранен в правую руку — пуля раздробила кость, и лечился более года. Тяжело больного Барклая де Толли посетил сам император Александр I и после продолжительного разговора о ходе военных действий, проникся полным доверием к воинским способностям генерала.

За эту военную кампанию Михаил Богданович был награжден орденом Святого Владимира 2-й сте-

пени и прусским орденом Красного Орла.

Поправившись, Барклай де Толли вновь воевал со шведами в войне 1808–1809 гг. Получив под начало Отдельный экспедиционный корпус силой примерно в 7500 человек, он отличился героическим зимним переходом по льду пролива Кваркен на территорию Швеции. Этот переход через торосы Ботнического залива вошел в историю русского военного искусства наряду с прославленным переходом Суворова через Альпы. После чего Михаил Богданович, «за оказанные отличия во всю нынешнюю кампанию», одновременно с князем Багратионом был произведен в генералы от инфантерии.

10 июня 1809 года Барклай де Толли неожиданно для всех назначается на должность главнокомандующего русской армии в Финляндии. Подобный «прыжок» по служебной лестнице вызвал у многих «обойденных» генералов волну недоброжелательства и озлобленности, и это — увы! — сопровождало Михаила Богдановича самого конца его жизни.

А император Александр I, не случайно получивший за непредсказуемость своих поступков прозвище «Северного Сфинкса», словно в насмешку над своими приближенными, назначил Барклая де Толли генерал-губернатором новоприобретенной Финляндии (согласно мирному договору со Швецией, подписанному в сентябре 1809 года, вся Финляндия была передана в вечное владение

России). К тому же, Михаил Богданович был награжден полным набором регалий ордена Святого Александра Невского (звездой, крестом и лентой).

Через полгода он занял пост военного министра, сменив Аракчеева, достигшего пика своей непопулярности.

К очередному награждению — орденом Святого Владимира 1-й степени — Барклай де Толли отнесся со своей обычной скандинавской невозмутимостью. Современники, мало знавшие о военных заслугах генерала, недоуменно пожимали плечами, злословили, смеялись. Военный министр обращал на мнение света не больше внимания, чем на свист пуль и грохот артиллерии во время сражений — просто не замечал.

Окружающие тоже не «замечали»... что именно Барклай де Толли проделал большую работу по подготовке русской армии к отражению Наполеоновского нашествия. Он построил много крепостей в приграничных районах, увеличил численность армии и ввел в ней корпуса, написал «Учреждение для управления большою действующею армиею» (применялось до 1846 г.) Уже в это время обдумывал план трудной оборонительной войны против огромной армии Наполеона, с тем, чтобы заставить ее «на берегах Волги найти вторую Полтаву». Основные идеи этого плана он изложил царю в специальной записке.

Оставшейся, увы, невостребованной.

Между тем, в ней была сформулирована основная стратегическая идея борьбы с Наполеоном. Барклай де Толли считал, что, в случае вторжения на русскую территорию наполеоновской армии, необходимо, уклоняясь от генерального приграничного сражения, истощать силы французов в столкновениях с легкими войсками, растягивая коммуникации противника, перерезать его линии снабжения, проводить активное стратегическое отступление до прибытия резервов, которые могут решительно изменить расстановку сил.

Впоследствии именно так все и было — но сам создатель этой стратегии остался в стороне, оплеванный и ошельмованный.

Тем не менее, после вторжения Наполеона, Барклай начал претворять свои планы в жизнь.

«Избегая решительного сражения, я увлекал неприятеля за собой и удалял его от его источников, приближаясь к своим, я ослабил его в частных делах, в которых я всегда имел перевес. Когда я почти довел до конца этот план и был готов дать решительное сражение, князь Кутузов принял командование армией» — так писал впоследствии полководец императору.

Генерал неоднократно предупреждал Александра I, что война вот-вот начнется, и предлагал раздать всем командирам планы действий на такой случай. Но царь игнорировал предупреждения военного министра, будучи уверен, что сам отлично знает, как действовать, если нападут французы.

Естественно, что следом за императором Барклая де Толли « игно-

рировало» и императорское окружение, и большинство офицерского корпуса. Для солдат же он всегда был немного чужим, причем исключительно из-за своей труднопроизносимой фамилии. Рядовые дали странному, с их точки зрения, генералу прозвище «Болтай, да и только», которое с наслаждением смаковали сначала в петербургских салонах, а потом — в мемуарах и исторических трудах.

Удивительно все-таки! Носи этот выдающийся человек какую-нибудь другую фамилию, хотя бы Балаев, на его долю определенно выпало бы гораздо меньше несправедливых унижений и нападок...

Кстати, рядовые солдаты, которые непосредственно сталкивались с Барклаем де Толли, испытывали к нему неподдельное уважение. Михаил Богданович проявлял к ним

доброе и справедливое отношение и был противником муштры.

Он отличался неприхотливостью в быту, в походе спал под открытым небом и мог обедать на барабане. Вместе с тем, в силу своего характера и происхождения, был холодноват в общении с подчиненными, чопорен и, как позже подметил генерал А. Ермолов, «лишен дара объяснения».

Зато в боевой обстановке его отличало необычайное хладнокровие, которое даже стало солдатской поговоркой: «Погляди на Барклая, и страх не берет». О невозмутимом спокойствии Барклая-де-Толли один из его современников писал так:

«Если бы вся вселенная сокрушилась и грозила подавить его своим падением, то он взирал бы без всякого содрогания на сокрушение мира».

Война разразилась 12 июня 1812 года. Генерал-фельдмаршал в это

время командовал самой крупной русской 1-й Западной армией и сумел без особых потерь отвести ее к Смоленску, где соединился с армией Багратиона. Тем самым он не дал французам уничтожить армию России, но авторитет среди солдат и в обществе утратил практически навсегда. «Бегство», «позорное бегство», «предательство» — это еще самые мягкие определения деятельности полководца. Правда, давались они, в основном, в светских салонах и сугубо штатскими людьми, но...

Да и простые солдаты не понимали, почему давно уже непобедимая русская армия — отступает. А между тем, с точки зрения военного искусства, Барклай де Толли действовал в высшей степени мудро. Но... нет пророка в своем отечестве, особенно если он носит иностранную фамилию.

23 июля 1812 года Барклай де Толли стянул все свои войска под Витебск и планировал дать там Наполеону первое настоящее сражение. Однако... прибыл адъютант от князя Багратиона и передал сообщение о том, что, к сожалению, князь не может пробиться на север через Могилев. После этого Барклай де Толли написал императору:

«Я принужден против собственной воли сего числа оставить Витебск».

Неделю спустя главные силы армии Барклая де Толли соединились в Смоленске и снова стали ждать подхода армии князя Багратиона. Увы...

потомку грузинских царей так и не удалось пробиться к Смоленску через буквально катившуюся по России лавину наполеоновских войск. Это произошло лишь неделю спустя, и тогда объединенные армии Барклая де Толли и князя Багратиона предприняли наступление в направлении Рудни. Михаил Богданович, как военный министр, встал во главе соединенных армий. Но относительно благоприятный момент был уже упущен.

Оборонять Смоленск до конца, как на этом настаивало большинство генералов, Барклай де Толли не стал. По его мнению, время для генерального сражения еще не пришло. Русская армия продолжала отступление, изматывая противника в непрерывных столкновениях — вопреки ожиданиям Багратиона и многих других военачальников. Недовольство и возмущение Барклаем де Толли усиливались.

Позднее Барклай писал про свои отношения с Багратионом:

«Я должен был льстить его самолюбию и уступать ему в разных случаях против собственного своего удостоверения, дабы произвести с большим успехом важнейшие предприятия».

Льстить Михаил Богданович не умел категорически, интересы дела всегда ставил выше личных интересов, а такое не прощается даже талантливому полководцам: сам Александр Васильевич Суворов, в силу тех же особенностей характера, не

мало натерпелся от монархов и царедворцев.

В августе 1812 г. Александр, недовольный отступлением армии, сместил генерал-фельдмаршала с поста главнокомандующего, назначив на его место Кутузова. Не столько по собственной воле, сколько подчиняясь мощнейшему давлению окружения, ибо Михаила Илларионовича, мягко говоря, не любил. Но в письмах к императору Багратион настаивал на смене командующего, о том же говорили Александру I и многие другие высокопоставленные сановники. Даже сам брат императора, великий князь Константин Павлович прилюдно заявил:

— Не русская кровь течет в том, кто нами командует. А мы, и больно, должны слушать его.

В самом великом князе русской крови тоже было, прямо скажем, немного. Конечно, больше, чем в Барклае де Толли, но ненамного.

Характерным примером отношения в российском обществе к Барклаю являются слова в частном письме от 3 (15) сентября 1812 года:

«Барклай, ожидая отставки, поспешил сдать французам всё, что мог, и если бы имел время, то привёл бы Наполеона прямо в Москву. Да простит ему Бог, а мы долго не забудем его измены».

Что ж, русский с ног до головы Кутузов... продолжил то, что до него делал Барклай де Толли, то есть — отступал. Кстати, едва ли не один Михаил Богданович поддержал Ку-

тузова на знаменитом совете в Филях, когда тот предложил оставить Москву.

Во время Бородинского сражения Кутузов поручил Барклаю де Толли командовать центром и правым флангом русских войск. В битве у Бородино генерал-фельдмаршал проявил беспредельную храбрость — некоторые даже говорили, что он искал смерти в бою.

«С ледяным хладнокровием, которого не мог растопить и зной битвы, втеснялся он в самые опасные места» — свидетельствовал Ф.Н. Глинка. Под полководцем, надевшим парадную форму и все ордена, было убито 5 лошадей, погибли или были ранены все его адъютанты, но сам он остался цел, а подчиненные ему войска отразили мощные атаки французов, проявив стойкость и мужество.

Позже Барклай де Толли напишет Александру I:

«26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание: провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит».

За Бородино Михаил Богданович был награжден орденом Святого Георгия II степени. Но тягостное ощущение обиды и несправедливости уже невозможно было уничтожить никакими званиями и наградами. Тем паче, что после Бородинского сражения, 4 сентября, Барклай де Толли был освобожден от должности военного министра. Без объяснения причин.

В личном письме жене от 23 сентября (то есть после оставления Москвы) он писал:

«Чем бы дело ни кончилось, я всегда буду убеждён, что я делал всё необходимое для сохранения государства, и если у его величества ещё есть армия, способная угрожать врагу разгромом, то это моя заслуга. После многочисленных кровопролитных сражений, которыми я на каждом шагу задерживал врага и нанёс ему ощутимые потери, я передал армию князю Кутузову, когда он принял командование в таком состоянии, что она могла помериться силами со сколь угодно мощным врагом. Я её передал ему в ту минуту, когда я был исполнен самой твёрдой решимости ожидать на превосходной позиции атаку врага, и я был уверен, что отобью её. ...

Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни».

В том же письме Барклай признавался в тяжёлой моральной обстановке вокруг себя. У него не сложились отношения с главнокомандующим Кутузовым, человеком совсем другого склада характера и поведения. И вскоре последовало второе публичное оскорбление, последняя капля, переполнившая чашу терпения этого всегда спокойного и рассудительного человека. Светлейший князь Михаил Кутузов передал из армии Барклая де Толли в аррьергард под командованием генерала Милорадовича 30000 человек, даже не известив его об этом.

Потом Кутузов оправдывался (все-таки!) тем, что это-де генерал Коновницын, совсем заматавшившись, забыл передать его распоряжение. Оправдание, пригодное для командира роты, ну, полка, но никак не армии. Барклай де Толли немедленно сдал командование и оставил армию. Его не удерживали, только шипели след уже привычное «предатель».

Приехав в Бекгоф, свое имение в Лифляндии, Михаил Богданович заболел и слег в постель. Клевета и злоба сделали то, чего не могли сделать ядра и пули. Одно время врачи всерьез опасались за его жизнь. Но могучий организм и сила воли позволили ему оправиться от тяжелого удара судьбы. И еще — безоговорочная поддержка жены, которая не уходила от постели супруга, помогая ему восстановить душевный покой.

«Она единственная, пожалуй, понимала меня так, как я сам себя не понимал», — заметил позже Барклай де Толли в набросках к своим так и не написанным мемуарам.

В феврале 1813 года император Александр лично попросил опально-го генерала вернуться на театр военных действий, поручив командование 3-й армией. За взятие Торна Барклай-де-Толли был награжден орденом святого Александра Невского. После Лютценского сражения его армия присоединилась к главной, которой после смерти Кутузова командовал генерал Витгенштейн. Надо полагать, Россия уже выздоровела настолько, что командование армией

можно было доверить человеку с нерусской фамилией.

В сражении под Бауценом (8–9 мая) Барклай де Толли руководил правым флангом объединенной русско-прусской армии, за что был удостоен ордена святого Александра Невского и прусского ордена Черного Орла, пожалованного ему королем Пруссии. Почти беспрецедентный случай для российского боевого офицера.

А после 17 мая Михаил Богданович... сменил Витгенштейна на посту главнокомандующего, чего русское общество предпочло просто не заметить, по-видимому, под благоприятным воздействием победных боевых сводок.

В лейпцигской «битве народов» Барклай де Толли снова проявил свой незаурядный полководческий талант, командовал войсками русского центра и, подвергаясь лично величайшей опасности, распоряжался с обычным хладнокровием и искусством. Он был признан одним из основных победителей наполеоновской армии, за что получил орден святого Георгия 1-й степени и титул графа, а также и высший орден Австрийской империи — командорский крест Марии-Терезии.

Русское общественное мнение хранило молчание — к счастью, на сей раз нейтральное, даже близкое к доброжелательному.

За сражение при Бриенне — уже на территории Франции в начале 1814 года — Барклай де Толли

был награжден украшенной лаврами и бриллиантами золотой шпагой «За храбрость», а 30 марта того же года — произведен в генерал-фельдмаршалы. Уже на следующий день вместе с императором Александром I он торжественно вступил во главе русских войск во французскую столицу.

С падением Наполеона и восстановлением власти Бурбонов на французском престоле новый король Людовик XVI возложил на Барклая де Толли звезду и ленту Почетного Легиона, а король Швеции Карл XIII прислал ему Орден Меча 1-й степени. Такого количества самых высоких в мире наград не был, пожалуй, удостоен еще ни один российский полководец. Но и это оказалось не пределом.

После возвращения в Россию Барклай де Толли был назначен главнокомандующим 1-й армией, расквартированной в Польше. Но в апреле 1815 года, после бегства Наполеона с острова Эльба и его вступления в Париж, Михаил Богданович повел свою армию к Рейну. 18 июня Бонапарт потерпел поражение в сражении при Ватерлоо, вторично отрекся от престола и без боя сдал Париж прусским и английским войскам. Вскоре к ним присоединились и русские войска под командованием Барклая де Толли.

По результатам этой блестящей военной кампании он был награжден английским Орденом Бани 1-й степени, нидерландским Военным

орденом Вильгельма 1-й степени и саксонским Военным орденом Святого Генриха 1-й степени.

30 августа 1815 года в одной из французских провинций был проведен генеральный смотр русских войск, в котором участвовало 7 кавалерийских и 11 пехотных дивизий, 3 полка казаков и 540 орудий. Успех смотра превзошел все ожидания.

После этого Барклай де Толли был возведен в княжеское достоинство Российской империи с формулировкой:

«За оказанные в продолжение минувшей войны с французами неоднократные важные Отечеству услуги, последствием коих было, наконец, заключение мирного трактата в Париже, и за заслуги по устройству войск, двинутых в нынешнем году во Францию, за заведенный в оных порядок, сохранение строжайшей дисциплины в землях иностранных, чем имя российского воина еще более прославлено, и за воинскую исправность, найденную в войске при сделанном у города Вертю смотре».

После возвращения в Россию Михаил Богданович много сил отдал укреплению русской армии. Он резко и открыто критиковал введение военных поселений. Несмотря на то, что точка зрения Барклая не совпадала с мнением высших сановников, авторитет его у императора был столь высок, что это никак не сказалось на его положении. В 1817 году именно он сопровождал императора в путешествии по

Михаил
Богданович
Барклай-де-
Толли
(1761–1818)

стране, предпринятом с инспекционными целями.

Между тем, состояние здоровья фельдмаршала к 1818 году заметно ухудшилось. По совету медиков, он, получив Высочайшее разрешение отойти от дел на два года, отправился на лечение на чешские курорты

Мариенбад и Карлсбад. Однако поездке этой не суждено было состояться. Проезжая через Восточную Пруссию, неподалеку от Инстербурга, он почувствовал себя плохо, и 14 мая 1818 года, на пятьдесят седьмом году жизни, скончался на руках своей любимой супруги.

На месте смерти Барклая де Толли прусский король Фридрих Вильгельм III повелел установить памятный обелиск, под которым захоронено сердце великого полководца, и выслал почётный караул, который сопровождал траурный кортеж до самой русской границы.

Торжественные похороны фельдмаршала состоялись в Риге. Весь город был объят трауром. На мостах висели черные полотнища, а в рижских церквях били в колокола. После этого останки Барклая де Толли были перенесены в Бекгоф в Лифляндии, в полутора километрах от нынешнего эстонского населенного пункта Йыгевесте, где находятся и поныне в усыпальнице, построенной его женой, рядом с прахом ранее умершего сына.

Генерал Ермолов, человек прямой и суровый в оценках, оставил такой отзыв о Барклае де Толли, своём непосредственном начальнике:

«Барклай де Толли долгое время невидная служба, скрывая в неизвестности, подчиняла порядку постепенного возвышения, стесняла надежды, смиряла честолюбие. Не принадлежа превосходством дарований к числу людей необыкновенных, он излишне скромно ценил хорошие свои способности, и потому не имел к самому себе доверия, могущего открыть пути, от обыкновенного порядка не зависящие... Неловкий у двора, он не расположил к себе людей, близких государю; холодностию в обращении не снискал

приязи равных, ни приверженности подчиненных...

Барклай де Толли до возвышения в чины имел состояние весьма ограниченное, скорее даже скудное, должен был смирять желания, стеснять потребности. Такое состояние, конечно, не препятствует стремлению души благородной, не погашает ума высокие дарования; но бедность однако же дает способы явить их в приличнейшем виде...

Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединения: жена немолода, не обладает прелестями, которые могут долго удерживать в некотором очаровании, все другие чувства покоряя. Дети в младенчестве, хозяйства военный человек не имеет! Свободное время он употребил на полезные занятия, обогатил себя познаниями. По свойствам воздержан во всех отношениях, по состоянию неприхотлив, по привычке без ропота сносит недостатки. Ума образованного, положительно, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле; нетверд в намерениях, робок в ответственности; равнодушен в опасности, недоступен страху. Свойств души добрых, не чуждый снисходительности; внимателен к трудам других, но более людей, к нему приближенных...

Словом, Барклай де Толли имел недостатки, с большею частию людей неразлучные, а достоинства и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов».

В декабре 1837 года памятник Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли был установлен в Санкт-Петербурге перед Казанским собором, а в 1849 году — в городе Тарту.

Перед Казанским собором стоит и памятник Михаилу Илларионовичу Кутузову. Оба монумента работы скульптора Б.И. Орловского. Посетив мастерскую скульптора в марте 1836, Пушкин увидел изваяния обоих полководцев и высказал свой взгляд на их роль в Отечественной войне выразительной строчкой стихотворения «Художнику»:

*«Здесь зачинатель Барклай, а
здесь совершитель Кутузов».*

Но еще до этого, в 1835 году Пушкин написал стихотворение «Полководец», посвященное памяти Барклая де Толли. Оно вызвало... шквал уничижительной критики. Даже мертвый, полководец был негоден «просвещенной» публике.

...

*О люди! Жалкий род, достойный
слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники
успеха!*

*Памятник
Михаилу
Илларионовичу
Кутузову (слева)
и Михаилу
Богдановичу
Барклаю-де-Толли
(справа) перед
Казанским
собором,
Санкт-Петербург*

*Как часто мимо вас проходит
человек,
Над кем ругается слепой
и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем
поколенья
Поэта приведет в восторг
и в умиление!»*

Барклая де Толли потомки не забыли. Но все-таки он навсегда заслонен одиозной фигурой Кутузова и других менее значительных военных, внесших свою лепту в победу над Наполеоном.

Флер двусмысленной несправедливости тянулся за ним весь XIX век. В XX он стал уже не дымкой, а чем-то гораздо более явственным — практически полным забвением, с формальным упоминанием скороговоркой. Историки правильно оценивали действия Барклая. Но кто их читал и читает?

Люди со времен Пушкина мало изменились. К тому же поэт ошибся: и грядущие поколения не пришли «в восторг и умиление» от «высокого лика» Барклая де Толли.

Может быть, нужно еще подождать? □

ВСТРЕЧА

У Льва был брат Серафим, Серафим был старше и толще его, — впрочем, весьма возможно, что за эти девять, нет, позвольте, десять, Боже мой — десять с лишком лет, он похудел, кто его знает, — будет известно через несколько минут. Лев уехал, Серафим остался, — и то и другое произошло совсем случайно, — и даже, если хотите, именно Лев был скорее «левоват». Серафим же, только что окончивший тогда Политехникум, ни о чем, кроме как о своем поприще, не думал, боялся политических сквозняков, странно, странно, странно, — через несколько минут он войдет. Обняться? Сколько лет, сколько зим? Спец. О, эти слова с отъеденными хвостами, точно рыби головизны... спец...

Утром был телефонный звонок, чужой женский голос по-немецки сообщил: приехал, хотел бы сегодня вечером зайти, завтра уезжает. Неожиданность, — хотя Лев уже знал, что брат в Берлине. У Льва был знакомый, у которого был знакомый, у которого, в свою очередь, был знакомый, служивший в торгпредстве. Командировка, закупает что-нибудь. Он в партии? Десять с лишком лет.

Все эти годы они не сносились друг с другом, Серафим ровно ничего не знал о брате, Лев почти ничего не знал о Серафиме. Раза два имя Серафима просквозило в серой, как дымовая завеса, советской газете, которую Лев просматривал в библиотеке. «А поскольку, — писал Серафим, — основной предпосылкой индустриализации является укрепление

социалистических элементов в нашей экономической системе вообще, коренной сдвиг в деревне выдвигается, как одна из особо существенных и первоочередных текущих задач».

Лев, с простительным запозданием доучившийся в пражском университете (диссертация о славянофильских течениях в русской литературе), теперь искал счастья в Берлине, и все не мог решить, в чем оно, это счастье, — в торговле всякими пустяками, как советовал Лещев, или в типографской работе, как предлагал Фукс. К слову сказать, Лещев и Фукс с женами собирались его навестить как раз в этот вечер, было русское Рождество, Лев на последние деньги купил подержанную елочку, ростом в поларшина, пяток малиновых свечек, фунт сухарей, полфунта конфет. Гости обещали позаботиться о водке и вине. Но, как только сделано было ему конспиративное и невероятное сообщение о желании брата повидаться с ним, — Лев поспешил гостей отменить. Лещевых не оказалось дома, — он передал через прислугу: непредвиденное дело. Конечно, беседа с братом, на юру, с глазу на глаз, будет крайне мучительной, но еще хуже, если... «... Это мой брат, из России». — «Очень приятно. Ну, что, — скоро они подохнут?» — «То есть кто — они? Я вас не понимаю». Особенно горяч и нетерпим был Лещев... Нет, нет, отменить.

Теперь, около восьми вечера, он похаживал по своей бедной, но чистенькой комнате, стучаясь то о стол, то о белую грядку тощей кровати, — бедный, но чистенький господин, в черном костюме с лоском, в отложном воротничке, слишком для него широким. У него было безбородое, курносое, простоватое лицо, с маленькими, слегка безумными глазами. Он носил гетры, чтобы скрыть дырки в носках. Недавно он разошелся с женой, которая совершенно неожиданно изменила ему, — и с кем, с кем... с пошляком, с ничтожеством... Он теперь убрал ее портрет, — иначе пришлось бы отвечать на вопросы брата («Кто это?» «Моя бывшая жена». «То есть как — бывшая...»). Убрал он и елку, — выставил ее, с разрешения квартирной хозяйки, на хозяйский балкон, — а то, кто его знает, еще посмеется над эмигрантской чувствительностью. Нечего было покупать. Традиция. Гости, огоньки. Потушите свет, чтобы только она горела. Зеркально играющие глаза госпожи Лещевой.

О чем же говорить с братом? Рассказать вскользь, беззаботно, о приключениях на юге России, в пору Гражданской войны? Шутливо пожаловаться на сегодняшнюю (нестерпимую, задыхающуюся) нищету? Притвориться человеком с широкими взглядами, стоящим выше эмигрантской злобы, понимающим... что понимающим? Что Серафим мог предпочесть моей бедности, моей чистоте — деятельное сотрудничество... с кем, с кем! Или напротив, — нападать, стыдить, спорить, а не то — едко острить: термин «пятилетка» напоминает мне чем-то конский завод.

Он вообразил Серафима, его мясистые пологие плечи, огромные галоши, лужи в саду перед дачей, смерть родителей, начало революции... Никогда они не были особенно дружны, — еще в гимназии у каждого были свои товарищи, свои учителя... Летом семнадцатого года был у Серафима довольно неказистый роман с соседкой по даче, женой присяжного поверенного. Истошные крики присяжного поверенного, мордобой, немолодая, растрепанная женщина с кошачьим лицом, бегущая по аллее, и где-то на заднем плане скандальный звон разбитого стекла. Однажды Серафим, купаясь в реке, чуть не утонул... Вот наиболее яркие воспоминания о нем, — не Бог весть какие. Кажется, что помнишь человека живо, подробно, а подумает, и получается так глупо, так скудно, так мелко, — обманчивый фасад, дутые предприятия памяти. А, как-никак, родной брат. Он много ел. Он был аккуратен. Что еще? Как-то раз вечером, за чайным столом...

Пробило восемь часов. Лев нервно посмотрел в окно. Моросило, расплывались в глаза фонари. Белели остатки мокрого снега вдоль панели. Подогретое Рождество. Напротив, с балкона свешивались, вяло трепеща в темноте, бледные бумажные ленты, оставшиеся от немецкого Нового года. Внезапный звонок с парадной был как электрическая вспышка где-то под ложечкой.

Еще крупнее, еще толще, чем прежде. Он делал вид, что страшно запыхался. Он взял Льва за руку. Оба молчали, одинаково осклабясь. Русское ватное пальто с небольшим каракулевым воротником, застегивающимся на крючок, серая заграничная шляпа.

— Вот сюда, — сказал Лев. — Снимай. Давай, я сюда положу. Ты сразу нашел?

— Унтерgrundом, — сказал Серафим, пыхтя. — Ну-ну, вот значит как...

С преувеличенным вздохом облегчения он сел в кресло.

— Сейчас сделаем чай, — суетливо сказал Лев, возясь со спиртовкой на умывальнике.

— Погодка, — сказал Серафим, потирая руки. В действительности было на дворе не холодно.

Спирт помещался в медном шаре, если повернуть винт, спирт просачивался в черный желобок. Надо было чуть-чуть выпустить, завинтить опять и поднести спичку. Загорался мягкий желтоватый огонь, плавал в желобке, постепенно умирал, и тогда следовало открыть кран вторично, и с громким стуком — под чугунной подставкой, где с видом жертвы стоял высокий жестяной чайник с родимым пятном на боку, — вспыхивал уже совсем другой, матово-голубой огонь, зубчатая голубая корона. Как и почему все это происходило, Лев не знал, да этим и не интересовался. Он слепо следовал наставлениям хозяйки. Серафим сперва смотрел на воз-

ню со спиртовкой через плечо, поскольку ему это позволяла тучность, — а потом встал, подошел, и некоторое время они говорили о машинке, Серафим объяснил ее устройство и нежно повертел винт.

— Ну, как живешь? — спросил он, снова погружаясь в тесное кресло.

— Да вот — как видишь, — ответил Лев. — Сейчас будет чай. Если ты голоден, у меня есть колбаса.

Серафим отказался, обстоятельно высморкался и заговорил о Берлине.

— Перецеголяли Америку, — сказал он. — Какое движение на улицах. Город изменился чрезвычайно. Я, знаешь, приезжал сюда в двадцать четвертом году.

— Я тогда жил в Праге, — сказал Лев.

— Вот как, — сказал Серафим.

Молчание. Оба смотрели на чайник, точно ожидая от него чуда.

— Скоро закипит, — сказал Лев. — Возьми пока этих карамелек.

Серафим взял, у него задвигалась левая щека. Лев все не решался сесть: сесть значило расположиться к беседе, — он предпочитал стоять или слоняться между кроватью и столом. На бесцветном ковре было рассыпано несколько хвойных игл. Вдруг легкое шипение прекратилось.

— Потух немец, — сказал Серафим.

— Это мы сейчас, — заторопился Лев, — это мы сейчас.

Но спирта в бутылке больше не оказалось. «Какая история... Я, знаешь, попрошу у хозяйки».

Он вышел в коридор, направляясь в сторону хозяйских апартаментов. Идиотство. Знал, что нужно купить... Дали бы в долг. И забыл. Он постучал в дверь. Никого. Ноль внимания, фунт презрения. Почему она вспомнилась, эта школьная прибаутка? Постучал еще раз. Все темно. Ушла. Он пробрался к кухне. Кухня была предусмотрительно заперта.

Лев постоял в темном коридоре, думая не столько о спирте, сколько о том, какое это облегчение побыть минуту одному, и как мучительно возвращаться в напряженную комнату, где плотно сидит чужой человек. О чем говорить? Статья о Фарадее в старом номере немецкого журнала. Нет, не то. Когда он вернулся, Серафим стоял у этажерки и разглядывал потрепанные, несчастные на вид книги.

— Вот история, — сказал Лев. — Прямо обидно. Ты, ради Бога, прости. Может быть...

(Может быть, вода была на краю кипения? Нет. Едва теплая.)

— Ерунда, — сказал Серафим. — Я, признаться, небольшой любитель чаю. Ты что, много читаешь?

(Спуститься за пивом в кабак? Не хватит, не дадут. Черт знает что, на конфеты ухлопал, на елку.)

— Да, читаю, — сказал он вслух. — Ах, как это неприятно, как неприятно. Если бы хозяйка...

— Брось, — сказал Серафим. — Обойдемся. Вот, значит, какие дела. Да. А как вообще? Здоровье как? Здоров? Самое главное — здоровье. А я вот мало читаю, — продолжал он, косясь на этажерку. — Все некогда. На днях в поезде мне попала под руку...

Из коридора донесся телефонный звонок.

— Прости, — сказал Лев. — Ешь, — вот тут сухари, карамели. Я сейчас. — Он поспешно вышел.

— Что это вы, синьор? — сказал в телефон голос Лещева. — Что это, право? Что случилось? Больны? Что? Не слышу. Громче.

— Непредвиденное дело, — ответил Лев. — Я же передавал.

— Передавал, передавал. Ну, что вы, действительно. Праздник, вино куплено, жена вам подарок приготовила.

— Не могу. Мне очень самому...

— Вот чудак! Послушайте, развяжитесь там со своим делом, — и мы к вам. Фуксы тоже здесь. Или, знаете, еще лучше, айда к нам. А? Оля, молчи, не слышу. Что вы говорите?

— Не могу. У меня... Одним словом, я занят...

Лещев выругался.

— До свидания, — неловко сказал Лев в уже мертвую трубку.

Теперь Серафим разглядывал не книги, а картину на стене.

— По делу. Надоедливый, — морщась, проговорил Лев. — Прости, пожалуйста.

— Много у тебя дел? — спросил Серафим, не сводя глаз с олеографии, изображавшей женщину в красном и черного, как сажа, пуделя.

— Да, зарабатываю, статьи, всякая всячина, — неопределенно ответил Лев. — А ты, — ты, значит, ненадолго сюда?

— Завтра, вероятно, уеду. Я и сейчас к тебе ненадолго. Мне еще сегодня нужно...

— Садись, — что же ты...

Серафим сел. Помолчали. Обоим хотелось пить.

— Насчет книг, — сказал Серафим. — То да се. Нет времени. Вот в поезде... случайно попала... От нечего делать прочел. Роман. Ерунда, конечно, но довольно занятно, о кровосмесительстве. Ну-с...

Он обстоятельно рассказал содержание. Лев кивал, смотрел на его солидный костюм, на большие гладкие щеки, смотрел и думал: «Неужели надо было спустя десять лет опять встретиться с братом только для того, чтобы обсуждать пошлейшую книжку Леонарда Франка? Ему вовсе не ин-

тересно об этом говорить, и мне вовсе не интересно слушать. О чем я хотел заговорить? Какой мучительный вечер!»

— Помню, читал. Да, это теперь модная тема. Ешь конфеты. Мне так совестно, что нет чаю. Ты, говоришь, нашел, что Берлин очень изменился. (Не то. Об этом уже было.)

— Американизация, — ответил Серафим. — Движение. Замечательные дома.

Пауза.

— Я хотел спросить тебя, — судорожно сказал Лев. — Это не совсем твоя область, но вот — здесь, в журнале... Я не все понял. Вот это, например. Эти его опыты.

Серафим взял журнал и стал объяснять.

— Что же тут непонятного? До образования магнитного поля, — ты знаешь, что такое магнитное поле? — ну вот, до его образования существует так называемое поле электрическое. Его силовые линии расположены в плоскостях, которые проходят через вибратор. Заметь, что, по учению Фарадея, магнитная линия представляется замкнутым кольцом. Между тем, как электрическая всегда разомкнута, — дай мне карандаш, — впрочем, у меня есть, — спасибо, спасибо, у меня есть.

Он долго объяснял, чертил что-то, и Лев смиренно кивал. О Юнге, О Максвелле, о Герце. Прямо доклад. Потом он попросил стакан воды.

— А мне, знаешь, пора, — сказал он, облизываясь и ставя стакан обратно на стол.— Пора. — Он вынул откуда-то из живота толстые часы. — Да, пора.

— Что ты, посиди еще, — пробормотал Лев, но Серафим покачал головой и встал, оттягивая книзу жилет. Его взгляд снова уставился на олеографию: женщина в красном и черный пудель.

— Ты не помнишь, как его звали? — сказал он, впервые за весь вечер непритворно улыбнувшись.

— Кого? — спросил Лев.

— Помнишь, — Тихотский приходил к нам на дачу с пуделем. Как звали пуделя?

— Позволь,— сказал Лев.— Позволь. Да, действительно... Я сейчас вспомню.

— Черный такой, — сказал Серафим. — Очень похож. Куда ты мое пальто... Ах, вот. Уже.

— У меня тоже выскочило из головы, — проговорил Лев. — В самом деле, как его звали?

— Ну, черт с ним. Я пошел. Ну-с... Очень был рад тебя повидать... — Он ловко, несмотря на свою грузность, надел пальто.

— Провожу тебя, — сказал Лев, доставая свой потасканный макинтош. Оба одновременно кашлянули, это вышло глупо. Потом молча спустились по лестнице, вышли на улицу. Моросило.

— Я на унтергрудн. Но как все-таки его звали? Черный, помпоны на лапах. Вот удивительно... Память тоже.

— Буква «т», — отозвался Лев, — это я наверное помню. Буква «т».

Они перешли наискось на другую сторону улицы.

— Какая мокрядь, — сказал Серафим. — Ну-ну... Так неужели мы не вспомним? На «т», говоришь?

Свернули за угол. Фонарь. Лужа. Темное здание почтамта. Около марочного автомата стояла, как всегда, нищая старуха. Она протянула руку с двумя коробками спичек. Луч фонаря скользнул по ее впалой щеке, под ноздрей дрожала яркая капелька.

— Прямо обидно, — воскликнул Серафим. — Знаю, что сидит у меня в мозговой ячейке, но невозможно добраться.

— Как ее звали, как ее звали, — подхватил Лев. — Действительно, это нелепо, что мы не можем... Помнишь, она раз потерялась, Тихотский целый час стоял в лесу и звал. Начинается на «т», наверное.

Дошли до сквера. За сквером горела на синем стекле жемчужная подкова — герб унтергрудна. Каменные ступени, ведущие в глубину.

— Ну, ничего не подделаешь, — сказал Серафим. — Будь здоров. Как-нибудь опять встретимся.

— Что-то вроде Тушкана... Тошка... Ташка... — сказал Лев. — Нет, не могу. Это безнадежно. И ты будь здоров. Всех благ.

Серафим помахал растопыренной рукой, его широкая спина сгорбилась и скрылась в глубине. Лев медленно пошел обратно, — через сквер, мимо почтамта, мимо нищей... Вдруг он остановился. В памяти, в какой-то точке памяти, наметилось легкое движение, будто что-то очень маленькое проснулось и зашевелилось. Слово еще было незримо, — но уже его тень протянулась — как бы из-за угла, — и хотелось на эту тень наступить, не дать ей опять втянуться. Увы, не успел. Все исчезло, — но, в то мгновение, как мозг перестал напрягаться, снова и уже яснее дрогнуло что-то, и, как мышшь, выходящая из щели, когда в комнате тихо, появилось, легко, беззвучно и таинственно, живое словесное тельце... «Дай лапу, Шутик». Шутик! Как просто. Шутик...

Он невольно оглянулся, подумал, что Серафим, сидя в подземном вагоне, тоже, быть может, вспомнил. Жалкая встреча.

Лев вздохнул, посмотрел на часы и, увидя, что еще не поздно, решил направиться к дому, где жили Лещевы, — похлопать в ладони, авось отопрут. □

МУЗЫКА

Передняя была завалена зимними пальто обоего пола, а из гостиной доносились одинокие, скорые звуки рояля. Отражение Виктора Ивановича поправило узел галстука. Горничная, вытянувшись кверху, повесила его пальто: оно, сорвавшись, увлекло за собой две шубы, и пришлось начать сызнова.

Уже ступая на цыпочках, Виктор Иванович отворил дверь, — музыка сразу стала громче, мужественнее. Играл Вольф, — редкий гость в этом доме. Остальные — человек тридцать — по-разному слушали, кто подперев кулаком скулу, кто пуская в потолок дым папиросы, и неверный свет в комнате придавал их оцепенению смутную живописность. Хозяйка дома, выразительно улыбаясь, указала издали Виктору Ивановичу свободное место — кренделевидное креслице почти в самой тени рояля. Он ответил скромными жестами, смысл которых был: «ничего, ничего, могу и постоять», — но потом, впрочем, двинулся по указанному направлению и осторожно сел, осторожно скрестил руки. Жена пианиста, полуоткрыв рот и часто мигая, готовилась перевернуть страницу — и вот перевернула. Черный лес поднимающихся нот, скат, провал, отдельная группа летающих на трапециях. У Вольфа были длинные, светлые ресницы, уши сквозили нежнейшим пурпуром, он необычайно быстро и крепко ударял по клавишам, и в лаковой глубине откинутой крышки двойники его рук занимались призрачной, сложной и несколько даже шутовской мимикой. Для Виктора Ивановича всякая музыка, которой он не знал, — а знал он дюжину распространенных мотивов, — была как быстрый разговор на чужом языке: тщетно пытаешься распознать хотя бы границы слов, — все скользит, все

сливается, и непроторенный слух начинает скучать. Виктор Иванович попробовал вслушаться, — однако вскоре поймал себя на том, что следит за руками Вольфа, за их бескровными отблесками. Когда звуки переходили в настойчивый гром, шея у пианиста надувалась, он напрягал распяленные пальцы и легонько гакал. Его жена поспешила, — он удержал страницу мгновенным ударом ладони и затем, с непостижимой быстротой, перемахнул ее сам, и уже опять обе его руки яростно мяли податливую клавиатуру. Виктор Иванович изучил его досконально, — заостренный нос, козырьки век, след фурункула на шее, волосы, как светлый пух, широкоплечий покроем черного пиджака, — на минуту снова прислушался к музыке, но, едва проникнув в нее, внимание его рассеялось, и он, медленно доставая портсигар, отвернулся и стал разглядывать остальных гостей. Он увидел, среди чужих, некоторые знакомые лица, — вон Кочаровский — такой милый, круглый, — кивнуть ему... кивнул, но не попал: перелет, — в ответ поклонился Шмаков, который, говорят, уезжает за границу, — нужно будет его расспросить... На диване, между двух старух, полулежала, прикрыв глаза, дебелия, рыжая Анна Самойловна, а ее муж, врач по горловым, сидел, облокотившись на ручку кресла, и в пальцах свободной руки вертел что-то блестящее, — пенсне на «чеховской» тесемке. Дальше, наполовину в тени, прижав к виску вытянутый палец, слушал, лакомый до музыки, чернородый горбатый человек, имяотчество которого никак нельзя было запомнить, — Борис? Нет, не Борис... Борисович? Тоже нет. Дальше — еще и еще лица, — интересно, здесь ли Харузины, — да, вон они, — не смотрят... И в следующий миг, тотчас за ними, Виктор Иванович увидел свою бывшую жену...

Он сразу опустил глаза, машинально стряхивая с папиросы еще не успевший нарасти пепел. Откуда-то снизу, как кулак, ударило сердце, втянулось и ударило опять, — и затем пошло стучать быстро и беспорядочно, переча музыке и заглушая ее. Не зная, куда смотреть, он покосился на пианиста, — но звуков не было, точно Вольф бил по немой клавиатуре, — и тогда в груди так стеснилось, что Виктор Иванович разогнулся, поглубже вздохнул, — и снова, спеша издали, хватая воздух, набежала ожившая музыка, и сердце забилось немного ровнее.

Они разошлись два года тому назад, в другом городе (шум моря по ночам), где жили с тех пор, как повенчались. Все еще не поднимая глаз, он, от наплыва и шума прошлого, защищался вздорными мыслями, — о том, например, что, когда давеча шел, на цыпочках, большими, беззвучными шагами, ныряя корпусом через всю комнату к этому креслу, она, конечно, видела его прохождение, — и это было так, будто его застали врасплох, нагишом, или за глупым пустым делом, — и мысль о том, как он доверчиво

плыл и нырял под ее взглядом — каким? враждебным? насмешливым? любопытным? — мысль эта перебивалась вопросами, — знает ли хозяйка, знает ли кто-нибудь в этой комнате, — и через кого она сюда попала, и пришла ли одна, или с новым своим мужем, — и как поступить, — остаться так или посмотреть на нее? Все равно, посмотреть он сейчас не мог, — надо было сначала освоиться с ее присутствием в этой большой, но тесной гостиной, ибо музыка окружила их оградой и как бы стала для них темницей, где были оба они обречены сидеть пленниками, пока пианист не перестанет созидать и поддерживать холодные звуковые своды.

Что он успел увидеть, когда только что заметил ее? Так мало, — глаза, глядящие в сторону, бледную щеку, черный завиток — и, как смутный вторичный признак, ожерелье или что-то вроде ожерелья, — так мало, — но этот небрежный, недорисованный образ уже был его женой, эта мгновенная смесь блестящего и темного была уже тем единственным, что звалось ее именем.

Как это было давно. Он влюбился в нее без памяти в душный обморочный вечер на веранде теннисного клуба, — а через месяц, в ночь после свадьбы, шел сильный дождь, заглушавший шум моря. Как мы счастливы. Шелестящее, влажное слово «счастье», плещущее слово, такое живое, ручное, само улыбается, само плачет, — и утром листья в саду блистали, и моря почти не было слышно, — томного, серебристо-молочного моря.

Следовало что-нибудь сделать с окурком, — он повернул голову, и опять невпопад стукнуло сердце. Кто-то, переменив положение тела, почти всю ее заслонил, вынул белый, как смерть, платок, но сейчас отодвинется чужое плечо, она появится, она сейчас появится. Нет, невозможно смотреть. Пепельница на рояле.

Ограда звуков была все так же высока и непроницаема, все так же кривлялись потусторонние руки в лаковой глубине. Мы будем счастливы всегда, — как это звучало, как переливалось... Она была вся бархатистая, ее хотелось сложить, — как вот складываются ноги жеребенка, — обнять и сложить, — а что потом? Как овладеть ею полностью? Я люблю твою печень, твои почки, твои кровавые шарики. Она отвечала: «Не говори гадостей». Жили не то, что богато, но и не бедно, купались в море почти круглый год. На ветру дрожал студень медуз, выброшенных на гальку. Блестели мокрые скалы. Однажды видели, как рыбаки несли утопленника, — из-под одеяла торчали удивленные босые ступни. По вечерам она варила какао.

Он опять посмотрел, — и теперь она сидела потупясь, держа руку у бровей, — да, она очень музыкальна, — должно быть, Вольф играет знаменитую, прекрасную вещь. «Я теперь не буду спать несколько ночей», —

думал Виктор Иванович, глядя на ее белую шею, на мягкий угол ее колена, — она сидела, положив ногу на ногу, — и платье было черное, легкое, незнакомое, и поблескивало ожерелье. «Да, я теперь не буду спать и придется бывать здесь, и все пропало даром — эти два года стараний, усилий, и наконец, почти успокоился, — а теперь начинай все сначала, — забыть все, все, что было забыто, но плюс сегодняшний вечер». Ему вдруг показалось, что она, промеж пальцев, глядит на него, и он невольно отвернулся.

Вероятно, музыка подходит к концу. Когда появляются эти бурные, задыхающиеся аккорды, это значит, что скоро конец. Вот тоже интересное слово: конец. Вроде коня и гонца в одном. Облако пыли, ужасная весть. Весною она странно помертвела, говорила, почти не разжимая рта. Он спрашивал: «Что с тобой?» — «Ничего. Так». Иногда она смотрела на него, щурясь с неизъяснимым выражением. «Что с тобой?» — «Ничего. Так». К ночи она умирала совсем, — ничего нельзя было с ней поделать, — и, хотя это была маленькая, тонкая женщина, она казалась тогда тяжелой, неповоротливой, каменной. «Да скажи, наконец, что с тобой». Так продолжалось больше месяца. Затем, однажды утром, — да, в день ее рождения, — она сказала, совершенно просто, будто речь шла о пустяках: «Разойдемся на время. Так дальше нельзя». Влетела маленькая дочка соседей — показать котенка, остальных утопили. Уходи, уходи, после. Девочка ушла, было долгое молчание. Уходи со своим котенком, не мешай нам молчать. Погодя, он принялся медленно и молча ломать ей руки, — хотелось сломать ее совсем, с треском всю ее вывихнуть. Она расплакалась. Он сел за стол и сделал вид, что читает газету. Она ушла в сад, но скоро вернулась. «Я не могу. Мне нужно тебе все рассказать». И как-то удивленно, как будто обсуждая другую, и удивляясь ей, и приглашая его разделить свое удивление, она рассказала, она все рассказала. Это был рослый, скромный, сдержанный мужчина, который приходил играть в винт и говорил об артезианских колодцах. Первый раз в парке, потом у него.

Все очень смутно. Ходил до вечера по берегу моря. Да, музыка как будто кончается. Когда я на набережной ударил его по лицу, он сказал: «Это вам обойдется дорого», — поднял с земли фуражку и ушел. Я с ней не простился. Глупо было думать о том, чтоб убить ее. Живи, живи. Живи, как сейчас живешь, как вот сейчас сидишь, сиди так вечно, Ну, взгляни на меня, я тебя умоляю, — взгляни же, взгляни, — я тебе все прощу, ведь когда-нибудь мы умрем, и все будем знать, и все будет прощено, — так зачем же откладывать, — взгляни на меня, взгляни на меня, — ну, поверни глаза, мои глаза, мои дорогие глаза. Нет. Кончено.

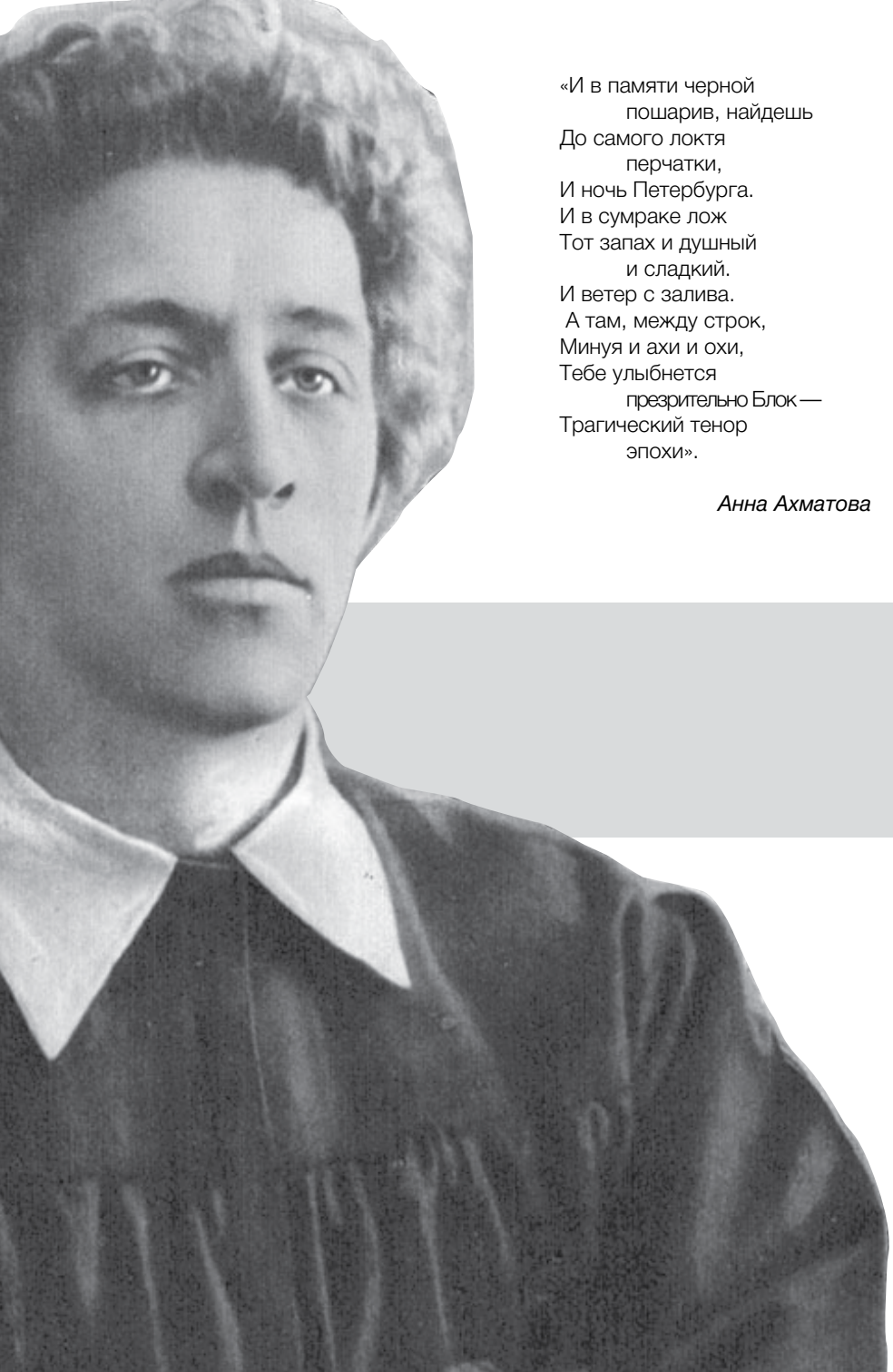
Последние звуки, многопалые, тяжкие, — раз, еще раз, — и еще на один раз хватит дыхания, — и после этого, уже заключительного, уже как будто всю душу отдавшего аккорда, пианист нацелился и с кошачьей меткостью взял одну, совсем отдельную, маленькую, золотую ноту. Ограда музыки растаяла. Рукоплескания. Вольф сказал: «Я эту вещь не играл очень давно». Жена Вольфа сказала: «Мой муж, знаете, эту вещь давно не играл». Доктор по горловым обратился к Вольфу, наступая, тесня его, толкая животом: «Изумительно! Я всегда говорю, что это лучшее из всего, что он написал. Вы, по-моему, в конце капельку модернизируете звук, — я не знаю, понятно ли я выражаюсь, но, видите ли...»

Виктор Иванович смотрел по направлению двери. Там маленькая черноволосая женщина, растерянно улыбаясь, прощалась с хозяйкой дома, которая удивленно вскрикивала: «Да что вы! Сейчас будем все чай пить, а потом еще будет пение». Но гостя растерянно улыбалась и двигалась к двери, и Виктор Иванович понял, что музыка, вначале казавшаяся тесной тюрьмой, в которой они оба, связанные звуками, должны были сидеть друг против друга на расстоянии трех-четырёх саженей, — была в действительности невероятным счастьем волшебной стеклянной выпуклостью, обогнувшей и заключившей его и ее, давшей ему возможность дышать с нею одним воздухом, — а теперь все разбилось, рассыпалось, — она уже исчезает дверью, Вольф уже закрыл рояль, — и невозможно восстановить прекрасный плен.

Она ушла. Кажется, никто ничего не заметил. С ним поздоровался некто Бок, заговорил мягким голосом: «Я все время следил за вами. Как вы переживаете музыку! Знаете, у вас был такой скучающий вид, что мне было вас жалко. Неужели вы до такой степени к музыке равнодушны?»

«Нет, почему же, я не скучал, — неловко ответил Виктор Иванович. — У меня просто слуха нет, плохо разбираюсь. Кстати, что это было?»

«Все, что угодно, — произнес Бок пугливым шепотом профана, — «Молитва Девы» или «Крейцера Соната», — все, что угодно». □

«И в памяти черной
пошарив, найдешь
До самого локтя
перчатки,
И ночь Петербурга.
И в сумраке лож
Тот запах и душный
и сладкий.
И ветер с залива.
А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется
презрительно Блок —
Трагический тенор
эпохи».

Анна Ахматова

Светлана Марлинская

ТРАГИЧЕСКИЙ

ТЕНОР ЭПОХИ

В написанном ранней молодостью стихотворении он воскликнул: «О, я хочу безумно жить!» А за полгода до смерти в одном разговоре, прервав собеседника на полуслове, вдруг спросил: «Вы хотели бы умереть?» И, не дожидаясь ответа, порывисто, горячо, страстно сам же и выдохнул: «А я очень хочу»...

Вот между этими «безумно хочу жить» и «очень хочу умереть» — прошла, нет, промелькнула метеором вся жизнь одного из замечательнейших поэтов Серебряного Века. «Трагического тенора эпохи». Александра Блока.

16 ноября 1880 года у Александры Андреевны Блок (урожденной Бекетовой) родился сын Александр. Отец ребенка, профессор права Александр Львович Блок был в то время преподавателем Варшавского университета. Семейные отношения у родителей поэта не сложились. По воспоминаниям, мать Блока хотела уйти от мужа еще до рождения ребенка. Он истязал ее вспышками ревности и яростного гнева. Когда родился Александр, его отец был в

Варшаве. Узнав о рождении сына, А.Л. Блок приехал за женой, но его со скандалом выгнали из дома Бекетовых.

С огромным трудом, с бурными объяснениями и даже драками, отец оставил мать с новорожденным ребенком в покое. Правда, развод она не могла получить несколько лет — пока Александр Львович сам не надумал снова жениться. Но через четыре года и вторая жена сбежала от него вместе с маленькой дочерью.

Александр мало виделся с отцом и, к счастью, почти ничего от него не унаследовал: ни взрывного темперамента, ни пристрастия к юриспруденции, ни презрительного отношения к женщинам вообще. Он был «маминим сыном», «бабушкиным внуком», Бекетовым, а Блоком — лишь по фамилии, которую обессмертил.

Дед маленького Саши, ректор Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов, был знаком со Щедриным, писал критические статьи и очерки, принимался даже за автобиографический роман. Жена его, Елизавета Григорьевна, помимо переводов, выпускала популярные книжки для «образовательного чтения». Оба они души не чаяли в своем «маленьком ангеле» и по очереди читали ему на ночь сказки Пушкина. Это имя запало в память Саши еще до того, как он научился читать самостоятельно.

Пушкин, Жуковский, Полонский, Фет... очень скоро мальчик знал наизусть совершенно невероятное количество стихов. И страстно любил природу — все его детство прошло в имении деда Шахматово.

В августе 1889 года брак родителей Блока был, наконец, расторгнут. Не прошло и месяца, как Александра Андреевна вторично вышла замуж, на этот раз за Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттуха, поручика лейб-гвардии Гренадерского полка, и переехала с сыном на казенную квартиру мужа в офицерский корпус на Петроградской стороне.

Из профессорского дома мальчик попал в казармы, утонченная атмосфера бекетовской гостиной сменилась пошловатой офицерской средой. Добряк Франц Феликсович обожал жену, но был равнодушен к ее сыну, даже ревновал ее к нему. Александра Андреевна поняла, что вновь совершила ошибку.

Впоследствии, вспоминая пробы в воспитании сына, она склонна была принять на себя всю вину. «Я безмерно и непоправимо виновата перед Сашей...» — писала она. Детей у Александры Андреевны больше не было.

В августе 1890 года Александр Блок поступил во Введенскую гимназию в Петербурге. Учился он неплохо, но переход из уютного семейного мира к жестокой атмосфере гимназии был слишком резок. Все казалось мальчику грубым и чуждым. Интересы его расходились с педантическими гимназическими требованиями.

Ему, наверное, действительно было тесно и душно в гимназических рамках и в гимназическом мундире, если в то время он написал:

«В моей смерти прошу никого не винить. Причины ее вполне «отвлеченны» и ничего общего с «человеческими» отношениями не имеют».

Да имел ли он сам что-то общее с этими самыми «человеческими отношениями»? Даже его первая любовь была проявлением чего-то неземного, почти ангельского, оставившая в его творчестве неизгладимый след.

«Гений первой любви надо мной...» — обронит он впоследствии.

Хотя предметом этой неземной любви была очень земная и обыкновенная женщина — Ксения Михайловна Садовская. Красавица — хотя уже и начинающая увядать (ей было за тридцать), мать троих детей... Блок познакомился с ней, когда сопровождал мать и тетку на курорт Бад-Наугейм. Ему было семнадцать лет, скрывать свои чувства он еще не умел (да и не хотел), а окружающим влюбленность гимназиста казалась очень забавной.

«Сашура у нас тут ухаживал с великим успехом, пленил барыню 32-х лет, мать трех детей и действительную статскую советницу», — писала родителям Александра Андреевна. Даже она, сама романтическая и страстная натура, не поняла первого чувства сына. А это чувство впоследствии привело к появлению стихотворных циклов «Ante Lucem» (1898–1900) и «Через двенадцать лет» (1909–1914).

Впрочем, возможно, причиной непонимания была обыкновенная материнская ревность: ведь вся ее любовь, в конце концов, сосредоточилась на единственном сыне. «Образ матери склоненной» — нежное воспоминание, вынесенное Блоком. В раннем детстве он был с нею особенно ласков, позже она стала не только его наставником в чтении, но и поверенным его тайн, первым ценителем его стихов, внимательным и чутким советчиком.

Она приобщила сына к той духовной жизни, которой жила сама, и, в первую очередь, к литературе.

Летом семья уезжала в имение деда в Шахматово. Счастье началось уже в дороге, на станции Подсолнечная ждала коляска, и вот уже появлялся на холме одноэтажный дом с мезонином, постройки начала века. А возле дома — сад. Старый, заросший, с чуть заметными тропинками, в котором царствовала сирень — всех цветов и оттенков. Сириное счастье...

А рядом — в Боблово, имении профессора Дмитрия Ивановича Менделеева, — было еще одно счастье: Люба. «Ваш принц что делает? — смеивался Менделеев, спрашивая у Бекетова про внука. — А то наша принцесса уже пошла гулять». «Принцессой» он звал двухлетнюю дочь, а «принцем» — трехлетнего Сашуру Блока. И не зря, наверное.

Ведь только трехлетний принц, возвращаясь с дедом из леса, мог, встретив синеглазую двухлетнюю «принцессу» в плюшевом пальто, сидевшую на руках у матери, вдруг протянуть ей собранный им букет ночных фиалок.

«Принцесса» растрепала цветы и тут же решила попробовать их на вкус. Даже взрослые не поняли тогда, что это был первый букет будущего поэта его первой «Прекрасной Даме»!

Правда, эти встречи закончились вместе с детством, но... возобновились с приходом юности. Сохрани-

лась любительская фотография любительского спектакля. Совсем юная девушка в костюме Офелии стоит лицом к зрителю, а ее созерцает коленапреклоненный юный Гамлет.

После спектакля они так и ушли в костюмах, и, пока семнадцатилетний принц и шестнадцатилетняя Офелия медленно спускались от сенного сарая, преображенного в театр, под гору, впереди «медленно прочертил путь большой, сияющий голубизною метеор».

И обоим это показалось предзнаменовани­ем.

«Кто знает, где это было? Куда упала Звезда?» — напишет Блок в стихотворении «Тебя скрывали туманы». В одном из сотен — уже! — стихотворений. Но на первую — безуспешную — попытку их опубликовать в журнале «Мир божий» он решился только в 1900-м году, уже будучи студентом юридического факультета Петербургского университета. Почему он выбрал юриспруденцию — он и сам, пожалуй, не знал. Но, прослушав два курса, понял, что это «не его», и перешел на славяно-русское отделение филологического факультета. Сдал выпускные экзамены в 1906 году. И...

И продолжилась самостоятельная, уже взрослая жизнь. 17 августа 1903 года Александр обвенчался с Любовью Менделеевой в церкви Михаила Архангела в Тараканове — между Бобловым и Шахматовым.

Блок любил Любовь страстно, неистово, возвышенно. За полгода

до свадьбы он написал ей в одном из писем:

«Ты — Первая моя тайна и Последняя моя Надежда... Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чем-нибудь запечатлеться... все будет Твое от Тебя и к Тебе... Я — Твой раб, слуга, пророк и глашатай. Зови меня рабом».

Всё — крайности, все — на уровне полумистического экстаза, обожествления любимой, стремления служить ей, как Высшему Существо.

А она — она была вполне земной девушкой, захваченной этим неуправляемым потоком страсти. На слишком большую высоту поднял он свою Прекрасную Даму. Любви Менделеевой-Блок было там неуютно и холодно, хотелось человеческих отношений, человеческого тепла. Увы...

То же самое было и с творчеством. Сейчас в это невозможно поверить, но стихи Блока отвергались маститыми поэтами, критиками и редакторами журналов довольно долго. «Не поэт, и никогда им не будет» — вот приговор, вынесенный двадцатилетнему Блоку. Подавляющее большинство «молодых дарований» на этом бы и закончило свой творческий путь, примеров — тьма. Большинство, но не Блок.

В то время произошло близкое знакомство поэта с семьей Соловьевых (Ольга Михайловна Соловьева была двоюродной сестрой матери Блока), и он, незаметно для себя,

втянулся в сложную творческую атмосферу этой семьи.

Летом 1901 года Блок уже прямо называет Владимира Соловьева «властителем» своих дум, буквально пропитывается его поэзией, овеванной мистическими предчувствиями, и в результате появляется «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» — одно из важнейших стихотворений этого «мистического лета», знаковое во всем будущем творчестве. О.М. Соловьева, «ужасно придирчивая насчет стихов», писала матери Бло-

В марте Блок познакомился с З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским. Сначала Гиппиус «разбранила» стихи Блока, и только личное знакомство поэта с ними несколько изменило их мнение об его творчестве.

Весь 1902 год прошел у Блока в сочинительстве и рассылке стихотворений в различные издательства. В марте 1903 года его стихи были впервые напечатаны — в журнале «Новый путь» Гиппиус и Мережковского и, почти одновременно, в 3-м альманахе «Северные цветы» и «Литературно-художественном сбор-

Имел ли он сам что-то общее с «человеческими отношениями»? Даже его первая любовь была проявлением чего-то неземного, почти ангельского, и оставила в его творчестве неизгладимый след

ка об огромном впечатлении, которое его стихи произвели на приятеля ее сына Сергея — Бориса Бугаева (известного под псевдонимом Андрей Белый), и советовала послать стихи В. Брюсову. Андрей Белый впоследствии сыграт роковую роль в семейной жизни Блока. А Брюсов...

Символисты не принимали и не понимали Блока. Валерий Брюсов высказался категорически:

— Блока знаю. Он из мира Соловьевых. Он — не поэт.

нике студентов Петербургского университета», а в ноябре он получает от московского издательства «Гриф» предложение выпустить сборник стихов. Его мечта, наконец-то, исполнилась.

Зимой 1904 года молодая чета Блоков приехала в Москву. И первый визит был, конечно, к Борису Бугаеву — Андрею Белому.

«Меня спрашивают в переднюю, — вспоминал он, — вижу: стоит молодой человек и снимает пальто, очень статный, высокий, широко-

плечий, но с тонкой талией; и молодая нарядная дама... Веселые, молодые, изящные, распространяющие запах духов. Студент и курсистка, «царевич с царевной». В оливковой моей гостиной все сели в потертые кресла, закурили и, развевая дымки папирос, заговорили о Москве. И вдруг я, как сорвавшийся с горы камень, полетел и понес чепуху. И Саша застенчиво улыбнулся... Улыбнулся душой моей душе. И с этой минуты я по-новому, без памяти влюбился в него».

Молодожёны поселились в двухэтажном белом домике на Спиридоновке, в «необитаемой малой квартирке». Об их житье здесь вспоминали и Сергей Соловьев, и Андрей Белый. Вспоминали, как первый приходил сюда всегда с белыми лилиями, а второй — непременно с розами, и засиживались порой до зари. Именно тогда они и основали «Братство Рыцарей Прекрасной Дамы». То есть Любы. *«Мы даже в лицо смотреть ей не смели, боялись осквернить ее взглядом, — писал Белый. — Она, светловолосая, сидела на диване, свернувшись клубком, и куталась в платок. А мы поклонялись ей...»*

Господи, как же, наверное, наскучили Любви Дмитриевне, земной до мозга костей женщине, эти сверхизысканные ухаживания! Она не могла понять людей, одинаково восторгавшихся и борщом, и сардинками, и Прекрасной Дамой!

Блока принято описывать, как холодного, надменного петербурж-

ца, «певца туманов», сдержанного и желчного человека. И только недавно начало открываться, что было — два Блока: канонический петербургский и неизвестный — московский. Да, их было двое: утренний и вечерний, светлый и темный, трезвый и пьяный, добрый и злой. Канонический Блок — мрачный мистик, подверженный приступам депрессии. Много и тяжело пьющий, презирующий женщин, но пользующийся ими. Как куклами. И неизвестный нам доселе Блок — светлый, счастливый... московский! Он по-настоящему любил Москву.

Именно в Москве в октябре 1904 года вышел первый сборник Блока «Стихи о Прекрасной Даме». В него вошло около 100 из 800 стихотворений, написанных, начиная с 1897 года. Сборник был проникнут пафосом ожиданий, все явления внешнего мира поэт воспринимал как символы или знаки происходящего в мирах иных. В авторе критика единодушно признала ученика и последователя Вл. Соловьева, а в образе Прекрасной Дамы увидела одно из воплощений Вечной женственности, Души Мира.

Это был звездный час Блока. Абсолютное, ничем не омраченное счастье. Гармония в творчестве, любви и дружбе.

Но, вернувшись в 1905 году после каникул в Шахматове в Петербург, он сразу ощутил нарастающую тревогу вокруг. В октябре забастовки охватили множество фа-

брик и заводов, железные дороги. Люди запасались провизией, многие лавки были закрыты. Все эти дни Блок бродил по городу и наблюдал за происходящим. Вспоминают, что осенью 1905 года, после «Манифеста 17 октября», он участвовал в какой-то восторженной демонстрации по поводу «победы» и даже нес красное знамя. Скептически настроенный по отношению к «либералам» Брюсов иронизировал, что Блок «ходил по Невскому с красным флагом».

Да, было и такое. Мало кто из творческой интеллигенции тех лет избежал революционной лихорадки. Напротив, страстно, исступленно призывали к ней, к низвержению всего, к очищению.

Но в стихах Блока того времени есть и предчувствие сложности жизни, крушения возникающих надежд, сознание того, что радостные ожидания обманут многих...

В мае 1906 года Блок окончил университет, а в сентябре переехал с женой на новую квартиру на Лактинской улице. Он жадно впитывал в себя новую для него атмосферу, голоса со двора, плач шарманки и даже чье-то пение за стеной по вечерам и исступленно работал над составлением второго сборника стихов «Нечаянная радость».

Работа шла тяжело: наступил период первого (и далеко не последнего) семейного кризиса. Поводом стали весьма двусмысленные отношения Любви Дмитриевны с Андреем

Белым. Влюбившись в жену друга, он через два года написал Блоку:

«Клянусь, что... Люба — это я, но только лучший... Ведь нельзя же человеку дышать без воздуха, а Люба — необходимый воздух моей души...»

Воздух — это только воздух, а Любви Дмитриевне до смерти надоели платоника и мистицизм. Она писала Андрею Белому:

«Увезите! Саша — тюк, который завалил меня... Знаешь ли ты, что я тебя люблю и буду любить? Люби, верь и зови... Целую тебя. Твоя...»

А через несколько дней в письме уже были совсем другие слова:

«Несомненно, что я люблю и тебя, но я люблю и Сашу... я его на тебя не променяю».

А потом — снова:

«Теперь люблю тебя, как светлого брата с зелеными глазами... Я поняла все. Истинной любовью я люблю Сашу. Вы мне — брат...» А в ответ на его отчаянную мольбу внезапно: *«Если возьмете все на себя, приезжайте. Я и твоя, да, да, и твоя. Целую тебя долго, долго, милый...»*

Земной и предельно трезвой Любви Дмитриевне было невероятно трудно сделать выбор между двумя сложнейшими личностями.

А конфликт между Белым и Блоком был неизбежен и без Любы. Уж слишком разными они были. Зинаида Гиппиус, поэтесса, беспристрастно отмечала:

«Серьезный Блок — и весь извивающийся Боря... Блок весь твердый, точно деревянный... Боря весь

мягкий, сладкий, ласковый... Блок исключительно правдив... Бугаев... исключительно неправдив. Блок по существу верен... Бугаев — воплощенная неверность... Но если в Блоке чувствовался трагизм — Боря был... мелодраматичен...»

Именно эта мелодраматичность продиктовала Белому жуткую фразу, брошенную при встрече в Москве в 1906 году: «Один из нас должен погибнуть...», и определила последующий вызов на дуэль. И именно непостоянство заставило чуть ли не немедленно отказаться от этого вызова,

— Откуда взялся миф о нашей дружбе с Блоком? Мы с ним были дружны всего два года. Остальные годы изжили все... Первая скрипка! Но только первая скрипка!..

А что же Любовь Дмитриевна? После нескольких тяжелых встреч все трое решают, что в течение года им не следует встречаться — чтобы потом попытаться выстроить новые отношения. Но «Прекрасная Дама» не выдержала ею же установленно-го срока — увлеклась сначала поэтом Чулковым, потом — Всеволодом Ивановым, тоже другом Блока,

Белый ангел и черный ангел, Светлое и Темное, христианское и языческое — эти противоречия будут раздирать Блока всю его недолгую жизнь

попутно обвинив Блока в «лакействе» перед толпой, в «предательстве» своего дара. Теперь уже Блок был вынужден вызвать Белого на дуэль, но тот после почти двенадцатичасового разговора сумел добиться хоть и зыбкого, но примирения. Блок уехал в Петербург, напутствуемый словами:

— Так будем же верить и не позволим людям стоять между нами.

Но почти через четверть века Андрей Белый с нескрываемым раздражением бросил в разговоре с одним знакомым:

причем, тут уж никакой платоники и в помине не было.

Личная драма стала для Блока окончательным крушением романтических иллюзий. Тоска по подлинному чувству и горькое сознание фантастичности его в окружающем мире с поразительной силой выразились в стихотворении «Незнакомка», написанном в то же драматическое время, в апреле 1906 года. Это ведь его жена, «дыша духами и туманами», сидела одна в сомнительных ре-

сторанах, дожидаясь очередного любовника...

Справедливости ради следует сказать, что Блок и сам не был образцом супружеской верности. 8 апреля 1907 года вышел из печати очередной сборник Блока «Снежная маска», посвященный Н.Н.В. — актрисе Наталье Николаевне Волоховой. Роман с ней был бурным, речь даже заходила о разводе и новом браке. Но Волохова отказалась продолжать роман с Блоком и ... подружилась с Любовью Дмитриевной. «Любовный треугольник» стремительно превращался в сложный многоугольник, с надрывом, горечью, примирениями и слезами со всех сторон. От всего этого немудрено было сойти с ума!

Кстати, по мнению критиков, «Снежная маска» завершила период «мистического романтизма», то есть стремления к реализации «неба на земле». Какое уж тут небо, когда супруги вводили в дом своих любовников и любовниц, мало заботясь даже о соблюдении внешних приличий! Недаром стихи о Снежной Деве были восприняты бывшими друзьями Блока как дальнейшее «падение» поэта.

Если отход от мистики и чистой романтики считать падением... Скорее, это осознание реальности — жесткой! — окружающей действительности. Из «Снежной маски» органически родился в 1908 году сборник «Земля в снегу»: итоги всего пережитого за это время. В том же 1908 году Блок, которого недруги

считали «слишком жадным до славы», наотрез отказался от вошедших в моду публичных выступлений, объяснив это тем, что «нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного».

Сам же поэт летом 1908 года увлекся патриотическими настроениями и создал поэтический цикл «На поле Куликовом». Отныне тема Родины будет постоянной в его поэзии. Интимная лирика как-то незаметно отошла на второй (если не на третий) план. И немудрено: «Прекрасная Дама» родила сына... от какого-то начинающего актера. Блок решил считать его своим, наивно полагая, что ребенок ознаменуется собой начало новой жизни. Младенца окрестили Дмитрием, но он прожил всего восемь дней. Ровно столько времени знакомые встречали Блока спокойным, с приветливым лицом, нежной улыбкой, потеплевшим голосом. А потом он переживал смерть «сына» гораздо сильнее своей жены... «Сегодня рождение Мити — 5 лет», — горькая записка в переломном 1914 году.

От навалившейся тоски поэт попытался спастись за границей. «Из всех сил постараюсь я забыть всякую русскую «политику», всю российскую бездарность, все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти... Всякий русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши от всего русского и увидеть свою другую роди-

ну — Европу, и Италию особенно...»
Но ведь пришлось вернуться...

Вернуться во все сгузавшиеся сумерки, ко все более трагичным стихам, к череде утрат. 1 декабря 1909 года умер отец Блока, Александр Львович. Поэт спешно выехал в Варшаву, хотя отца он плохо знал; это имя в доме поэта произносилось редко и неохотно. У гроба отца Блок получил весть о смерти Иннокентия Анненского. В начале 1910 года умерли Вера Комиссаржевская и Михаил Врубель.

«С Комиссаржевской умерла лирическая нота на сцене, — писал он впоследствии, — с Врубелем — громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий — вплоть до помешательства... С Врубелем я связан жизненно...».

К 1911 году Блок увлекся «политикой». Скупил целую серию революционных книжек, выпущенных в предшествующие годы, не раз давал деньги «на политические цели», попадаясь, по своей доверчивости, даже на удочку авантюристов и мошенников. Мысль о революции волновала Блока, он жадно прислушивался к тому, что говорят на эту тему. Отстранившись от участия в жизни литературно-театральной богемы, он начал поэму «Возмездие», готовил к изданию «Собрание стихотворений» в трех томах, выпущенных к 1912 году. И в то же время писал в дневнике:

«Надоели все стихи — и свои... Скорее отделаться, закончить из-

дание «собрания» — и не писать больше лирических стихов до старости...»

Еще одна несбывшаяся мечта...

И при всем этом — тьма романов — однодневных и более длительных, принесших Блоку недобрую славу циника и губителя женщин. Бог мой, они сами жаждали быть погубленными им! И не только светские, полусветские и богемные дамы. Восторженные девушки-курсистки. Такие, как Надежда Нолле-Коган, которая, по ее словам, любила его с 1913 года, а по словам самого поэта, всю жизнь.

Первая их встреча состоялась в 1912 году. Она, москвичка, жила тогда в Петербурге. Ее муж Петр Семенович Коган служил приват-доцентом Петербургского университета, а она училась на филфаке Бестужевских курсов. И как-то в мае возвращалась под вечер с Островов.

«Я возвращалась с Островов. Уже темнело. Я проголодалась и зашла в кафе. Заняв свободный столик, пошла звонить по телефону. Вернувшись, застала сидящего за моим столиком Блока. Но в этот момент соседний столик освободился, и Блок, извинившись, пересел...»

Вот и все. Блок и не вспомнил бы об этом эпизоде, не получи он год спустя письмо с одной-единственной фразой: «*Могу ли я посылать Вам цветы?*» «*Да, если хотите. Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма*», — вежливо ответил он. И полтора го-

да Блок регулярно получал букеты роз. А потом Надежда решилась.

«День был снежный, бурный, — пишет она. — Проводив мужа, я перешла Дворцовый мост и медленно направилась в сторону Офицерской... Решительно отворила дверь подъезда, поднялась на четвертый этаж и позвонила... Отворила опрятная горничная... Вешалка, висит шуба, лежит его котиковая шапка. "Барина дома нет", — сказала горничная, но я почему-то не поверила. "Нет? — переспросила я. — Ну, что же, я вернусь через два часа". Прислуга изумленно взглянула на меня...»

Через два часа она вернулась с букетом алых роз. И встретила с Блоком, который узнал ее по этим цветам. Так начался этот почти семилетний роман — единственный «московский» роман поэта, ибо Надежда вскоре вернулась в Первопрестольную. Блок подарил ей шесть своих книг. На последней, на сборнике «Седое утро», написал: «*Это самая печальная моя книга. Октябрь 1920*».

Надежда помогала ему выпускать книги, искать издательства, вести переговоры с театрами, устраивать его вечера, собирать посылки... И останется «безмолвной Музой», тайной любовью, последним утешением Блока. Когда уже всякие утешения были бесполезны.

Войну Блок воспринял неадекватно: обрадовался. Летом 1914 года он сказал по телефону Зинаиде Гиппиус:

— Война — это, прежде всего, весело!

В годы войны он выпустил сборник «Стихи о России», закончил поэму «Соловьиный сад», работал над поэмой «Возмездие». Мобилизация застал его врасплох.

«Я не боюсь шрапнелей, но запаха войны и сопряженного с ней — есть хамство... Все-таки им уловить меня не удастся, я найду способ от них избавиться», — записал он в дневнике.

Поэт явно имел в виду самоубийство, но до этого дело не дошло. В июле 1916 года его все-таки зачислили в инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов, и отправили в Пинские болота. Но произошла Февральская революция, и Блок при первой же возможности вырвался в Петербург. Как ему казалось — к началу абсолютно новой жизни.

«Мир, мир, только бы мир! Теперь готов я на всякий мир, на самый похабный... Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не войду в партию, никогда не сделаю выбора, я ничего не понимаю». — Это уже октябрь, это уже крах всех надежд.

И все же в первые месяцы после Октября, по свидетельству ближайших к нему людей, Блок — молодой, веселый, бодрый, с сияющими глазами. Октябрьская революция пробудила в нем подъём творческих сил. Он оказался в числе немногих, кто

принял Революцию, и уже 8 января 1918 года начал писать поэму «Двенадцать», ставшую для него роковой.

Поэма была закончена 28 января 1918 года, а 30 января было написано воистину пророческое стихотворение «Скифы». Тогда же в статье «Интеллигенция и Революция» Блок писал:

«Мы переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

Публикация этой поэмы навсегда отрезала Блока от большинства творческой интеллигенции того времени.

«Такого в русской литературе еще не было, — писал в марте 1918 года в дневнике писатель Евгений Лундберг и тут же спрашивал: — Но что будет он делать после «Двенадцати»?»

Доживать. Работать — по протекции Горького — в издательстве «Всемирная литература» главным редактором отдела немецкой литературы. Блок стал членом совета Дома искусств, а в 1920 году — председателем Петроградского отделения Союза поэтов. Новые стихи писать было некогда.

Большевики достойно оценят Блока, его жизнь и творчество. Сам Фадеев, глава Союза писателей СССР, в начале 1950-х произнесет с высокой трибуны:

— Если бы Блок не написал «Двенадцать», мы бы его вычеркнули из истории советской литературы.

А белые за ту же поэму не только отвернутся от него, сам адмирал Колчак пообещал: если возьмем Петроград, то, прежде всего, повесим Горького и Блока.

На поэта навалилась огромная усталость, усугубляемая тысячами мелких, но зато будничных, неотступных забот. Каждый день — часы заседаний, горы рукописей, на которые он аккуратно писал рецензии, хлопоты за людей, книги. Заботы о больных матери и отчине, который вскоре умер. Стрессы от «уплотнений», переездов, голод, необходимость рубить мебель на дрова, продавать вещи... И первые симптомы болезни, которая вскоре сведет его в могилу.

Но, несмотря ни на что, мысль об эмиграции была для него неприемлемой абсолютно. Неприемлемой даже тогда, когда во время последней поездки в Москву на одном из его выступлений кто-то из слушателей крикнул, что стихи, прочтенные Блоком, мертвы — и сам он мертвец. Поднялся шум возмущения. Но Блок со странной улыбкой сказал соседу, что крикнувший — прав.

«Я действительно стал мертвецом», — повторял он, рассказывая об этом эпизоде Надежде Нолле, с которой в этой поездке не расставался ни на один день. Она провожала его в Петроград, еще не зная, что больше никогда его не увидит: поезд увозил Блока умирать. Из окна вагона поэт сказал:

— Прощайте, да, теперь уже прощайте...

«Я обомлела, — вспоминала она потом. — Какое лицо! Какие мученические глаза! Я хотела что-то крикнуть, остановить, удержать поезд, а он все ускорял свой бег, все дальше и дальше уплывали вагоны, окно — и в раме окна незабвенное, дорогое лицо...»

Надежда Александровна Нолле-Коган пережила Блока на 45 лет. Через несколько месяцев после его смерти у нее родился сын, названный Александром.

То выступление было в Доме искусств на Поварской. На нем при-

И Маяковский — тоже... Хотя всегда твердил о своем преклонении перед Блоком. Особенно после выхода «Двенадцати»...

То, что не смогли сделать голод, холод, тяжелая работа, сделало это последнее публичное выступление Блока в Москве — надорвало его сердце. За год до смерти купался в ледяном заливе, косил, копал, пилил и колот дрова, таская их на четвертый этаж, и до последнего дважды в день совершал 10-километровые «походы» на службу. И за два месяца дошел до абсолютного нервного и физического истощения. После Мо-

Мысль об эмиграции была для него абсолютно неприемлемой. Неприемлемой даже тогда, когда на одном из его выступлений кто-то выкрикнул из зала, что стихи, прочтенные Блоком, мертвы — и сам он мертвец

существовала и Марина Цветаева. Позже она писала:

«Все! все! все в мире бы отдала за то, чтобы — ну, просто, чтобы она меня любила!»

Маяковский, тоже присутствовавший на чтении, просто зевал. А потом говорил:

«Я слушал его в зале, молчавшем кладбищем, он читал старые строки о цыганском пении, о прекрасной даме — дальше дороги не было. Дальше смерть...»

сквы он сам поставит себе диагноз в письме Чуковскому:

«Слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка...»

Официальный же диагноз был — «воспаление сердца». Но воспаление сердца, прежде всего, отражает суть профессионального, поэтического заболевания. «Он умер от «Двенадцати», как умирают от разрыва сердца», — сказал Георгий Иванов. Гумилев, никогда не питав-

ший к Блоку дружеских чувств, признал:

«Он удивительный... Если бы прилетели к нам марсиане, я бы только его и показал — вот, мол, что такое человек».

Марсиане не прилетели, а свои «небожители» решали вопрос о возможной отправке Блока в специальный санаторий в Финляндии, где могли реально помочь, больше двух месяцев. О выезде ходатайствовал Горький: еще в мае написал об этом Луначарскому. Тот молчал почти месяц. Тогда же Всероссийский Союз писателей обратился к Ленину. Ленин не ответил, а Луначарский свое письмо передал в ЦК лишь 10 июня. И там долго решали: выпустить или не выпускать? Будет он там писать «вредные» стихи или не будет? Смертельно больной человек!

А жизнь уходила. По ночам его мучили кошмары, высокая температура, сильные боли в мышцах, он боялся ложиться и проводил все время в кресле. Задышался и порой кричал от болей в сердце. Мать приехала за четыре дня до его смерти. И только жена все время была при нем, и по ее заплаканным глазам приходящие гадали о состоянии поэта. Смерть наступила в 10 часов 30 минут 7 августа 1921 года, в тот самый день, когда прибыл его заграничный паспорт. «Трагический тенор эпохи» обогнал навсего.

На Смоленское кладбище 10 августа поэта принесли на руках. По залитым августовским солнцем пустынным улицам города гроб провожали около полутора тысяч человек — огромная толпа в обезлюдевшем Петрограде 1921 года. Его похоронили без речей, под старым кленом, и поставили высокий белый крест.

К 20-й годовщине смерти Блока, по инициативе Союза писателей, прах поэта решили перенести на Литераторские мостки Волковско-го кладбища. Никого из Союза писателей на перезахоронении не было. В 1946 году на могиле поэта установили обелиск с барельефным портретом.

Блок так и не узнал о рождении у Надежды сына, но в последнем письме написал:

«Во мне есть, правда, 1/100 того, что надо было передать кому-то, вот эту лучшую мою часть я бы мог выразить в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семейно-годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть, и бунтовать, и разрушать, как во всех нас, грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно, прежде всего, совесть...» □

Марина Рябоченко

ГЛУПОЙ

« И когда ж она заткнется? Сама пигалица, сморчок недоношенный, а храпит, как мужик...»

Она вот уже три часа ворочалась с боку набок. В последнее время сон почти не шел к ней. Не помогали ни валерьянка, ни 100 грамм водочки перед сном. Рядом, по-мальчишески обхватив подушку руками, тяжело дышал во сне муж. В соседней комнате сотрясала стены «сморчок недоношенный», которая не только храпела, но и водочку «жрала», не хуже любого мужика. Уже полтора года она сидела на их шее. Появилась — как с неба упала. Да нет, какое там, с неба? Черти, не иначе, ее принесли. Как-то сидели они с мужем, ужинали — звонок в дверь. Отец — так она много лет называла мужа — удивленно вскинувшись на жену, пошел открывать. На пороге стояла худющая, какая-то то ли оборванная, то ли до крайности неухоженная, будто из «бомжовки», девица, с сумкой через плечо. Даже не сказав «Здрасьте», шагнула через порог: «Я от Сергея». Когда они с отцом обрели дар речи и смогли хоть что-то выспросить, открылось, что она вроде невесты их сыну, и прислал он ее сюда на житье, его дожидаться.

Через несколько дней пришло письмо и от сына, с наказом любить и жаловать.

После этого письма они с отцом будто съезжились душой и, даже не обсуждая, молчком, дружно переселили «сморчка» в большую комнату с балконом, а сами поселились в маленькой, сыновней. Одели-обули, первой подавали тарелку с лучшим куском, первой наливали водочку в рюмочку...

«Сморчку» было двадцать с копейками, окончила девять классов, училась в техникуме на повара, не доучилась, работать никогда не работала, о родителях, как ни расспрашивали, отмалчивалась... За полтора года ни разу не подошла к плите, к раковине с посудой, к стиральной машине, не взяла в руки веник... Целыми днями лежала на диване, спала или смотрела в «ящик». Поначалу она даже как-то разозлилась и сказала в сердцах: « Может, работать куда устроишься? Или хотя бы учиться? У нас с отцом шеи не казенные... » «Сморчок» и ухом не повела, и с дивана не встала. Но примерно через месяц пришло письмо от сына: «Мать, ты ее не трожь. Пускай дома сидит, не шляется без меня. Скоро приеду, женюсь».

У нее сегодня опять жгло в груди. Эти ужасные боли давно стали приходить к ней — сначала на миг, потом на минуточку. Но она никогда не признавала ни врачей, ни лекарств, ходила в поликлинику по крайности. И простуду, и головную боль, и зубы лечила народными средствами, в основном — водочкой. Правда, она давно уже не помогала — не только от бессонницы, головы, и от этой грудной боли, но и от страшной тоски, которая в последнее время поселилась в ее душе.

Думать, размышлять — это вообще не для нее. Конечно, как и любого человека, ее каждый день посещали мысли, но были они какими-то короткими и прямыми, как в школьных простых задачках — отрезками от точки А до точки Б: где достать кусок мяса получше, как приготовить, как постирать белье так, чтоб хрустело от крахмала... Окончания задачи было и концом мысли — из года в год, изо дня в день...

В сущности, она была неплохой — простой и даже доброй, во всяком случае, ни подлостей, ни зла никому не делала. Родом из подмосковной захудалой деревеньки, из простой семьи, она сама «выбилась» в люди. После десятилетки стала ездить в ближайший районный центр на работу, даже получила двухкомнатную квартирку в этом же городе. Ко времени получения собственной жилплощади была уже год как замужней дамой. Муж, ровесник, простой и беззлобный человек, любил ее — как мог, как понимал... Родив сына и полтора года просидев дома с малышом, на прежнюю работу она уже не пошла, а устроилась в редакцию областной газеты — на график через день. В те дни, когда она была занята на работе, с ребенком сидела ее мать.

Воспитывала она сынишку, как сама понимала: кормила, мыла, выгуливала, шлепала за шалости. Так как книг она почти не читала, даже в родной газете мельком пробегалась только по заголовкам и прогнозу погоды, сыну тоже ни разу ни одной книжки в руки не дала, и рисовать, лепить особо не разрешала — не любила грязи на столе, на стенах. Из развлечений были у него на улице — мяч, а дома — телевизор. Так и рос — как сорняк в хрустальном горшке.

А у нее и впрямь все в доме сверкало хрусталем. Чистота была ее единственной страстью. Все свободное время она проводила в трудах — мыла, чистила, стирала... Делала то, что другой хозяйке и в голову бы не пришло — после каждого дождя начисто, до блеска, протирала окна, каждый месяц стирала занавески, ни одной пылинке не позволяла осесть в родных стенах. Все сверкало, дышало чистотой — и плита, и раковины, и пол, и окна, не то, что в родительском доме, где и мебель, и сами стены были черны от старости. Нет, она жила совсем по-другому. Все детство и юность ей по выходным клали на хлеб, как самый большой подарок, кусок вареной колбасы из вонючего сельпо. Теперь же питание в семье было отменным. Доставалось все в редакционном буфете. У нее уже давно стало правилом начинать рабочий день с похода в буфет. Буфетчицы, такие же незатейливые тетки, встречали ее тепло. Посудачив о житейском минут пять, она убегала на рабочее место, прося припасти к вечеру то батончик колбасы, то 300 грамм рыбки, то глазированных сырков...

Ни одна трапеза у них с отцом не проходила без пол-литра водочки или бутылки портвейна. Пили не ради пьянства, а только ради аппетита. При-

жилась у нее эта традиция и на работе — в редакционном коллективе половина мужичков были знатными выпивохами. Нашла себе и подружку — на пару лет помоложе, интеллигентную, корреспондентку... Сначала выпивали только по праздникам, да в субботние дежурные дни, а потом разбаловались, стали пить и среди недели. Был для них в этом какой-то особый кайф — зайти среди бела дня под носом у трех редакторов в крошечную метровую кладовку за секретарским столом, махнуть стаканчик портвейна, а потом, как ни в чем не бывало, закусывать салатом из свеклы с чесноком, догрызать рыбную голову, оставшуюся от ужина. Настроение становилось легким, веселым, и казалось им, что никто вокруг ничего не видит, не понимает.

Внешне она была очень привлекательной — высокая, грудастая, с правильными тонкими чертами лица, копной пепельных, разбавленных ранней сединой волос... После обеда сидела с румянцем, блеском в голубых глазах, и местные ловеласы не упускали случая в такие минуты пообщаться, запустить руку в вырез свитерка...

— Ох, ты, озорник! — отбивалась она от нахалов. — Что озорничаешь! Да пошел ты...

Сын уже ходил в первый класс, и учительница часто намекала, что ребенок не совсем адекватный, постоянно вызывала на беседы то ее, то отца.

— Да что с него возьмешь! — отмахивалась она. — Он же еще глупой, и ничего не понимает...

И действительно, мальчику ничего не лезло в голову — ни письмо, ни чтение, ни арифметика... И стараний к учебе не было. Сначала отец сидел с ним, помогал решать задачки, а потом и он махнул рукой... А она пошла по-другому пути: раз в месяц, а особенно по праздникам собирала две сумки лучшей снеди и приносила в школу. Учительница все брала с благодарностью — и к «глупому» почти не приставала. Когда прибавилось учителей, прибавилось и сумок...

Годы проходили спокойно и незаметно — и на работе, и дома. Менялся только сын, из малыша, по велению природы, превращаясь в подростка...

Еле-еле дотянул «глупой» до конца восьмого класса, пошел в техникум на слесаря, бросил, в восемнадцать попал в армию, в двадцать вернулся... Устроили его, не без помощи волшебных сумок, доучиваться в тот же техникум. Не прошло и полгода, как сыграли свадьбу — обрюхатил-таки «глупой», да не кого-нибудь, а еще семнадцатилетнюю. Когда стал закипать скандал, она, по обычаю, зашла с тыла: сколько уж сумок переносила, сколько унижалась... И дело замяли, закончили свадьбой. А невеста попала на славу — маленькая, хорошенькая, как принцесса, умненькая, ласковая. Были они с «глупым» прекрасной парой — тот вырос на удивле-

ние красивым парнем. Жили молодые с родителями «принцессы», с их помощью растили сына. Но не прошло и года, как стала «принцесса» плакать в подушку — приходил иногда молодой муж за полночь, наполнял спальню запахом спиртного, сына не то, что не нянчил, даже не подходил к нему ...

— Да ты потерпи, у всех поначалу так, глупой же еще, не нагулялся с дружками, — уговаривала ее свекровь.

Сколько же жизней рухнуло в ту ночь, когда в дом сватов нагрянула милиция, «глупого» подняли с постели и увезли, чуть ли не в трусах...

Когда она наутро помчалась в участок и узнала правду, ее трясло так, что несколько раз зубами прищелкивала язык. Сначала ничему не поверила, думала, ошиблись, разберутся... Но чем дальше разбиралось дело, тем больше улик было против «глупого». Она не выдержала, собрала копии документов, забыв о стыде, кинулась за помощью к редакционному адвокату — у него связи, за любые деньги... Тот через неделю вернул бумаги.

— Не обижайся, но не смогу помочь, — поморщившись, объяснил он. — Слишком все плохо, такое не замнешь... Не обижайся.

Когда слушалось дела в зале суда, «принцесса», от которой, как могли, скрывали правду, вдруг с диким криком, в слезах кинулась к двери. Она же сидела, не поднимая глаз, глядя в расплывающийся перед глазами истоптанный паркет. Что-то заморозилось в те дни у нее в душе, да так, что она не воспринимала ужас сотворенного ее «глупым», только страшно боялась за него — что-то будет теперь с ним, выживет ли? Дали ему пятнадцать лет строгого режима, а его двум несовершеннолетним друзьям — чуть меньше.

«Принцесса» уже на следующий день подала на развод, и с тех пор ни ее, ни пухленького внука они в глаза не видели.

Она по-прежнему обрывала руки от увесистых сумок, но сваты сумки — для внука — принимали, а на порог не пускали. Особенно убивался муж, который и невестку полюбил как родную дочь, и к внуку привязался без памяти — готов был часами целовать его в пухлые щечки. Видя слезы ее на глазах, сваты все же пару раз показали малыша в окно. А потом «принцесса» вышла замуж и уехала подальше от родного города. А еще через год и сваты, замечая последние следы, продали квартиру и уехали вслед за дочерью.

Беда не приходит одна. В родной редакции поменялась начальство, и если старый редактор сквозь пальцы смотрел на ее красный после обеда нос, то новый уже через неделю уволил престарелую и не знающую английский секретаршу — не глядя даже на то, что осталось ей всего два года до пенсии.

А ей очень были нужны деньги! Как только «глупого» повезли по этапу, она с ног сбилась, узнала все, что смогла, и опять начала атаку с тыла. Одна за другой, полетели в отдаленные места посылки с самыми лучшими деликатесами. Поначалу свидания давали редко, но она приезжала за тысячами километров даже не к сыну — одаривала коробками икры, батонами колбасы все начальство, всю охрану. Еще работая на старой работе, устроилась на одну только что созданную американскую фирму. Работала за двоих — убирала офис, готовила... Муж, который к этому времени был уже на пенсии, помогал тянуть лямку — таскал кошелки с рынка, возил по офисным коридорам пылесос. Когда ее уволили, чуть ли не в ноги бросилась к начальнику-американцу, и тот, давно отметив трудоспособность, чистоплотность и исключительную честность этой русской женщины, нанял ее убирать, стирать, гладить, готовить в своем доме...

Все, все денежки, до последней копейки, уходили на деликатесный паек «глупому», его корешам, нужным людям... И благодаря этому неиссякаемому источнику даже в нечеловеческих условиях «глупой» жил, как король. «У меня все хорошо, мать... — писал он в письмах. — Пришли скорее посылку по списку».

В эти последние бессонные ночи вдруг стала являться к ней в памяти та бедная женщина, мать молоденькой девчушки, которую — нет, не убил, а просто до смерти замучил ее «глупой». Тогда, в зале суда, она боялась смотреть ей в лицо. Видела только, как тихо заводили ее в зал под руки муж и мать, как сидела она, не шелохнувшись, не издав ни звука, вся в черном, вся седая, старуха, а ей не было еще и сорока. Только сейчас, испытывая иногда страшный огонь в груди, она поняла, в каком нечеловеческом страдании проводила та женщина свою жизнь.

За эти долгие годы она уже даже перестала бояться за жизнь «глупого». На смену этому материнскому страху пришел другой страх — она больше смерти боялась его возвращения. Ни в одном из писем, которые писал им сын, она не почувствовала ни жалости к родителям, ни тоски по утерянной семье, ни раскаяния в содеянном. Нет, ни на грамм не поумнел «глупой». И приезд «сморчка», которая оказалась сестрой его тюремного кореша, только подтверждал ее смутные догадки. Хотя они никогда не говорили об этом, но возвращения «глупого» боялся и отец. Как же он постарел, съезжился за эти годы. Да и она — совсем поседела, посерела лицом, согнулась спиной...

Опять страшная боль будто вздыбила на груди ночную рубашку. Страшно хотелось пить. Она еле добрела до кухни...

Муж, прибежавший на грохот опрокинутых табуреток, увидев ее лежащей на полу, в какое-то первое мгновение даже позавидовал ей... □

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Задайте себе вопрос: много ли вы знаете женщин-художниц? Наверное, если вы не искусствовед, то хватит и пальцев одной руки. А художниц уровня Рафаэля или Врубеля? Пожалуй, тут и вовсе нечего будет сказать. Вряд ли можно задаваться

вопросом, почему все происходит именно так. Но стоит иногда вспоминать тех, кто смог на равных войти в этот поистине мужской мир — мир великих живописцев. Русская художница Зинаида Серебрякова, больше половины жизни прожившая в Париже, но все же душой оставшаяся русской, может быть по праву причислена именно к таким — к великим. И не потому, что получила мировое признание или прославилась монументальными полотнами. А потому, что, став художником, она, прежде всего, была — женщиной...

скучной, так что у Зинаиды Лансере не было для этого никаких шансов.

Хотя предпосылки к тому были. Ей не исполнилось и двух лет, когда от туберкулёза в тридцатидевятилетнем возрасте, оставив жену с шестью детьми, скончался отец — известный скульптор Евгений Лансере. Мать Зинаиды, сестра известного художника Александра Бенуа, вернулась в отчий дом в Петербурге.

В семье Бенуа говорили, что все дети здесь «рождаются с карандашом в руке». В доме поклонялись классическому искусству, постоянно рисовали, лепили, чертили, думали... Тем же занимались и дети. Живой энциклопедией искусства был дед Зинаиды Николай Леонтьевич Бенуа: его рассказы о путешествиях в Италию, об античности и

КИСТЕЙ И КРАСОК

Нескучное детство

Зинаида Евгеньевна Лансере родилась в 1884 году в местечке Нескучное, под Харьковом, издавна принадлежавшем ее семье. Неподалеку находилось село со схожим названием — Веселое. И в таких местах невозможно вырасти грустной и

Ренессансе раскрывали перед юной девушкой мир прекрасного.

И ей хотелось принадлежать этому миру.

К вопросу обучения подошли серьезно. Зинаида работала в студии под руководством Ильи Репина, копировала полотна Эрмита-

Жатва. 1915.

Пейзаж. Село Нескучное
Курской губернии (справа)

жа, чтобы «почувствовать» дух старых мастеров. И во многом, именно благодаря им, в ее манере навсегда осталась благородная, «классическая» простота.

То, что многие потом называли нелюдимостью и замкнутостью, на самом деле было скорее склонностью к упорству и трудолюбию: Зина могла часами повторять на листе бумаги одну и ту же фигуру, предмет, добиваясь совершенства. Летом целыми днями работала над пейзажами, писала акварелью цветы и домашних животных.

Обучение живописью, по сути, закончилось, в середине 10-х годов XX века, в Париже, куда Зинаида приехала с молодым супругом — Борисом Серебряковым. Мир открывался ей удивительной и прекрасной стороной: Париж, любимый муж, она сама — молодая и талантливая.

Несмотря на «бессистемность» художественного образования, уже очень скоро Серебрякова напишет картину, которую многие считают лучшим ее произведением...

Из Лансере — в Серебрякову

В Нескучном, помимо большого дома Лансере и прекрасных полей, многие из которых изображены на полотнах Зинаиды Серебряковой, была и речка Муромка. А через речку стоял дом Серебряковых — родни семьи Лансере.

Родная сестра отца Зинаиды — тоже Зинаида Лансере в девичестве, была матерью Бориса Анатольевича Серебрякова, который и стал избранником юной художницы.

С детского возраста Зина и Боря воспитывались вместе. Они готовы были пожениться с тех пор, как им исполнилось по 16, но подобные браки между кузенами ни церковью, ни обществом не поощрялись. К тому же, влюбленные придерживались разного вероисповедания. Зинаида была католичкой, Борис — православным.

Но к 1905 году им, наконец, удалось добиться разрешения на брак, и 9 сентября свадьба состоялась. Брак, заключенный по любви, подарил супругам четверых детей и принес много счастья и не меньше горя...

В семье Бенуа говорили, что все дети здесь «рождаются с карандашом в руке». В доме поклонялись классическому искусству, постоянно рисовали, лепили, чертили...

Купальщица

Зинаида продолжала писать, Борис готовился стать инженером-железнодорожником. Ещё студентом он мечтал о работе в Сибири. И эту его тягу ко всему новому, ко всему рискованному разделяла и Зинаида.

Спящая крестьянка
(справа)

После свадьбы молодые отправились в Париж. Зинаида училась в Академии Гранд Шомьер, а Борис посещал Высшую школу мостов и дорог в качестве вольнослушателя.

Через год Серебряковы вернулись на родину и продолжали целеустремленно заниматься тем, что любили и ценили. Зинаида в Нескучном писала портреты крестьянок, любимые пейзажи, а Борис, как рачительный хозяин, занимался домом и, конечно, своей карьерой. Он много ездил в командировки. С августа 1914 года Бо-

В одну из командировок мужа, скучая в его отсутствие, Зинаида Серебрякова и написала знаменитый автопортрет «За туалетом». В те времена (а это был 1910 год), когда искусство стремительно менялось, принимая все более и более причудливые формы — от импрессионизма до авангарда, живопись Серебряко-

Париж не принял ее. Или принял не так, как ей хотелось. Верная своей реалистической манере письма, Зинаида не вписывалась в модные течения, а жертвовать своим стилем не считала нужным

рис стал начальником изыскательской партии на строительстве железной дороги Иркутск — Бодайбо, а позднее, вплоть до 1919 года, принимал участие в строительстве железной дороги Уфа — Оренбург. Один за другим рождались дети — сыновья Женя и Шура, дочери Таня и Катя.

вой, выполненная в классической манере, становилась и вызовом, и приятным отдыхом для зрителя, уставшего от постоянных художественных экспериментов.

С автопортрета на зрителя смотрит счастливая, гармоничная женщина, которая этим зимним днем

*Портрет
супруга —
Б.А. Серебрякова*

«развлекается, стараясь изобразить всякую мелочь на туалете». Она защищена уютом своего дома, своей красотой, всеми этими бесполезными мелочами на туалетном столике. И она счастлива.

«В душе еще столько нежности, чувства...»

Несчастье случилось в годы гражданской войны. Борис много рабо-

тал и много ездил. Однажды, проведя несколько дней с семьей, он возвращался в Харьков. По дороге у него прихватило сердце, и он решил вернуться. Но в поезде заразился тифом и буквально через несколько дней умер на руках у расстрелянной Зинаиды.

Она осталась одна с четырьмя детьми. И еще старенькая мать. И гражданская война. И холод. И разруха.

*Дочка Катя
с куклами*

*Сын Женя,
1909*

У нее все валилось из рук. Дядя — Александр Бенуа — советовал ей отбросить все и всерьез заняться профессией. Но ни одна мать не способна смотреть в голодные глаза детей...

Не помогли ни былая слава, ни авторитетная семья. Серебрякова бралась за все — за вывески, портреты, оформление плакатов. Почти ничего не осталось от той спокойной и счастливой женщины, изобра-

женной на автопортрете. В 1922 году из Петрограда Зинаида писала своей харьковской подруге Галине Тесленко: «...Для меня всегда казалось, что быть любимой и быть влюблённой — это счастье, я была всегда, как в чад, не замечая жизни вокруг, и была счастлива, хотя и тогда знала и печаль и слёзы... Так грустно сознавать, что жизнь уже позади, что время бежит, и ничего больше, кроме одиночества, старости и тоски, впереди нет, а в душе ещё столько нежности, чувства».

В 1924 году отчаяние ее достигает пика, и она принимает решение отправиться в Париж — возможно, там удастся хоть что-то заработать. Детей она оставляет в России.

«Мама считала, что уезжает на время, — вспоминала потом Таня, — но отчаяние мое было безгранично, я будто чувствовала, что надолго, на десятилетия расстанусь с матерью...»

Для нее любовь всегда была жизнью. Нет любви — нет жизни. И все четверть века после смерти Бориса он оставался для нее советчиком и другом, всегда был рядом с ней

Но Париж не принял ее. Или принял не так, как ей хотелось. Верная своей реалистической манере письма, Зинаида не вписывалась в модные течения, а жертвовать своим стилем не считала правильным. Поэтому постепенно она становилась второсортной художницей, исполни-

тельница заказов на портреты. Иногда о ней писали в русской прессе, но настоящего успеха уже не было, и, возможно, больше никогда не будет.

Отчаянно скучая по детям, она «выписала» в Париж двоих — дочь Катю и сына Шуру. До встречи же с Таней и Женей пройдет еще 36 лет.

Они постоянно переписывались, а в 1965 году Татьяне удалось осуществить давнюю мечту свою и матери — организовать персональную выставку Серебряковой в Москве. И — увидеться.

80-летняя Серебрякова приехала на родину, где проходила ее выставка. Она, по словам дочери, почти не изменилась за эти годы: «Та же челка, тот же бантик...» И — много смущения: «Я очень боюсь, что не оправдаю надежд ожидающих чего-нибудь большого от “художницы Серебряковой”, ничего интересного из Франции не приславшей. Ну, что ж поделаты!»

Зинаида Евгеньевна умерла через два года после московской выставки, так после смерти мужа больше ни с кем и не связав свою жизнь. Для нее любовь всегда была жизнью. Нет любви — нет и жизни. Уже в 1952 году Серебрякова писала Татьяне из Парижа: «Не пове-

За туалетом. Автопортрет. 1909

ришь, что прошло уже больше четверти века без него!» Все эти годы Борис оставался с ней, был ее советчиком и другом.

Она написала всего четыре портрета своего мужа, которые хра-

нятся в собраниях Татьяны и Евгения Серебряковых, Третьяковской галереи и Новосибирской картинной галереи.

А сама Зинаида Евгеньевна Серебрякова уже давно рядом с ним... □

ПРЕКРАСНАЯ ФАВОРИТКА

Маркиза де Помпадур,
художник Франсуа Буше,
1759

Франсуа Буше (справа),
художник Густав
Лундберг

И КОРОЛЕВСКИЙ

ХУДОЖНИК

Он — Франсуа Буше — был королем французских живописцев. Она — мадам де Помпадур — некоронованной королевой Франции. Их встреча была неизбежна. Маркиза стала покровительницей художника, он — ее учителем рисования, а еще — другом, советчиком, помощником во всех ее делах. Вместе они создали стиль рококо — стиль изысканности, роскоши, легкости и пленительной элегантности. Их нежная дружба длилась много лет и закончилась лишь со смертью маркизы. Но ее обворожительный образ навсегда остался в истории — благодаря замечательному искусству влюбленного в нее художника...

Франсуа Буше, не очень любил писать портреты. Его коньком были картины на мифологические сюжеты — с нимфами, вакхами, венерами и амурами... Но эту женщину он писал не раз — она изображена на более чем половине выполненных им портретов. И имя этой женщины — маркиза де Помпадур.

Они встретились, по всей видимости, в конце 1740-х годов. Несмотря на весьма скромное происхождение (его отец, Никола Буше, был бедным художником, зарабатывавшим на жизнь продажей гравюр и придумыванием узоров для

Еще в детстве одна цыганка, увидев хорошенькую девочку, предсказала, что ей суждено стать королевской фавориткой. С тех пор Жанна-Антуанетта свято верила в свое высокое предназначение

вышивки), Буше сумел добиться уже многого. За его плечами — обучение в мастерских модного художника-декоратора Франсуа Лемуана и гравера Кара, победа в конкурсе на Римскую премию Королевской Академии живописи и ваяния, поездка в Италию. В 1734 году он стал членом Академии, а затем и ее преподавателем. Буше — уважаемый отец семейства. В 1733 году он женился на очаровательной семнадцатилетней Мари-Жанн Бюзо. Хорошенькая женоушка — его любимая модель; именно ее тело и личико обрели многочисленные «нимфы» на его картинах. Говорили, что она нравилась не только своему мужу, но и его заказчикам. Так, некий граф Карл Густав Тессин, посланник Швеции, дарил ей особенное внимание, и маленькая Мари-Жанн получала от восторженного шведа подарки на суммы, сильно превышавшие плату за картины ее супруга. Еще в парижском свете говорили, что художник, зная, что женоушка ему изменяет, тоже не отказывал себе в небольших шалостях. Уж такое было время... Галантный век!

Ну, а мадам Помпадур во Франции знали все! Могущественная фаворитка короля Людовика XV роди-

лась в 1721 году в семье Франсуа Пуассона, шталмейстера при дворе герцога Орлеанского. Правда, ходили слухи, что ее отцом был откупщик Ле Норман Турнем. Так это или нет, но он действительно трогательно заботился о Жанне Пуассон и даже выдал ее в 1741 году замуж за своего племянника и наследника д'Этиоля. Прелестная, богатая, прекрасно образованная (получила она свое образование в монастыре урсулинок в Пуасси, а в те времена в монастырях совсем неплохо учили), светская, живая и остроумная мадам д'Этиоль поселилась с мужем в его родовом замке. Тогда в моде были театры, и Жанна устроила у себя настоящий театр, на сцене которого блистала сама. Еще в детстве одна цыганка, увидев хорошенькую девочку, предсказала, что ей суждено стать королевской фавориткой. С тех пор Жанна-Антуанетта всегда свято верила в свое высокое предназначение. И удивительное дело — предсказание цыганки сбылось!

По-видимому, впервые Людовик XV увидел Жанну-Антуанетту на бал-маскараде в Парижской ратуше. На ней, конечно же, была маска, и король попросил таинствен-

Туалет Венеры, 1751

ную незнакомку открыть лицо. Он был настолько восхищен ею, что вскоре мадам д'Этиоль получила приглашение в Версаль. Жанна не

стала упрямяться, расставшись с мужем и приехав во дворец, она сразу заняла место предыдущей фаворитки — умершей в двадцать

Похищение Европы, 1732—1734

семь лет мадам де Шатору. Дабы упрочить ее положение при дворе, король пожаловал ей титул маркизы де Помпадур. Вскоре это имя узнала вся Франция.

Самая главная задача фаворитки короля — сделать так, чтобы ему ни на минуту не было скучно. И она создала для Людовика особый мир — мир уютных залов, частных приемов, долгих бесед у камина. Приглашала известных политиков, философов, художников, поэтов. Среди ее гостей были также Вольтер и Буше.

Жанна окружала короля предметами искусства, устраивала спектакли, в которых, разумеется, играла главные роли. Кем она только не представляла на сцене — и скромной пастушкой, и гордой патрицианской, и пылкой одалиской, а ведь маркиза еще и неплохо пела. Людовику было с ней не скучно. Как-то после одного такого представления он сказал ей: «Мадам, вы самая обворожительная женщина Франции!» Она была умна, а, кроме того, наверняка хороша! Вот как описыва-

Жанна окружала короля предметами искусства, устраивала спектакли, в которых играла главные роли, и Людовику было с ней совсем не скучно

ет ее главный обер-егермейстер лесов и парков Версаля мсье Леруа: «Рост маркизы выше среднего, она стройна, гибка, естественна, элегантна, лицо ее — ...совершеннейший овал. Она скорее шатенка, чем блондинка, глаза довольно большие, украшенные красивыми бровями..., нос совершенной формы, прелестный рот, очень красивые зубы и очаровательная улыбка... Красивейшая в мире кожа придавала всем ее чертам редкое обаяние. ...Выражение лица маркизы бесконечно менялось, но никогда не нарушалась гармония его черт... Вся ее личность производила впечатление высшей степени элегантности...»

На посту фаворитки не скучно было и самой маркизе. Она играла все более и более важную жизнь не только в жизни короля, но и всей Франции. Насмешки и недоброежелательство — все это будет позже. А пока, вступив в Версаль, Жанна принесла с собой живой ум, дух свободы, любовь к искусству и литературе, а еще такт и учтивость, чисто парижский шик и изящество. Найдя правильный тон, она даже сумела завоевать расположение королевы! («Раз уж нужно, чтобы кто-то был, то пусть уж лучше бу-

дет эта», — обронила как-то супруга Людовика.) Жанна-Антуанетта участвовала и в политической жизни страны — способствовала назначению на высокие должности одних и устраняла других. В целом, как писал французский историк Ги Шоссинан-Ногаре, «ее вмешательство во внутреннюю политику не было определяющим, но, как правило, носило позитивный характер». Всегда и везде, при всех обстоятельствах маркиза отстаивала королевский абсолютизм, защищая короля от нападков парламента. Участвовала она и в международных делах: помогла королю заключить союз с Австрией, совершенно очаровав императрицу Марию-Терезу, способствовала альянсу Англии и Пруссии, выгодному французам. Правда, потом говорили, что именно благодаря маркизе Франция оказалась вовлеченной в Семилетнюю войну, и именно из-за нее французскими войсками руководили некомпетентные генералы — ее протеже. Правда, существовали и другие мнения.

Однако вся эта политическая кухня была отнюдь не самым главным делом Жанны-Антуанетты. Мадам де Помпадур стала поистине

«Я люблю талантливых людей и философию, — писала мадам Помпадур. — Для меня будет всегда величайшим удовольствием способствовать благополучию тех, кто трудится на этом поприще»

министром культуры Франции. «Я люблю талантливых людей и философию, — писала она в одном из писем, — для меня будет всегда величайшим удовольствием способствовать благополучию тех, кто трудится на этом поприще». Вот где было ее истинное призвание. Она дружила с поэтами и писателями, например, с романистом Шарлем Дюкло, с учеными — Франсуа Кене, основателем политической экономики, с Вольтером, с энциклопедистами Дидро, Гельвецием, (кстати, именно маркиза защищала «Энциклопедию» когда в 1751 году ее во Франции запретили), натурфилософом Бюффоном, многие из них жили на деньги, которые она для них доставала. Но настоящей ее страстью были изящные искусства. Эта просвещенная фаворитка интересовалась всеми областями искусства и, как могла, поощряла архитекторов, скульпторов, художников. С их помощью она украшала свои дворцы и поместья. Над постройкой ее самого роскошного дворца в Бель-Вю работали архитекторы Лассюранс, художники Вербеш, Брюнетти, Фальконе, Натье, де Ла Тур и ее любимый — Франсуа Буше. Они вместе создали новый

стиль — рококо, стиль изящных мелочей, уютной интимности интерьеров, легкой, во многом декоративной живописи и скульптуры.

К тому времени Буше уже был первым художником короля, директором королевской мануфактуры гобеленов, ректором королевской Академии искусств. Он ценился столь высоко, что ему даже пожаловали апартаменты в Лувре! Он давал своей патронессе уроки рисования, с радостью выполнял ее заказы, писал картины, украшавшие ее дворцы и приводившие в восхищение ее гостей, оформлял ее театральные представления, делал эскизы мебели и гобеленов, а еще сопровождал маркизу, когда она посещала выставки Салона или решала наведаться в антикварные лавки. Именно по совету Буше маркиза обратила внимание на фарфор, и в 1756 году, по ее велению, государственную мануфактуру перевели из Венсена в Севр. Вместе со своим художником маркиза часто посещала мастерские, даже сама выбирала краски — так рождался знаменитый севрский фарфор.

Достигнув определенных успехов в рисовании, маркиза де Помпадур организовала в Версале ти-

Пигмалион и Галатея (Ок. 1766 г.)

пографию и под руководством наставника печатала собственные офорты, а еще занималась резьбой по камню и делала чудесные геммы. Буше всегда был рядом — и тогда, когда она задумывала новый спектакль, ведь именно он потом будет его оформлять, и тогда, когда покупала книги для своей библиотеки, и просто, когда ей бывало грустно... Поговаривали, что их связывают нежные чувства... Но маркизе, фаворитке короля, не по-

добало заводить отношения с каким-то художником, в жилах которого текла совсем не «голубая» кровь. Кто знает, что происходило между ними, когда они оставались наедине, но, так или иначе, нам остались портреты маркизы, написанные его кистью... Вот она, его фаворитка, — на парных полотнах «Туалет Венеры» и «Купание Венеры». Томный взгляд, бархат кожи, точеные руки, совершенные формы — эта все она,

Вот она, его фаворитка, — на парных полотнах «Туалет Венеры» и «Купание Венеры». Томный взгляд, бархат кожи, точеные руки — это все она, мадам Помпадур.

мадам Помпадур. Он не только изображал ее в образе богинь и нимф, но писал и вполне парадные портреты, и все они согреты такой любовью, таким неприкрытым восхищением и поклонением... На этих картинах мы видим умную, образованную, одетую с большим вкусом даму. Она очаровательна, грациозна, хороша — как статуэтка из северского фарфора. Не лишена некоторой иронии, маркиза как-то сказала об одном из своих портретов кисти Буше: «Я выгляжу здесь красивой, но совершенно непохожей на себя». (Сегодня два ее лучших портрета хранятся в лондонском Собрании Уоллес и мюнхенской Пинакотеке.)

Между тем, король понемногу пресыщался своей любовницей. Он и так достаточно долго хранил ей верность — целый пять лет! Возможно, ему не хватало в Жанне-Антуанетте пылкости — говорили, что она фригидна и не отвечает должным образом на его пылкость в постели. Но маркизу было не так-то легко заменить — душа короля по-прежнему принадлежала ей, несмотря на то, что в его спальне царили уже совсем другие прелестницы. Она и тут ему помогала: подби-

рала подходящих красавиц и даже устроила для него своеобразный гарем — «Олений парк». Эта женщина была не только красива, но и мудра.

После сорока лет маркиза Помпадур стала слабеть. Существование при дворе не способствовало ни душевному покою, ни физическому здоровью. У нее не осталось никаких иллюзий. «Где бы вы ни встретили людей, вы обязательно найдете в них фальшивость и любые возможные пороки, — горько свидетельствовала она. — Однако жить в одиночестве было бы слишком скучно, принимать их такими, какие они есть, и не делать вид, как будто ничего не замечаешь». Двадцать лет она провела у трона — даже самым крепким царедворцам не под силу такого выдержать. Постепенно мадам Помпадур стала терять свое влияние, и только несколько верных друзей по-прежнему оставались с ней. Среди них, конечно, — Франсуа Буше. Одна из последних его работ, вдохновленных маркизой — «Пигмалион и Галатей». Это большая картина — 234x329 см. Сюжет взят из «Метаморфоз» Овидия. Однажды скульптор Пигмалион высек из мрамора

«Пигмалион и Галатей». Эту картину Буше посвятил маркизе. Она, в некотором роде, была его Галатеей

статую прекрасной девушки и влюбился в нее. И тогда Венера, богиня любви, вдохнула жизнь в холодный мрамор, и статуя ожила. Именно этот момент — появление Венеры и оживление Галатеи — изображает художник на полотне. Обычно Буше работал быстро — да он и не мог позволить себе не торопиться, ведь у него было слишком много дел: и живопись, и гравюра, и выполнение миниатюр, и композиции для скульптур, и картоны для производства шпалер, и рисунки для фарфоровых безделушек, и театральные декорации, и росписи дворцовых стен и потолков, и даже орнаменты для вееров... Но над этой картиной Буше трудился долго и тщательно: композиция, далеко не простая, разработана блестяще, ярко выписан первый план, но прописан и второй, неземной уровень — мастерская Пигмалиона наполнена серебристыми облаками, на них восседает Венера — она только что вдохнула жизнь в мраморную девушку, и на щеках той появляется румянец, и, вот-вот, руки ее взмахнут вверх...

Эту картину Буше посвятил маркизе. Она, в некотором роде, была его Галатеей. Ведь это он воспитывал у нее вкус ко всему прекрасно-

му, учил рисовать, превращал ее замки в сказочные дворцы...

15 ноября 1757 года маркиза де Помпадур подписала завещание — все свои замки и драгоценности она оставляла королю.

В конце февраля 1764 года у Жанны-Антуанетты, которой исполнилось 43 года, началось острое воспаление легких (а может, это был рак, от которого, по-видимому, примерно в таком же возрасте умерла и ее мать). Надо отдать должное королю, Людовик каждый день навещал свою фаворитку — несомненно, он был искренне к ней привязан. При дворе говорили, что смерть некогда могущественной мадам близка, а ей вдруг стало лучше. Но — ненадолго. Она умерла 15 апреля в Версале, куда ее перевезли в недолгий период ремиссии. Через два дня весь двор собрался в версальской церкви Святой Богородицы на торжественную панихиду. Людовик наблюдал за похоронной процессией со своего балкона. Говорили, что со слезами.

«Я многим обязан ей, я оплакиваю ее, — писал Вольтер. — Какая ирония судьбы, что старик, который только и может, что пачкать бумагу, который едва в состоянии передви-

Маркиза де Помпадур, 1756

гаться, еще жив, а прелестная молодая женщина умирает в расцвете самой чудесной в мире славы...»

Для Буше смерть его покровительницы, друга и, вероятно, возлюбленной, стала страшным уда-

Запятнавший себя близостью к власти, Буше был с презрением вычеркнут из списка великих художников. Но прошли годы, и он занял достойное место в ряду людей, составивших гордость Франции

ром. Мир без нее опустел. Теперь, лишенный защиты маркизы, он обнаружил, что у него множество недоброжелателей и откровенных завистников. С каждым годом голоса его критиков становились все громче. Его творения называли поверхностными, бездумными, легковесными, а его самого — человеком и полностью продавшимся наживающейся на народе аристократии. Дидро, увидев картины Буше в Салоне 1765 года, разругал их в пух и прах: «Что хорошего можно ждать от художника, всю свою жизнь вращающегося среди проституток низкого пошиба?» Конечно, такие жестокие оценки больно били по самолюбию Буше. Он даже стал подумывать — а не уехать ли ему из Франции? Вот, например, в России его очень ценят. Чтобы, на всякий случай, еще более расположить к себе русскую императрицу, он в 1766 году отправил в дар Петербургской академии художеств «Пигмалиона и Галатею». А доставить в северную столицу большую картину попросил Фальконе, который как раз собирался в Петербург, ваять памятник Петру I. Кар-

тина была принята с благодарностью и установлена на стене одного из залов. (В 1922 году ее передали в Эрмитаж.) Сам Буше так и не собрался в Россию. Понемногу он удалился от света, оставил почти все свои должности (в 1768 году — пост директора Королевской академии). Но работать не переставал — творил свои чарующие, легкие картины до самой смерти. 30 мая 1770 года один из самых ярких живописцев Галантного века скончался.

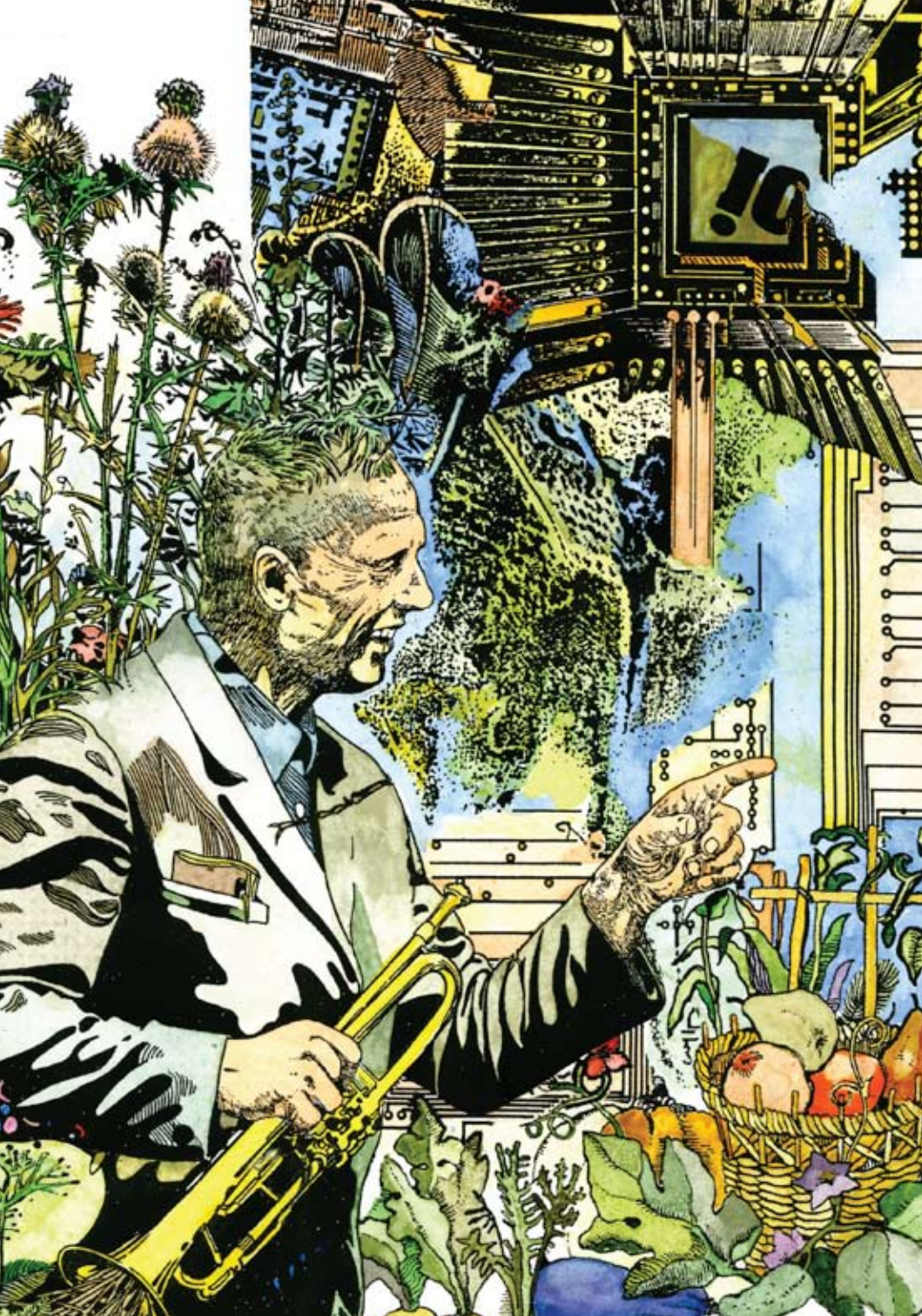
Революция 1789 года заставила французов полностью пересмотреть и свою историю, и свое искусство, и Буше, запятнавший себя близостью к власти, был с презрением вычеркнут из списка великих художников. Но прошли годы, все стало на свои места, и он занял достойное место в ряду людей, составивших гордость Франции. Помнят французы и самую блистательную из всех королевских фавориток — маркизу де Помпадур, изящную, умную, очаровательную и не очень счастливую женщину, сумевшую на двадцать лет стать настоящим министром культуры своей страны. □

Татьяна Харламова

РАЗГОВОР С ОГУРЦОМ

о погоде...

... Как звучит фруктовый салат? А овощной? На первый взгляд эти вопросы покажутся странными. Но, оказывается, и самый обыкновенный огурец, и самое обыкновенное яблоко, и любой цветок, и даже просто шкаф могут звучать. Что хотят нам сказать эти предметы — съедобные и несъедобные, пока неизвестно. Но группе ученых из Института прикладной математики имени Келдыша, под руководством старшего научного сотрудника Николая Наумова, удалось записать голоса некоторых фруктов и овощей.

... Яблоко пищит очень жалобно и монотонно, наподобие «чижика-пыжика». Начинаешь думать, на что оно, бедное, жалуется, — то ли на то, что его едят, то ли, наоборот, что никем не востребовано. А голос огурца оптимистичен и весел. Да мало ли какие у них там свои радости и проблемы, о которых мы пока ничего не знаем. Может быть, они тоже волнуются, влюбляются, мучаются, радуются?.. Расшифровать

этот язык — дело будущего. Исследования только начались. Но уже сейчас ясно, — озвучить можно любые фрукты, овощи, с которыми мы постоянно находимся в контакте ... — рассказывает Николай Наумов. — Так рождается биомузыка.

К примеру, огурец помещают в специальный футляр, который улавливает фотоны (элементарные частицы электромагнитного поля), излучаемые овощем. Все показания запи-

Николай Наумов, ст.н.с.
Института прикладной
математики

сываются очень чувствительным прибором, каждой волне соответствует определенный звук, нота. Таким образом, невидимое становится слышимым. Кстати, любую музыку тоже можно перевести как бы обратно, в состояние графической кривой.

«Турецкий марш» Моцарта получился на бумаге чем-то похожим на большую яркую бабочку. «Полонез» Огинского — на пушистый цветок...

В лаборатории Наумова пытались озвучить даже картины современных художников.

— Музыка существует в пространстве и времени, — говорит Николай Анатольевич, — а в картине времени нет, она статична. Мы вносим в нее пространственные и временные координаты, и постепенно можно наблюдать, как начинают, фрагмент за фрагментом, «звучать» картины.

Проводились эксперименты и на людях, пробовали «озвучить» человеческое тело. Оказалось, звучат даже наши пальцы, и каждый по-своему. Если человек взволнован, у него дисгармоничное состояние, то и музыка дисгармонична, просто хаос звуков, какофония какая-то. Если человек умиротворен, у него светло и радостно на душе, переводя это состояние в музыку, выходит красивая мелодия.

Авторский театр «Свет и тень»
(Выступление «Ночь в музее»,
2009)

... Мне предлагают «озвучиться». Встаю на тоненькую дощечку напротив большого экрана, от которого тянутся провода. Этот самый простой прибор фиксирует каждое движение человека, переводя его в звук. Приближаю руку — звук увеличивается. Все, что от меня требуется, — двигаться. На специальном пульте регулируется атака, мощность звука.

— Вот послушайте мелодию вашего тела. — Николай Анатольевич включает запись.

Я услышала что-то необычное и достаточно благозвучное, в восточном стиле. Наумов констатирует, что у меня хорошая пластика, а у меня невольно напрашивается вопрос:

— Зачем все это нужно?

— Мы не для какой-то экзотики озвучиваем огурцы или яблоки, а для того, чтобы человек понял, что вокруг живая окружающая среда, — отвечает Наумов. — Все тесно взаимосвязано. Мы давали людям слушать, как звучат кусочки яблока или огурца. Реакция была необычной. Слушатели говорили, что у них стали меняться вкусовые ощущения, и, в результате, фрукты и овощи лучше усваивались.

Оказывается, озвучить можно даже молекулы ДНК. То есть, с нашими генами можно «общаться», появилась так называемая «обратная связь»...

У математиков-лириков возникла еще одна идея: — вовлечение чело-

века в творчество. Не будучи профессионалом, с помощью специальных компьютерных программ можно создавать необычные композиции и в музыке, и в живописи. В Доме подростка в Ясенево ученые провели такой эксперимент — дети из разных районов Москвы делали рисунки на компьютере, а потом их озвучивали. Был полный восторг!

А началось все это около ста лет назад, с композитора Александра Скрябина, который стал отцом цветомузыки. Еще на заре двадцатого века он мечтал создать грандиозную «Мистерию», в которой, по его замыслу, должно было участвовать все человечество. Оно бы уже не делилось на зрителей и художников. «Мистерия» должна была сделать художниками всех. Для того времени замысел оказался слишком грандиозным, и композитор не успел его осуществить, но кое-что все-таки сделал. Его «Прометей» — это сочетание музыки и цвета. Он мечтал создать «световую клавиатуру», в которой каждая клавиша должна быть соединена с источником света.

Такую клавиатуру создал Лев Термен, считающийся родоначальником электронной музыки. Первая демонстрация инструмента «Терменвокс» состоялась в Петрограде в 1920 году. Сотрудники физико-технического института стали свидетелями рождения музыки... из воздуха. Инструмент внешне пред-

ставляет собой ящик с антенной. Делая легкие пассы около антенны, Термен извлекал звуки, похожие на голоса скрипки, виолончели. С тех пор этого человека прозвали современным Фаустом. Потом наши изобретатели придумали «АНС» (Александр Николаевич Скрябин) — прибор, представляющий собой широкую доску. На «АНС» создавали некоторые свои произведения Шнитке и Губайдулина. На этом инструменте, отображая различные эмоциональные состояния, написана музыка к фильму Андрея Тарковского «Солярис».

Мы с Наумовым встретились в следующий раз на одной из его вставок на Крымском валу.

Используя все, что взял от науки, Николай Анатольевич начал творить в искусстве. Его выставки скульптуры в зале на Крымском валу произвели фурор. Это попытка отринуть обыденность, суету, взорвать сознание, заставить всех ощутить остроту восприятия, это своеобразное художественное моделирование различных эмоциональных состояний. Казалось бы, обычное дерево, керамическая ваза, цветок — и рождается философская композиция «Проникновение во внутренние миры».

— Какой эксперимент будет следующим? И как применяются результаты предыдущих экспериментов на практике? — поинтересовалась я.

— Наши эксперименты необходимы психологам, психотерапевтам, — объяснил Наумов. — Как воздействует музыка на все живое — это мало изученная тема. Например, собака, слушавшая музыку, полученную от озвучивания эмбрионов рыб с нарушениями развития, скулила и убегала. А музыка, полученная с помощью озвучивания нормальных эмбрионов, воздействовала благоприятно. Музыка можно перевести в текст и использовать его как пожелание. С нами в контакте работали московские психологи. Они анализировали психику человека и определяли его негативные склонности — к наркотикам и алкоголю, или, например, к агрессии. Потом формировали установку, как пациенту следует себя вести, и с нашей помощью переводили эту установку в музыку. Удалось доказать, что, если человек определенное время слушает такую музыку, она способна изменить его сознание.

С помощью нашего аппарата, который называем «транслятором образов», мы ищем путь к гармонии. Гармонии с самим собой и окружающим нас миром. Раньше, когда мир в сознании людей еще не был расчленен, как сейчас, одно и то же явление передавалось адекватно различными языками: музыкой, живописью, литературой. Потом это постепенно утратилось. А мы хотим с помощью синтеза искусств создать целостность миропонимания,

сделать скрытое явным. Именно в этом направлении и продолжают работать наши ученые...

Воздействие музыки на человеческую психику — факт уже неоспоримый. В Российской академии музыки имени Гнесиных отделение музыкальной терапии и реабилитации возглавляет Сергей Ваганович Шушарджан.

Вокруг личности и деятельности этого человека ведется немало дискуссий. Профессиональный певец, спевший на сцене Большого театра около пятнадцати оперных партий, профессиональный врач, доктор медицинских наук, профессор Сергей Шушарджан первым в России создал уникальную музыкальную терапию. Он доказал, что музыкой можно лечить самые сложные заболевания, что она воздействует не только на душу, как было принято считать раньше, но и — на клеточном уровне, даже убивает микробы.

— Сергей Ваганович, что же это такое — современная музыкальная терапия? Чем она отличается от ранее существовавших?

— Еще в древних документах музыка фигурировала как лечебное средство. Самая древняя притча, связанная с этим, представлена в Ветхом Завете. Давид, одухотворенно играя на арфе, излечил Саула от нервной депрессии. Связь музыки и медицины древние греки символизировали в Аполлоне — покровителе искусств, и его сыне

Эскулапе, покровителе врачевания. Попытки научного осмысления механизма воздействия музыки на человека начались в конце XIX — начале XX века. В работе такого известного ученого, как Бехтерев, появились данные о благотворном влиянии музыки на нервную систему и кровообращение. В Европе и США эти исследования продолжались, и вот уже полвека сотни университетов готовят специалистов по музыкальной терапии. Существуют Всемирная и Европейская ассоциации музыкальной терапии. Россия же в этом смысле сильно отстала.

— А что вас, профессионального певца и профессионального врача, привело к музыкальной терапии?

— В свое время на телевидении была новогодняя программа типа «Огонька, и меня как-то пригласили на нее. Естественно, попросили спеть. А после передачи ко мне подбежал один известный психотерапевт и спросил: «Сергей Ваганович, вы хоть понимаете, что творите? Вы же находитесь на стыке двух наук!» Меня это высказывание заинтриговало, и я пошел в Центральную медицинскую библиотеку, поднял все материалы по этому вопросу, посмотрел, что уже сделано, а что пока не исследовано, и стал методично разрабатывать эту тему. Защитил кандидатскую, докторскую. Начал с исследований влияния на человека вокала в комбинации с музыкой. Что мы обнаружили? Вокал невозможен без пра-

вильной постановки дыхания. А правильное дыхание приводит к резкому повышению всех резервных возможностей. Достаточно провести несколько занятий по вокалу, и начинает лучше работать дыхательная, сердечно-сосудистая системы. Кроме того, такие занятия снимают стрессы, повышается активность мозга. Потом мы впервые зафиксировали вибрации внутренних органов — оказывается, они начинают вибрировать даже во время обычного разговора, а во время вокала

тем более. Мы создали компьютерную аналитическую систему. Прикладывали микрофоны к различным частям тела и улавливали вибрации. Это — реакция на звук. Когда человек говорит, часть звуковой энергии уходит в пространство, а процентов шестьдесят — во внутренние органы. Вибрации — прекрасный массаж внутренних органов. С их помощью мы можем активизировать кровообращение в какой-то конкретной зоне. Это важно, например, при приеме антибиотиков, для достижения эффективного воздействия лекарства.

— Какой инструмент больше всего «нравится» печени? И есть ли музыкальный инструмент, который может помочь сердцу?

— Печень положительно реагирует на деревянные духовые инструменты: гобой, кларнет. Виолончель и скрипка тонизируют работу сердечно-сосудистой системы. У нас есть программы по гастритам, бронхиальной астме. Есть еще методы воздействия музыкой, минуя слух. Динамики можно приложить к проекции почек, и органы сами среагируют. Все зависит от задачи — если мы хотим повысить функцию органа, то так и будет. Если необходимо изгнать камни из желчного пузыря, музыка может сделать и это. Главное, знать, какие частоты нужно использовать, какую мощность. В каждой записи заложено настроение композитора, энергетика исполнителя. И все это просчитывается...

Скульптура «Триединство»

— Сергей Ваганович, вас называют «музыкальным Гитлером», потому что вы хотели бы запретить некоторые виды рок и поп-музыки. Вы действительно готовы бороться с современной музыкой?

— Это серьезнейшая проблема, что вообще сегодня звучит по телевизору, радио. Большинство людей буквально прикованы к этим «ящикам» и через них зомбируются. Современная музыка, к сожалению, часто несет мрак и разрушение. У нас есть данные экспериментов о ее негативном воздействии. Музыка не только лечит, но и калечит, может свести с ума, активизировать раковые клетки. То есть она обладает резонансным воздействием непосредственно на клетки!

Фото персональной выставки Николая Наумова «Скульптурный симфонизм»

Наша задача — выпускать кассеты, клипы, помогающие гармонизировать состояние человека.

Сейчас, мне кажется, очень важно решить эту проблему. Люди, которые сидят в Думе и принимают законы, не знают о ней. Так вот, я вижу свой гражданский долг в том, чтобы сформулировать найденные закономерности и выйти с ними на определенные структуры. Да, меня иногда называют «музыкальным

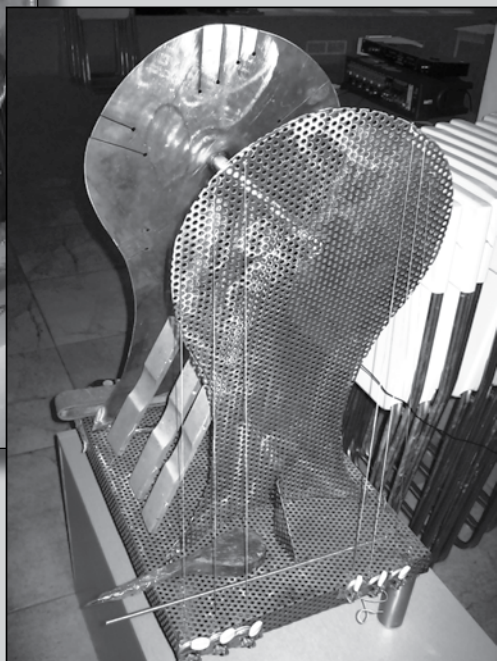
Гитлером». Дескать, нельзя запрещать, уничтожать, мало ли что вам не нравится, а нам вот нравится металлический рок, примитивная попса и так далее. Но ведь никуда не уйдешь от факта, что есть, например, рок-группы, которые исповедуют смерть и разрушение. И есть страны, в которых такая музыка запрещена.

Гиппократ несколько тысяч лет назад не рекомендовал обществу слушать некоторые довольно безобидные по отношению к современной музыке вещи, потому что они, по его мнению, вызывали деструкцию государства!

*Выступление в ГВЗ «Беляево»
«Музыка и поэзия биологических объектов»*

*Музыкальная скульптура-инструмент Н. Наумова
«Слёзы звуков и Звуки слёз»*

— Интересно, а можно ли воздействовать звуком, минуя слух?

— Еще как! Мы провели такой эксперимент. Взяли сосуд с водой и подействовали на нее звуком. Какие изменения произошли? Очень существенно начала меняться активность воды, ее химический состав. Через минут пятнадцать пошел тот же процесс в канистре с водой, которая стояла на расстоянии метра, через некоторое время это произошло и в других сосудах, на которые мы не воздействовали музыкой. Раз этот фактор переносится на расстояние, значит, при воздействии акустическими сигналами на воду возникают электромагнитные волны. А мы-то состоим на восемьдесят процентов из воды!

— Сергей Ваганович, могли бы вы привести примеры, каких больных удалось излечить с помощью музыки?

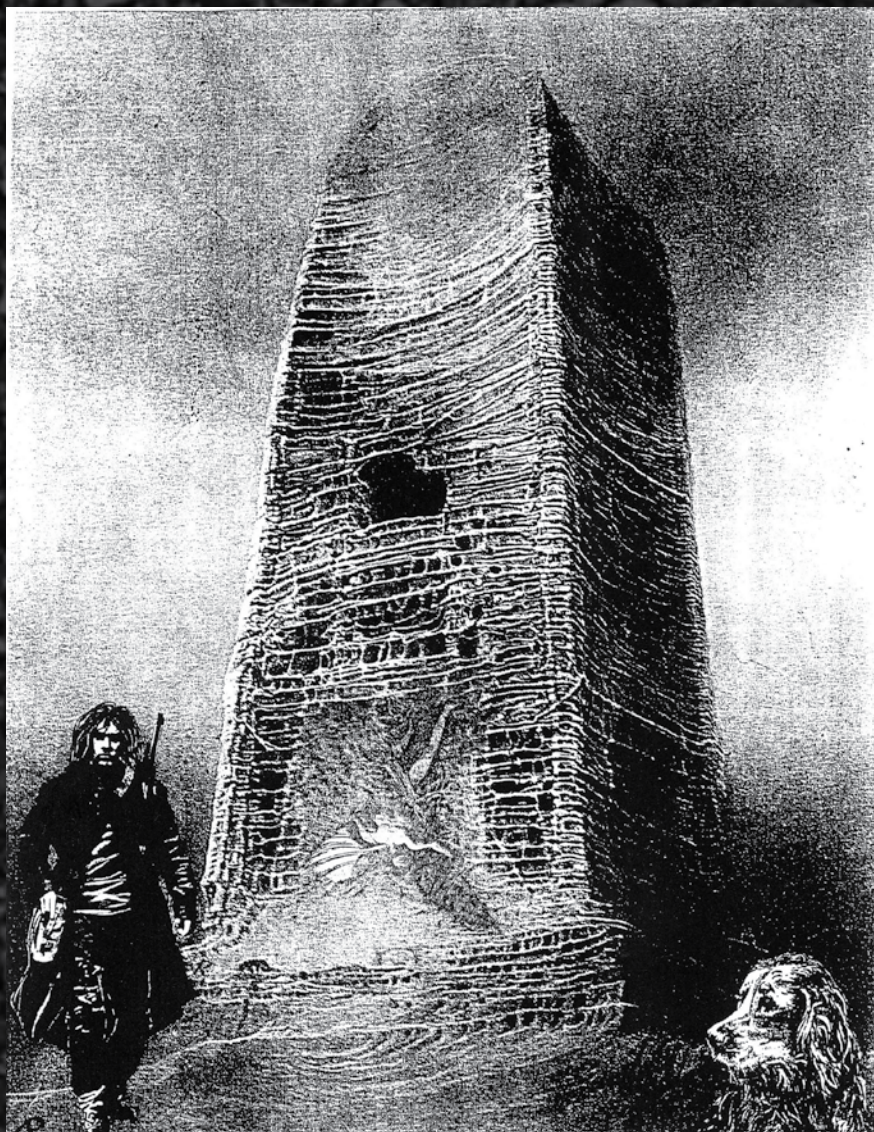
— У нас наблюдалась тяжелобольная девочка Женя. Диагноз: детский церебральный паралич. Она не умела ходить, не узнавала родителей. Полная отрешенность. Реагировала только на звуки музыки. После тестирования для нее была подобрана музыкальная программа. Полтора месяца занятий — и девочка сделала первые шаги, ее лицо стало осмысленным. У маленького мальчика удалось с помощью вокалотерапии вылечить бронхиальную астму. Сейчас он поет в хоре. Все случаи успеха музыкальной терапии не перечислишь...

— Как же сделать, чтобы музыка, полезная для общества, звучала как можно чаще?

— У нас родилась такая инициатива. В большом зале музыкальной Академии имени Гнесиных организуем концерты «Музыка здоровья». В них участвуют известные исполнители, профессора и студенты. Музыкальные пьесы отобраны мною по специально разработанной методике. Кроме того, мы создаем мобильные группы, которые смогут бывать в больницах, санаториях, хосписах. Организуем семинары для звукорежиссеров. Наши программы используются при подготовке космонавтов, и есть положительные результаты — нагрузки выдерживаются гораздо легче. Сейчас создаем развивающие программы для детей. Например, в школе или в детском саду во время игр, перемен в столовой может ненавязчиво звучать тихая прекрасная музыка Моцарта. Она незаметно входит в подсознание. Детям часто бывает скучно слушать искусствоведов, а когда их просто сопровождает музыкальный фон — это совсем другое дело. Так, постепенно, музыка развивает вкус, восприятие прекрасного, и человек уже будет чувствовать потребность слушать настоящую музыку...

Меня лично очень радует, что музыкальная терапия в России обретает, наконец, цивилизованные черты, которые уже давно существуют в мире... □

Иван Рассадин

ПОСЛЕДНИЙ МАЯК

*Автор благодарит за помощь в создании рассказа
Валерия Акимова.*

*А так же портал steampunker.ru и лично Евгения «Parom»,
за вовремя поданную идею.*

...Проснуться меня заставила боль в протезе. Отскочил какой-то проводок и теперь выплёскивал струи дыма, а по телу начинала растекаться до невозможности тупая боль. Самое неприятное в данной ситуации то, что, хотя и отрывание проводка от клапана мне ничем не грозило, и желание спать было просто непреодолимым, эта боль свела бы с ума и самого дьявола! Продираясь сквозь туман в глазах и полное отсутствие сознания, я потянулся к ноге. Сначала руки наткнулись на циферблат, на сустав и уже потом нащупали проводок. Кое-как прикрепив его к клапану, я упал на подушку и заснул.

Назвать снами то, что я видел, невозможно. После спонтанного пробуждения они ушли, но на их место пришли кошмары. Не те, тёмные и мрачные, с визжащим в оконных рамах ночным ветром, заставляющие обливаться реками холодного пота, дико кричать, вздрагивать и вскакивать с постели, а более изощрённые. Всё, что я видел, — прошлое, светлое и радостное прошлое, и в этом прошлом — моя семья. У меня была просто прекрасная семья — жена и маленькая дочурка, обе такие красавицы.

Стоят и улыбаются мне. Машут руками. И весь кошмар заключается в том, что это — всего лишь воспоминание.

В тут же секунду, как я понял, что меня опять ожидают тщетные попытки вернуть прошлое, с разодранной об жёсткие стены кожей и нещадно бьющим в лицо суровым ветром, внутри разгорелось жуткое желание раскрыть глаза, подставив их под режущие лучи солнца. Чёрт подери, я ненавижу! Порой кажется, что легче всё забыть, растоптать память, чем умереть. Зачем мне эти воспоминания? Картины в памяти, одна за другой, тугим хлыстом бьют меня. Каждый удар получается всё сильнее и сильнее, и кровь с новыми силами хлещет из свежих ран.

Я проснулся. Всё было в порядке. Никаких лживых светлых образов, возвышающихся над холмами домов, только маленькая комнатка, падающий из окошка под потолком солнечный свет, столик у стены, «винчестер», прислонённый к кровати, вешалка, с висящим на неё плащом, и лежащий на полу мешок для артефактов. Кошмар закончился. Я облегчённо вздохнул.

Оставшаяся ещё с мирных времён привычка проверять, сколько времени, сделала своё дело — я взглянул на часы, ход которых остановился ещё четыре месяца назад. Интересно, как может быть пять часов вечера при таком ярком свете? Или пять утра?

Я встал с кровати. Протез вместо потерянной правой ноги со мной вместе отходил ото сна. Зашипели гидравлические конструкции, заработали мини-поршни, вдавливая в цилиндры ещё топлива, клапаны стали выпускать струи пара, по проводкам потекла вода. Хорошо!

— И чем порадует меня этот день? — невозмутимо спросил я у тишины. Тишина — идеальный собеседник, потому что знает, что именно я хочу услышать в ответ.

Разумеется, тишина и сейчас ответила то, что я хотел услышать.

Размяв затёкшие мышцы, я подошёл к тумбочке, открыл её, взял из ящика полотенце и зубную щётку, закрыл ящик и спустился на один этаж ниже, в ванную. Конечно, название «ванная» было условным, потому что

она являлось машинным отделением Маяка, гудящим своими титаническими динамо-машинами и турбинами. Здесь была хоть и не чистая, но всё же вода. Я встал у одной из труб, открыл кран, и на решётчатый пол полилась вода. Жёсткая и грязноватая, но все-таки вполне пригодная для умывания и бритья. Я сполоснул рот и лицо, почистил зубы и поднялся обратно в комнату.

Распорядок дня у меня был таков. Для начала проверить протез, а то после одной «дружеской» встречи с дикими амфибиями на острове архипелага Отчаянный у него могут возникнуть проблемы. Далее — утреннее чаепитие на широкой палубе под прелестные композиции Вивальди на фоне бескрайних водных далей. Затем — почти целый день, посвящённый исследованию Маяка и слежению за «радаром».

Протез был в полном порядке — всё-таки доктор Швайцтел знал, что делал, когда говорил: «Эта нога стоит всего вашего тела!».

И чаепитие оказалось, что надо! Ласкающие звуки льющейся из граммофона весенней симфонии делали из обычной трапезы нечто невообразимо яркое и весёлое. А когда мирные тона сменили грозные летние мотивы, то весь Маяк словно возмужал, начал работать усерднее. Машины где-то в глубине конструкций просто рвали и металы, когда слушали эту мелодию. Гул и свист механизмов, вместе с тёплым ароматом чая и прекраснейшим видом на океан, заливший почти весь мир, делали из меня необычного человека. Я чувствовал себя богом. Я будто бы знал, что живёт в многокилометровой глубине океана — мир, возродившийся после Апокалипсиса, со своими новыми законами и новой моралью.

Закончив чаепитие, я сошёл с палубы в капитанскую рубку и проверил показания приборов. Циферблаты под толстостенным закопчённым стеклом замерли, а миниатюрные лампочки на панелях не зажигались. Значит, с Маяком всё в порядке. Данные радара — круглого экрана с мигающими на нём линиями и точками — оставляли желать только лучшего. В ближайших ста километрах ни одного острова. Может, если уменьшить масштаб, то «радар» сможет уловить и более мелкие цели? Я нажал пару кнопок на панели рядом с экраном, потянул рычаг управления на себя и поставил скорость «среднее».

Посмотрев в обзорное окно, снаружи казавшееся прожектором Маяка, я ввёл координаты в «радар» и направился к выходу из рубки. Пора снова погрузиться в мир тёмных и бесконечных коридоров Маяка. За все четыре месяца плавания, я исследовал только одну сотую того, что он хранит в себе. Доктор Швайцтел рассказывал о том, как собирал Маяк. «Мой дорогой друг! Это не я конструировал машину, она собирала себя сама. Я всего лишь курировал постройку!». Честно говоря, не знаю, какой истин-

ный смысл доктор Швайцтел хотел вложить в свои слова, но теперь понимаю, что он хотел сказать. Действительно, тайн в Маяке очень много, и, возможно, разгадка их и есть цель моего путешествия. А даже если это не так, мне будет, о чём подумать перед смертью.

Уже дойдя до двери, я остановился. «Радар» неистово пищал, извещая о нахождении какой-то точки посреди водного массива. Какой-то остров. Какой-то клочок суши. Да хоть айсберг, не важно! Я подбежал к «радару». Действительно — на тёмно-зелёном поле из тысячи лампочек одна мигала. Остров почти рядом! Я мигом оказался у штурвала и, крутанув его, с характерной хрипотцой заправского капитана, выкрикнул:

- Задать курс на пять градусов!

Маяк, слегка накренившись, повторил движение.

Затем я вернулся в комнату, накинул плащ, закинул за спину мешок, взял «винчестер» и вышел на палубу. Скоро на горизонте появится суша. Редкая удача. Обычно на острова я натыкаюсь, максимум, раз в месяц. Но два подряд за неделю! Фортуна точно ко мне благосклонна!

В лицо подул холодный бриз, заодно подняв полы моего кожаного плаща. Эх, где эти времена, когда я стоял на земле? На континенте! Опять-таки, в воспоминаниях. Сейчас все они погребены под толщей воды, плескавшейся под Маяком. Что же всё-таки произошло, что заставило воду взбунтоваться — не ясно. Говорили, что с неба упало какое-то тело. Учёные называли такие тела «астероидами», и этот оказался настолько огромен, что спровоцировал по всей Земле цепь землетрясений, цунами, смерчей и прочих природных катаклизмов. Страшное было время. Дома рушились, словно по велению одного только движения губ, — просто расходились по швам. Люди в панике метались кто куда. Из-за этого миллионы погибли только потому, что оказались задавлены. Остальные миллионы были затоплены гигантскими цунами. Я помнил день, когда цунами дошли и до нас. Тогда я был у доктора Швайцтела, проверял протез. Грянул гром, полился ливень — и на город, улица за улицей, пошла вода. Тонны необузданной силы Нептуна. Я уже сорвался с места за семьёй, но доктор Швайцтел оста-

новил меня, сказав, что они, скорее всего, уже под водой, так как еще с утра собирались на прогулку по набережной...

В этот день доктор Швайцтел и доверил мне судьбу Маяка.

Внезапно в памяти возникли такие слова «Будь информация быстрее — удалось бы спасти миллионы жизней!». Это тоже сказал доктор Швайцтел. Он каждый раз упоминал о том, что у него в разработке средство, которое в будущем сможет по радиосигналам образовывать сеть по всему миру. Сеть эта будет называться «Интернациональная база». Да, много открытий унёс с собой доктор Швайцтел, когда он со своим домом отправился в ненасытную морскую пучину. Сейчас я прекрасно понимаю, что «Инбаза» смогла бы спасти миллионы, потому что коммуникация — сильнейшее оружие человека. Но оно на момент Апокалипсиса оказалось слабо.

Вдалеке возникла черноватая линия вдоль поверхности воды, и уже через несколько минут можно было разглядеть остров. Только это был не остров, а какой-то разрушенный город. Торчали шпили башен, крыши домов, возвышались скалы из железобетона и кирпича, мосты из стен. Если бы я был ценителем искусства, то сказал бы, что это новое направление в искусстве. Такой «пост-урбанизм». Но я — не ценитель искусства. Я сам не знаю, кто я. Наверное, такой же оцетинившийся остатками зданий бурый остров посреди мирового океана.

По заданной программе Маяк начал сближение с островом. Примостившись у края цементной суши, Маяк застыл в нескольких сантиметрах от поверхности. Я направился к лифту. Цилиндрическая кабина, с отделанными внутри деревянными стенами, уже ждала с раскрытыми дверями. Я вошел, и двери за мной сомкнулись. Гидравлика пришла в действие и стала опускать кабину вниз, к подножию Маяка. Спустя пять минут кабина с характерным шипением остановилась, и двери раскрылись.

Шаг — и я на острове. Пыль и цементная крошка, подгоняемые с поверхности суши двигателями Маяка, снижали видимость, и мне пришлось ещё на несколько метров отойти от моего судна, чтобы разглядеть остров.

Широкий, почти необъятный взглядом искусственный остров. Пласты разрушенных зданий с выглядывающими из-под них покрытыми серой пылью человеческими телами. Возвышающиеся крыши зданий. По-моему, это был когда-то город Нью-Йорк...

Взведя ловким движением «винчестер», я отправился в путешествие. Под ногами хрустели обломки, шуршали камни. В ушах свистел ветер, солнце чуть слепило глаза. Прошёл уже час, а я ещё не нашёл ничего пригодного, что могло бы быть на этом острове. Я поднялся на образованный

из сложенных между собой домов холм и с гордым видом окинул территорию вокруг. Тишина и пустота. В паре километров от меня красовался Маяк, а рядом о берег из стен и крыш плескалась вода.

Надо возвращаться. Только постою тут ещё немного, а то кто знает — может, это последний клочок суши, что встретится на моем пути?

Какой-то звук заставил меня обернуться. Я поднял «винчестер», вжал в плечо приклад. Прицел ходил от одного тёмного угла к другому. Там, куда не падал солнечный свет, могло прятаться всё, что угодно — от диких аборигенов до диких рептилий.

Таймер в моей голове отсчитывал последние секунды до того момента, когда я больше не смогу выдержать и с диким воплем брошусь к Маяку.

«Гав! — раздалось откуда-то. — Гав!»

Я не поверил своим ушам, но это была не галлюцинация... Где-то под завалами находилась собака!

Откинув в сторону куски бетона, я увидел сидящего в небольшой яме щенка.

— Ты один только и остался здесь? — спросил я, глядя на его симпатичную мордочку. В глаза сразу бросился взгляд — влажный и мокрый. Несколько секунд назад полный страха и отчаяния, он теперь излучал тепло. Как солнце, когда на Земле ещё жили люди.

По щеке прокатилась слеза и упала куда-то на пыльные обломки. Кажется, я слышал, как она разбивается о сухие камни и куски бетона, как поднимается и снова ложится пыль, хороня под собой воспоминания о прошлом — прекрасном, светлом, но ушедшем навсегда.

Щенок заливисто залаял, и я улыбнулся, не в силах сдержать слёз.

Солнце садилось и бросало от меня длинную тень, ложившуюся на беспорядочные развалины зданий. Где-то под ними покоились тела людей. Где-то под ними блуждали в вечных муках души умерших. Но это я, я — неприкаянная душа. Я — призрак среди мертвецов. Именно я переживаю самые страшные муки из всех тех, которые только выпадали на долю человека.

Это надо остановить. Я давно должен был это сделать.

— Пошли! — сказал я щенку.

Он всё так же смотрел на меня своим добрым взглядом, пока что ничего не понимая. Хотя, наверное, всё понимал, просто не хотел меня расстраивать.

Я пошёл к ближайшему обрыву, сложенному из нескольких слоёв развалин и разрушенных зданий и дорог. Далеко внизу, под самыми ногами, плескался океан — бездушная пучина. Солнце слегка касалось горизонта, отчего весь край Земли окрасился в кроваво-оранжевый цвет. Где-то вдалеке от меня стоял Маяк, ожидающий, когда же снова я поднимусь в небо.

Никогда.

Говорят, люди боятся смерти. Ко мне это не относится. Чем была для меня смерть? Не знаю. Но это было такое приятное ощущение, когда ветер, чуть свистя в ушах, обволакивает тебя, закутывает в свои одеяла. Как младенца.

Удара о воду я не помню. Наши тела просто захлестнула гигантская волна, ударила о железобетонные скалы и пустила в безграничные водные дали. Там оживают мечты. Оживает прошлое.

Очнувшись, я увидел, что лежу на земле, весь в слезах. Щенок так и стоял рядом, глядя на меня глазами, в которых, казалось, уместилось все добро мира. Я почесал его за ухом, и со словами: «Ну, пошли, Мохнатик!», подхватив найденные в городе припасы, направился к Маяку.

Теперь я знал, что не одинок. И обрел самое ценное, что есть в жизни, — смысл.

Солнце уже катилось за горизонт, и я подумал, что сегодняшний день многое изменил. Город остался позади — разрушенные соборы, лавки, богатые дома и лачуги бедных. Теперь это было всего лишь напоминанием о былом величии. Я посмотрел на щенка.

— Ну что, Мохнатик, как думаешь, остался еще хоть кто-нибудь?

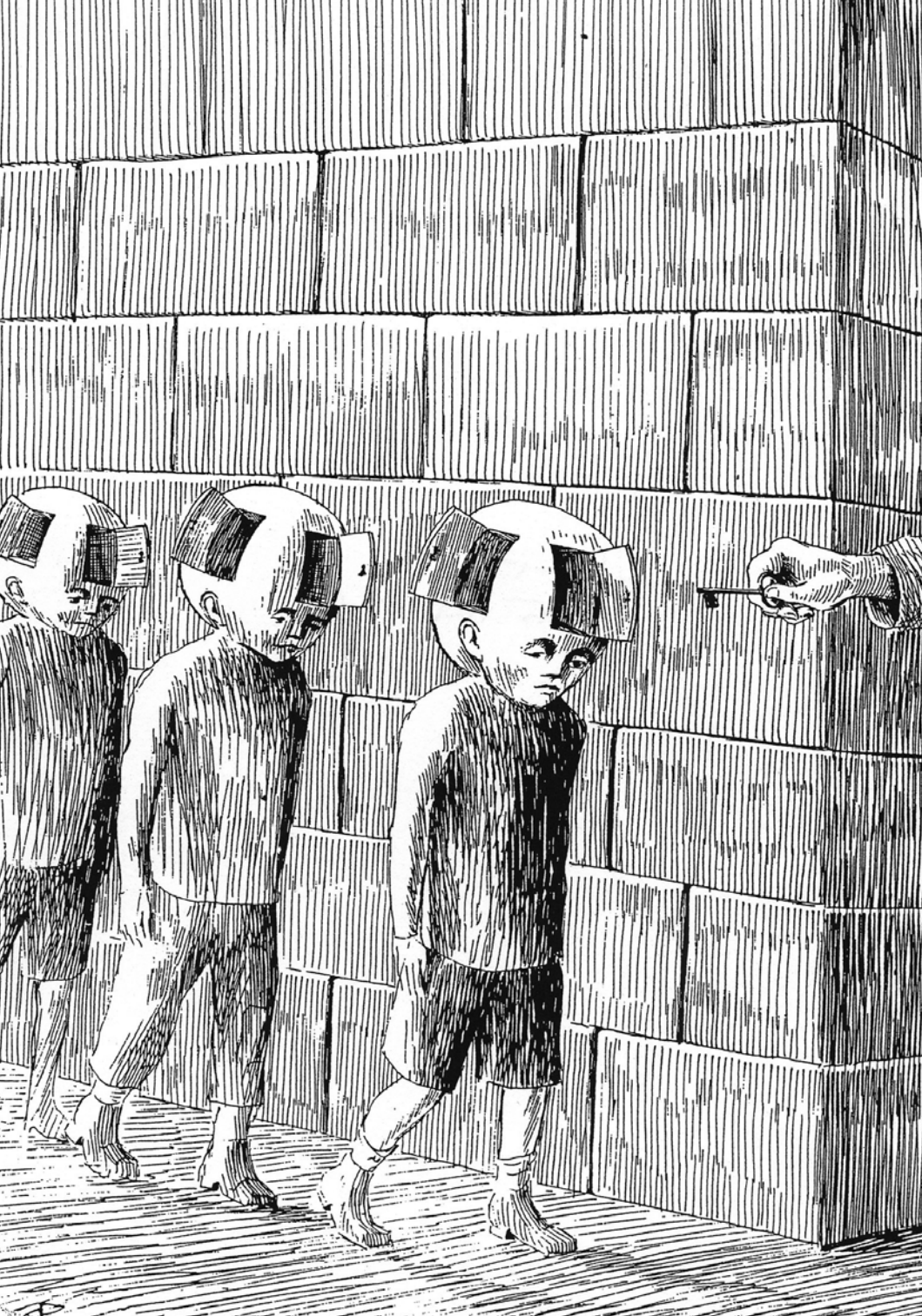
Существо, которому я был обязан жизнью, звонко твякнуло и улеглось на пол.

— Вот и я так думаю. □

СОЛНЕЧНЫЕ ДЕТИ

В пасмурном мире

Идет дождь, такой приятный после жары. На лужайке у корпуса интерната играют в мяч мальчишки и девчонки младшего школьного возраста. Они неуловимо похожи друг на друга: приземистые фигурки, короткие руки и ноги, черты лица, напоминающие азиатские, разве что волосы разного оттенка. Дети настолько увлечены, что не замечают холодных капель, сеющих в небо, и не слышат далеких раскатов грома.

— Ребята, в группу! — кричит с крыльца воспитательница Юля. К ней поворачиваются двадцать мордашек, и девочка лет семи делает шаг вперед, умоляюще прижимая к груди ладошку:

— Можно еще чуть-чуть?

— Вот как откажешь? — вздыхает Юля, прикрывая стеклянную дверь. — Они такой погоды половину лета ждали...

Я это знаю: большинство этих весело играющих малышей не выходили на улицу месяц и больше из-за так называемого «температурного карантина», который объявляется, если жара превышает 28 градусов по Цельсию. Причина проста — в раннем детстве они были прооперированы из-за врожденного порока сердца, и жара может их банально убить.

Они особенные — эти малыши. Да и не только малыши.

В первый день, когда я приехала устраиваться в интернат на работу, ко мне подошла маленькая (всего 148 см) девушка, на вид лет семнадцати (ей оказалось гораздо больше, просто эти люди молодо выглядят), и подарила розу. Вот просто так,

потому что я ей чем-то понравилась. Причем девушка симпатичная, несмотря на очень характерные черты лица, — полненькая, рыжеватая, с двумя хвостиками, в полосатой кофте и лосинах.

Я оторопела:

— Спасибо за цветочек. Как вас зовут?

— Кого нас? — с недоумением
огляделась девушка.

— Тебя.

На ее лице расцвела счастливая
улыбка:

— Меня зовут Катя!

— Надо же, меня тоже Катя.

— Ты моя тезка! — засмеялась
она. — Значит, мы с тобой будем
дружить! Ты у нас будешь рабо-
тать? А я кондитер! Делаю пирож-

ные. Пойдем, я тебя угощу! — и по-
тянула меня куда-то за руку.

Все мои вопли о том, что я на
диете, не помогли, настолько новой
знакомой хотелось показать свое
место работы и угостить меня свои-
ми творениями.

Вы спросите — о ком это вооб-
ще? Что за особенные люди, веду-
щие себя так приветливо и непо-
средственно?..

Справка

Синдром Дауна (трисомия по хромосоме 21) — хромосомная патология, характеризующаяся наличием дополнительных копий генетического материала по 21-й хромосоме, при которой чаще всего кариотип представлен 47 хромосомами вместо нормальных 46, поскольку хромосомы 21-й пары, вместо нормальных двух, представлены тремя копиями. Трисомия — это наличие трёх гомологичных хромосом вместо пары в норме.

Слово «синдром» означает набор признаков или характерных черт. При употреблении этого термина предпочтительнее форма «синдром Дауна», а не «болезнь Дауна».

Первый Международный день человека с синдромом Дауна был проведён 21 марта 2006 года — день и месяц выбраны в соответствии с номером пары и количеством хромосом.

Английский врач Джон Лэнгдон Даун первый в 1862 году описал и охарактеризовал синдром, впоследствии названный его именем, как форму психического расстройства. Широко известным понятие стало после опубликования им доклада на эту тему в 1866 году. Из-за эпикантуса Даун использовал термин «монголоиды» (синдром же называли «монголизмом»). Представление о синдроме Дауна было очень привязано к расизму вплоть до 1970-х годов.

В XX веке синдром Дауна стал достаточно распространённым. Больные наблюдались, но только малая часть симптомов могла быть купирована. Большинство больных умирали младенцами или детьми. С возникновением евгенического движения в 33-х из 48 американских штатов и в ряде других стран начали программы по принудительной стерилизации лиц с синдромом Дауна и сопоставимыми степенями инвалидности. (Это также входило в программу умерщвления Т-4 в нацистской Германии.)

С открытием в 1950-х годах технологий, позволяющих изучать кариотип, стало возможно определить аномалии хромосом, их количество и форму. В 1959 году Жером Лежен обнаружил, что синдром Дауна возникает из-за трисомии 21-й хромосомы.

Он не является редкой патологией — в среднем наблюдается один случай на 700 родов, в данный момент, из-за пренатальной диагностики, частота рождения детей с синдромом Дауна уменьшилась до 1 к 1100. У мальчиков и у девочек аномалия встречается с одинаковой частотой.

Современные исследования (по состоянию на 2008 год) показали, что синдром Дауна обусловлен случайными событиями в процессе формирования половых клеток и/или беременности. Поведение родителей и факторы окружающей среды на это никак не влияют. Данная патология развития свойственна не только человеку, она встречается так же у обезьян, мышей и некоторых других видов животных.

Синдром Дауна и сходные хромосомные аномалии чаще встречаются у детей, рождённых немолодыми женщинами. Точная причина этого неизвестна, но, по-видимому, она как-то связана с возрастом яйцеклеток матери.

Характерные черты, обычно сопутствующие синдрому Дауна:

- «плоское лицо» — 90%,
- брахицефалия (аномальное укорочение черепа) — 81%,
- кожная складка на шее у новорожденных — 81%,
- эпикантус (вертикальная кожная складка, прикрывающая медиальный угол глазной щели) — 80%,

- гиперподвижность суставов — 80%,
- мышечная гипотония — 80%,
- плоский затылок — 78%,
- короткие конечности — 70%,
- брахимезофалангия (укорочение всех пальцев за счёт недоразвития средних фаланг) — 70%,
- катаракта в возрасте старше 8 лет — 66%,
- открытый рот (в связи с низким тонусом мышц и особым строением нёба) — 65%,
- зубные аномалии — 65%,
- клинодактилия 5-го пальца (искривлённый мизинец) — 60%,
- аркообразное («готическое») нёбо — 58%,
- плоская переносица — 52%,
- бороздчатый язык — 50%,
- поперечная ладонная складка (называемая также «обезьяньей») — 45%,
- короткая широкая шея — 45%,
- ВПС (врождённый порок сердца) — 40%,
- короткий нос — 40%,
- страбизм (косоглазие) — 29%,
- деформация грудной клетки, килевидная или воронкообразная — 27%,
- пигментные пятна по краю радужки — пятна Брушфильда — 19%,
- эписиндром — 8%,
- стеноз или атрезия двенадцатиперстной кишки — 8%,
- врождённый лейкоз — 8%.

Звучит довольно пугающе, не так ли? Сразу представляется некое чудовище с заплетающимся языком, неспособное держать ложку.

«Даунами» у нас принято называть, кого попало: и олигофренов, с

разной степенью поражения интеллекта (хотя это совсем другой диагноз), и психически больных, и просто не совсем адекватных людей. Слово, видимо, такое — емкое на слух, вот и сыплют им, даже не пы-

таясь разобраться, о чем вообще идет речь.

Принято считать, что люди с Даун-синдромом обязательно серьезно отстают в умственном развитии. Более того, в ходу чуть ли не с десяток жутких историй о каких-то якобы встреченных в детстве «даунах», которые были невероятно агрессивны, кидались на людей, их забирали в «психушку»...

Картина печальна, что и говорить, ведь от всеобщей безграмотности в этом вопросе страдают как раз именно они — люди, о которых я хочу рассказать.

...На территории интерната живут несколько кошек с котятками и без страха подходят к людям, лезут ласкаться, даже на колени запрыгивают. Я задалась вопросом: почему? Кошка ведь осторожный зверь, с развитым инстинктом самосохранения, а кругом столько детей.

Ответ получила очень быстро: дети с синдромом Дауна не мучают животных. Часто наблюдала такую картину: они на лужайке смотрят на резвящихся котят, сидят на корточках, сложив руки на коленях, и просто смотрят, смеются, комментируют повадки животных. Иногда гладят их, но очень осторожно. Иногда целуют, но — не хватая для этого котенка, а подползая к нему на четвереньках! Играют с ними в веревочку, несут им еду, увлеченно де-

лают им из коробок домики, даже старое одеяло притащили.

Знаете, что мне больше всего нравится в детях с синдромом Дауна? Они хорошо понимают обоснованные аргументы и не проверяют психику воспитателей на прочность. Скажешь: выходить из корпуса нельзя, потому что на солнце опасно, можешь заболеть, и будешь лежать, пока другие бегают во дворе (слово «умрешь» не используется, конечно). И ребенок не выходит! Вы можете себе такое представить? Лично я никогда не видела подобного поведения у обычных детей.

Они интересные. И нельзя сказать, что умственно отсталые, просто своеобразные, и с ними можно отлично общаться...

Мне было бы очень интересно посмотреть в глаза тому господину, который предлагал ввести эвтаназию для новорожденных с синдромом Дауна, — наверное, помните ту нашумевшую историю? — и спросить, а что он вообще знает о таких детях?!

Взять, например, девушку Катю.

Ей скоро 30 лет. Закончила 9 классов школы по специальной программе, имеет диплом кондитера и диплом курсов помощника воспитателя. Работает 2–3 часа в день, за это время успевает соорудить около 5 тортов и более 50 пирожных. Умеет печь хлеб в духовке. Отлично готовит, особенно блюда итальянской кухни: спагетти, лазанью, салаты, жарит великолепные куриные кот-

леты, печет пироги. Кроме того, вяжет крючком ажурные салфетки, митенки, шапки на продажу. Шьет на машинке красивую одежду, умеет делать картины и вазы из кожи, плетет из бисера, вышивает, лепит из глины.

Хорошо владеет компьютером, быстро и без ошибок печатает, далеко не каждый ориентируется в Интернете так, как Катя. Она ищет там новые рецепты и мастер-классы по рукоделию, кроме того, приучает к компьютеру и других детей. Много читает, знает английский язык.

Можно такого человека назвать умственно отсталым? Однозначно — нет!

Я своими глазами видела пятилетних детей (подчеркиваю, пятилетних, с синдромом Дауна, которых несведущие граждане считают «идиотами!»), уже умеющих читать, причем быстро, не запинаясь, и с выражением.

Все дети, без исключения, прекрасно себя обслуживают, проявляя при этом взаимовыручку! Она у них буквально в крови. Никто не говорит: «Маша, помоги Наташе собрать игрушки», — они помогают сами. Воспитатель обычно не лезет с указаниями, только в случае необходимости, а так дети и без него прекрасно разбираются.

Конечно, заслуга учителей и воспитателей тут неопределима. Рассказывает Ирина, детский психолог:

— Даун-синдром — это не приговор. Если буквально с рождения

с ребенком усиленно заниматься, развивать его мышление, речь, моторные навыки, общаться с ним, то примерно к 6–7 годам он догонит сверстников по степени умственного развития. Конечно, в плане характера, мировосприятия отличия останутся на всю жизнь, но что касается интеллекта, социальной приспособленности, адаптации — тут все будет хорошо. Главное, нельзя упускать момент. Я глубоко уважаю родителей, которые ответственно относятся к своим детям и не «тянут резину». Таких, к счастью, много. В США, например, дети с Даун-синдромом учатся в обычных школах, даже в колледжах, получают профессии, работают, пишут книги, снимаются в кино, а ведь наши дети ничуть не хуже.

От себя могу добавить — они не только не хуже, а вообще отличаются от «нормальных» детей. И, как ни странно это звучит, порой в лучшую сторону.

Нигде прежде я не видела такой взаимной заботы и нежности, как у них. Понятие «дразнить» им неведомо, дети не знают, как, а главное — зачем это делать. Они очень дружелюбные, почти всегда улыбаются, заглядывая в глаза взрослым. Но некоторые детишки подолгу сидят одни, и не потому, что не хотят общаться. Они смотрят на небо, на бабочек, на воду — и получают удовольствие! Могут и человек по пять сидеть так рядышком, словно маленькие буддийские монахи...

Рассказывает Ольга, мать 14-летнего воспитанника:

— Когда после УЗИ мне сказали, что сын родится «дауном», я плакала неделю. Ну, представь: мне было уже 37 лет, мужа нет, первый, и — возможно — последний ребенок, а тут такое... Думала, руки на себя наложу. И аборт на седьмом месяце не сделаешь. Но, стоило мне в роддоме увидеть Вадика, сразу как-то оттаяла. У него было ангельское лицо... такое умиротворенное, доброе... К счастью, хороший врач помог с самого начала, дал телефон развивающего Центра, а потом мы нашли этот интернат. Сейчас Вадик, сама видишь, какой: учится на краснодеревщика, знает английский, пишет стихи, рисует. На день рождения на свои заработанные деньги купил мне букет цветов! И я опять плакала. Но от радости! Когда ему исполнится восемнадцать, он вернется домой, пойдет работать, станет жить полноценной жизнью. И он такой добрый, хороший мальчик! Пишет мне эсэмэски и письма каждый день, приезжает на выходные, очень помогает по дому. Теперь я не жалею, что он родился таким. Это честно.

Я могу понять матерей, которые говорят так, потому что ежедневно вижу их детей и разговариваю с ними. В них есть что-то светлое, чистое, почти недоступное пониманию наших засоренных стереотипами мозгов. С ними отдыхаешь, становишься добрее. В этих детях жи-

вет какая-то природная, добрая сила, после соприкосновения с которой обычный мир кажется неестественным и странным.

Девочка Наташа, 14 лет, проводила выходные дома. Поехала с папой в крупный торговый центр. Зашли в обувной павильон, немного разбрелись в стороны — папа стоял метрах в десяти от дочки.

И тут подходит к Наташе «здоровая» девочка лет 8–10 и, дергая ее за рукав, довольно громко спрашивает: — Ты — дебил, да? Ты даун? Ты под себя гадишь? (она употребила более грубое слово).

Со слов отца, Наташа на секунду оторопела, потом поинтересовалась:

— А ты нормальная, да? Ты не дебил?

— Я нормальная! — ответила девочка — А ты нет! Тебя замуж не возьмут, и вообще, ты дура! — и гордо пошла прочь.

Папа даже вмешаться не успел, настолько потерял дар речи.

— Наташка прекрасная девочка! — говорил он потом. — Мама у нас нет, умерла, я много работаю, но как только школу закончит — заберу домой. Я по ней скучаю. Даже жениться из-за нее не хочу, неизвестно же, как у нее с новой женой все сложится. Только страшно, Катя... Вот заберу, да. А потом подойдет к ней где-то такая же дрянь, только взрослая, — и как? А меня рядом не будет. Или я не успею. Это же травма. Прямо не знаю, как быть.

Такое случается повсеместно, и каждый понедельник ко мне приходят заплаканные мамы (а то и папы) воспитанников и задают один и тот же вопрос:

— Как вы думаете, ну, что делать-то?!

В детей тычут пальцами, неприкрыто рассматривают, комментируя их внешний вид и повадки, показывают их своим «нормальным» детям, как редких зверушек, сопровождая все это разнообразными домыслами, смеются, а то и матерятся вслед.

Это при том, что ни один ребенок с Даун-синдромом ни разу не дал повода для подобного поведения. Тихие, молчаливые, пугливые дети — они терпят, простите, скотство окружающих, не понимая, чем оно вызвано, готовые простить за улыбку и дружеское слово все гадости и смешки, но не находят тепла — только боль.

Инна, мать 9-летней воспитанницы:

— Мы с мужем любим ее безумно! Сама видишь — постоянно тут торчим. Я не стала рожать второго ребенка, не хочу. Не потому, что боюсь повторения, просто, как только Женечка подрастет, мы ее заберем и будем заботиться, и пусть все достанется ей одной. Дай бог, к тому времени появится возможность уехать в США, там к таким детям относятся как к людям, а тут... Вышла она из дома на 15 минут во дворик

погулять, окружили какие-то дети, стали шпынять, плевать, за волосы дергать... она плачет, не понимает, а ее повалили и — ногами... Пусть лучше пока в интернате живет, тут хоть безопасно.

Мне страшно слышать такое, но ведь это правда. Дети, официально считающиеся здоровыми, истязают животных, издеваются над стариками, мучают других детей, всего лишь отличающихся от них разрезом глаз и манерой говорить, бьют друг друга — и никто пока не может изменить ситуацию. В таком мире страшно быть не то что инвалидом — а просто страшно хоть чем-то отличаться от большинства — иметь лишние хромосомы в наборе и недостаток агрессии в характере...

А вот в интернатовскую школу я стараюсь не заходить, чтобы не чувствовать зависти. Здесь маленькие классы (5–7 ребят), уютная обстановка, никаких дневников, оценок, добрая симпатичная учительница. У каждого ребенка свой шкафчик, стол, мягкий стул. Висит плазменная панель для показа учебных фильмов, много красивых ярких книг, красок, фломастеров, альбомов, игрушек. Не надо вставать, когда учитель входит в класс, не надо поднимать руку, чтобы выйти в туалет, с каждым возятся до победного, и вот результат — маленький ребенок читает наизусть поэму «Бородино», и ему аплодирует весь

класс, здесь это вместо «пятерки». Никого не ругают, не обзывают, не наказывают. Не понял — учительница берет стул, садится рядом и «разжевывает» материал, пока малыш не разберется.

Мне странно на это смотреть, потому что сразу вспоминается «учительница первая моя» в 1983 году, которая била ученика линейкой по голове и истошно орала: «Стадо баранов! Вам место в тюрьме или на панели!» — и этот вопль адресовался первоклашкам!

Наверное, истоки враждебности к «другим» детям лежат еще и в этом — в агрессивной дрессировке, которой подвергают «нормальных», чтобы приспособить их к нуждам общества, совершенно не вникая в тот факт, что имеешь дело, вообще-то, с людьми, пусть и маленькими. А зло порождает только зло.

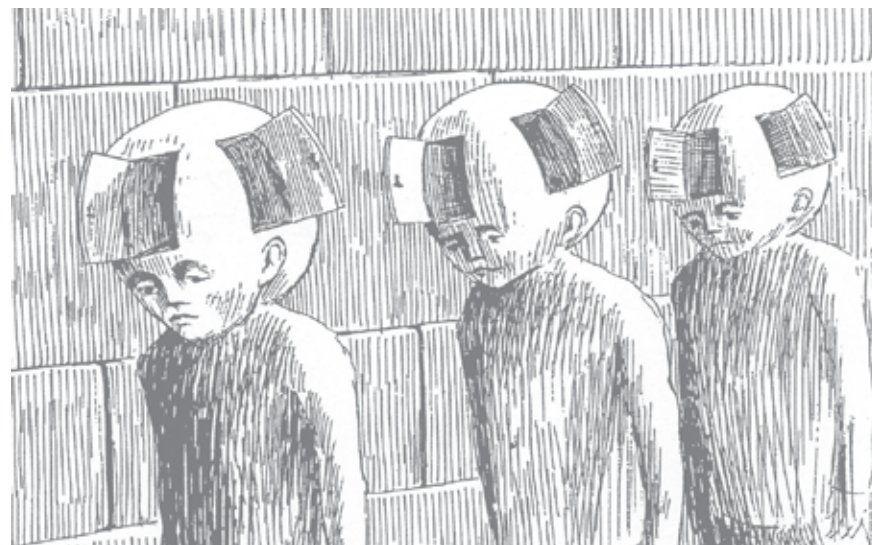
К счастью, во всем мире, а теперь и в России, к детям с Даун-

синдромом все-таки начали «поворачиваться лицом». Очень медленно, крошечными шажками, но прогресс идет. Конечно, изменить менталитет общества быстро не выйдет, на это нужны десятилетия, но открываются все-таки интернаты, как государственные, так и частные, вроде того, где работаю я. Появляются Центры развития, есть в Интернете полезные сайты, где родители особенных детей могут найти полезную информацию, постепенно меняется и отношение к таким детям.

Светлое будущее очень далеко. Даже дети этих детей (хотя большинство из них не планирует становиться родителями) вряд ли застанут значительные улучшения.

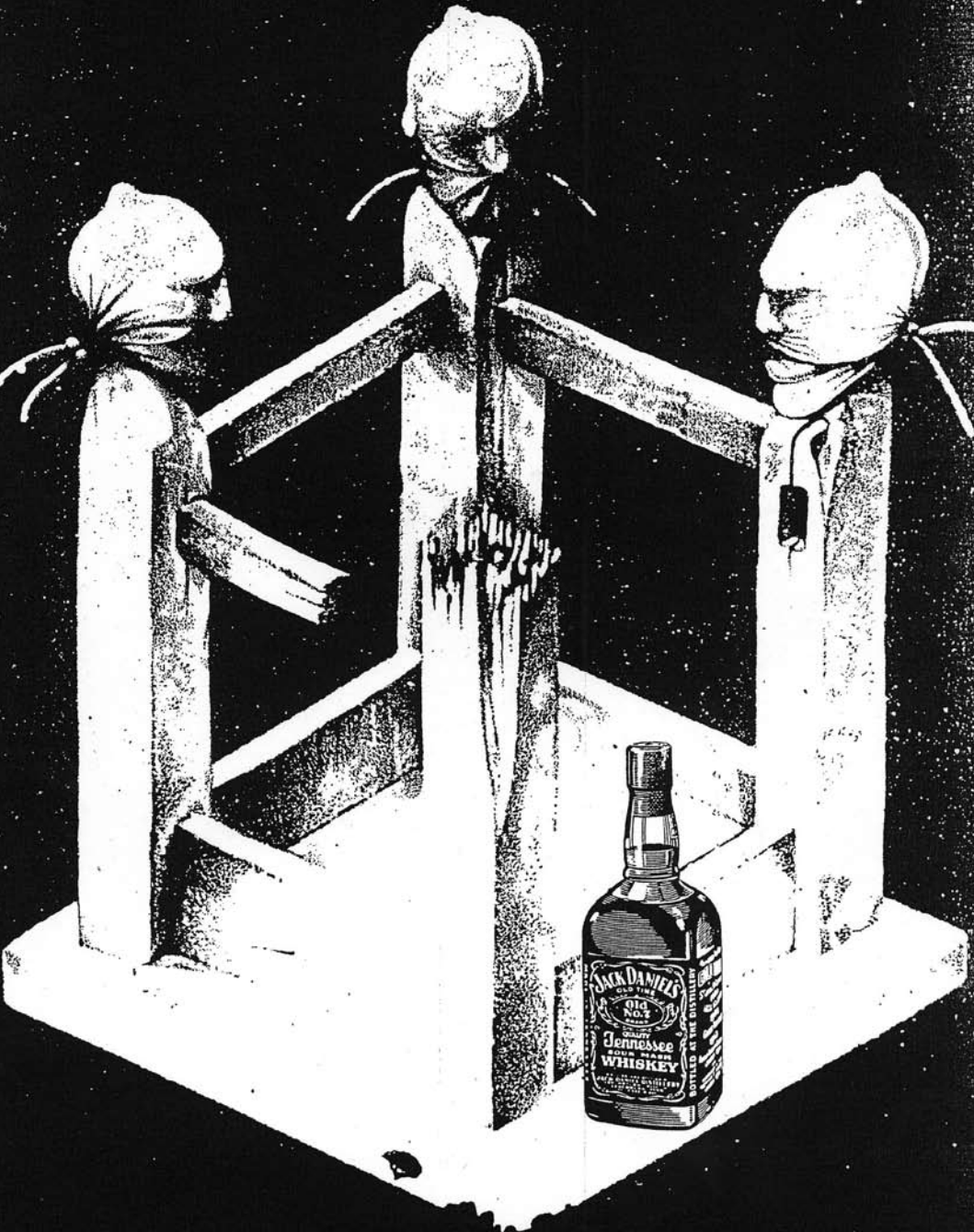
Но все-таки... хочется надеяться, что после прочтения этой статьи хоть один человек задумается, прежде чем ткнуть в нестандартного ребенка: «Дебил!».

А это уже много. □

Уильям Джеффри

НА ТРОИХ

В пятницу, без чего-то три, Стив Бланчард вошел в Национальный обменный банк Среднего Запада. В толстом твидовом пальто, глубоко засунув в карманы руки в перчатках. Затянутый в униформу охранник стоял у парадной двери со связкой ключей, поглядывая на часы, что висели на боковой стене. Шаги Бланчарда гулко отдавались в практически пустом вестибюле. Направлялся он к окошку под цифрой «4», единственному, за которым в столь поздний час работал кассир. Бланчард подождал, пока тот обслужит плотного, седовласого мужчину, и шагнул к окошку, закрыв его широкой спиной.

Маленькая медная табличка справа от окошка указывала, что зовут кассира — тощего, черноглазого, с русыми волосами — Джеймс Кокс.

Бланчард вытащил из кармана сложенный листок, молча пододвинул его к кассиру, развернулся и, не оглядываясь, быстрым шагом двинулся к двери.

Уже переступив порог, вдруг услышал за спиной громкий окрик Кокса: — Останови этого человека, Сэм! Он только что ограбил меня! Останови его!

Бланчард остановился на тротуаре и недоуменно оглянулся. Охранник, пышущий здоровьем толстяк с ярко-синими глазами, несколько мгновений стоял, как истукан, потом очнулся, открыл дверь, выскочил на улицу, левой рукой схватил Бланчарда за плечо, а правую положил на висящий у бедра револьвер.

— Какого черта?— возмутился Бланчард.

Охранник грубо втащил его в банк, тыча револьвером под ребра. Кладбищенская тишина, предшествовавшая окончанию рабочего дня, сменилась возбужденным перешептыванием, скрипом отдвигаемых стульев, шумом шагов: сотрудники банка поднимались из-за столов. Кокс выскочил за перегородку, отделявшую кассиров от клиентов, за ним следовал Эллард Хоффман, президент Национального обменного банка Среднего Запада. Кассир сжимал в правой руке листок бумаги, и глаза его напоминали два огромных блюдца. Хоффман сурово взирал на Бланчарда.

— Он меня ограбил, — выдохнул Кокс, подбегая к Бланчарду и охраннику. — Взял все купюры, что были в кассе, начиная с пятерок.

— Я просто не верю своим ушам, — изумленно покачал головой Бланчард, глядя на Кокса. — Что вы такое несете? Вы же знаете, что я вас не грабил.

— Загляни в его карманы, Сэм, — верещал Кокс. — Именно туда он положил деньги.

— Да вы сумасшедший! — Бланчард изумлялся все больше.

— Давай, Сэм, проверь, что у него в карманах, — кивнул Хоффман.

Охранник приказал Бланчарду повернуться к нему спиной и поднять руки. Тот подчинился. Судя по выражению его лица, он еще не верил, что все это происходит именно с ним. Охранник похлопал его по карманам пальто и нахмурился. Сунул свободную руку в один карман, потом в другой, отступил на шаг, недоуменно разглядывая добычу: тощий бумажник из свиной кожи и семь столбиков монет, по одному, пять и десять центов, аккуратно завернутых в бумагу.

— Это все, что у него есть.

— Что?! — взорвался Кокс. — Послушай, Сэм, я видел, как он засовывал деньги в карманы пальто.

— Сейчас их там нет.

— Разумеется, нет. — Бланчард повернулся, лицо его побагровело от гнева. — Я же сказал, что никого не грабил!

Кокс развернул лист бумаги, который держал в руках.

— Вот записка, которую он сунул мне, мистер Хоффман. Прочитайте сами.

Хоффман взял записку. Вырезанные из газеты буквы складывались в слова и предложения: «У МЕНЯ ПИСТОЛЕТ. ДАЙТЕ МНЕ ВСЕ КРУПНЫЕ КУПЮРЫ. ПОПЫТАЕТЕСЬ ПИКНУТЬ — УБЬЮ. Я НЕ ШУЧУ».

— Оружия при нем тоже нет, — уверенно заявил Сэм.

— Я поверил тому, что здесь написано, и решил закричать, — сердито зыркнул на Бланчарда Кокс. — Не мог просто сидеть и смотреть, как он уносит деньги банка.

— Я понятия не имею, откуда вы взяли эту записку, — возразил Бланчард. — Я протянул вам клочок бумаги, все так, но перечислил на нем лишь количество монет того достоинства, которые хотел бы получить.

— И вы утверждаете, что Кокс дал вам эти монеты? — Хоффман указал на аккуратные бумажные столбики.

— Естественно, дал. В обмен на двадцать восемь долларов, мелкими купюрами.

— Не давал я ему монет! — отрезал Кокс. — Я выполнил то, что он написал. Отдал ему все крупные купюры. Из кассового ящика и тележки, что стояла у меня за спиной, поскольку другие окошки не работали. Он унес двадцать пять, а то и тридцать тысяч долларов!

— Вы — лжец! — воскликнул Бланчард.

— Если кто и лжец, так это вы!

— Не брал я ваших чертовых денег! Вы меня обыскали, и их у меня нет. А в бумажнике у меня всего двадцать четыре доллара.

— Но кто-то же их взял, — мрачно заметил Хоффман.

В этот момент в банк вошли два детектива в штатском, вызванные по телефону кем-то из руководства банка. Они тут же представились. Зальцберг, маленький, взъерошенный, с яркими глазами-пуговками, и Финн, с седыми усами и внушительным, с красными прожилками, носом.

Главным, похоже, был Зальцберг. Он приказал охраннику закрыть дверь банка, записал в блокнот имена и фамилии Хоффмана, Кокса, Бланчарда, а также номер водительского удостоверения последнего, которое достал из бумажника. Взял у Кокса записку с требованием отдать деньги, подержал на ладони, словно взвешивая, затем убрал в конверт, тут же исчезнувший в кармане его мятого пиджака, и очень удивился, узнав от Хоффмана, что Бланчард обыскан, а деньги, тем не менее, не найдены.

— Ладно, давайте разбираться. Так что у нас произошло?

Кокс изложил свою версию. Зальцберг записывал, не прерывая. Когда кассир закончил, он повернулся к Бланчарду:

— А что скажете вы?

Бланчард рассказал об обмене двадцати восьми долларов мелкими купюрами на монеты и, сухо улыбаясь, добавил:

— Они мне нужны для покера. Сегодня мои друзья решили собраться у меня, мне и держать банк.

— Он также утверждает, что дал мистеру Коксу листок, на котором написал, сколько и какие монеты ему нужны, — вставил Хоффман.

— Он дал мне только один листок — с требованием отдать ему деньги банка. — Кокс едва сдерживал распирающую его ярость. — А монеты раздобыл где-то еще, пришел сюда уже с ними.

— Послушайте, а почему бы вам не обыскать его рабочее место? Там мой листок и найдется. — Бланчард смерил Кокса злобным взглядом. — Может, и его самого. Глядишь, обнаружатся и пропавшие денежки. Я слышал истории о ворах-кассирах, которые пытались оговорить честных...

— Уж не хотите ли вы сказать, что я украл деньги банка? — взвился Кокс.

— Мистер Кокс пользуется нашим абсолютным доверием. В Национальном обменном банке он работает почти четыре года, — поддержал кассира Хоффман.

— А я проработал в «Кертис Тул и Дай» куда больше, — бросил Бланчард. — И также пользуюсь там абсолютным доверием. Так что сие ничего не доказывает.

— Хорошо, хорошо. — Зальцберг задумчиво потер подбородок. — Флинн, допроси остальных сотрудников. Вдруг кто-то что-нибудь слышал или видел. Мистер Хоффман, буду вам очень признателен, если вы определите, какая сумма пропала, и нет ли в наличии листка, о котором говорит Бланчард. Неплохо бы внимательно осмотреть и рабочее место мистера Кокса.

— Вы ставите слово этого вора выше моего? — возмутился Кокс.

— Я ничего никуда не ставлю, мистер Кокс, — спокойно ответил Зальцберг. — И задача у меня од-

на: разобраться, что здесь сегодня произошло, — он помолчал. — Вас не затруднит вывернуть карманы?

На щеках Кокса выступили пурпурные пятна.

— Нет, не затруднит. Мне скрывать нечего, — ледяным тоном ответил он.

Так все и вышло, по части карманов. В них не обнаружилось ни записки, о которой упоминал Бланчард, ни пропавших денег.

— Ладно, давайте попробуем еще раз, — вздохнул Зальцберг.

Скоро к ним присоединились Хоффман и Флинн. Тотальная проверка показала, что исчезли тридцать пять тысяч сто долларов. Не нашлось и листка, на котором Бланчард вроде бы написал, сколько, и какие монеты ему требовались. Никто из сотрудников банка, допрошенных Флинном, не смог прояснить ситуацию. Все они находились достаточно далеко от окошечка Кокса и узнали о происшествии лишь после того, как Кокс крикнул охраннику, чтобы тот задержал вора.

Зальцберг пристально посмотрел на Бланчарда.

— Итак, у мистера Кокса денег нет, а вот из банка они пропали. Не нашлась и ваша записка. Как вы можете это объяснить?

— Никак. Могу лишь сказать, что денег я не крал!

Зальцберг повернулся к охраннику Сэму:

— Далек он ушел, прежде чем ты схватил его?

— На пару шагов.

— У него не было возможности передать деньги сообщнику?

— Сомневаюсь, но я не обращал на него никакого внимания, пока не закричал мистер Кокс.

— Я, конечно, не очень-то разбираюсь в деньгах, — холодно заметил Бланчард, — но тридцать пять тысяч долларов — не одна купюра. Я не успел бы их передать за те несколько секунд, что провел вне банка.

— Пожалуй, он прав, — признал Сэм.

— А почему бы вам не обыскать и охранника? — голос Бланчарда сочился сарказмом. — Может, я передал деньги ему?

— Этого я и ожидал. — Сэм шагнул к Флинну и поднял руки. — Обыщите меня, чтобы больше никто не заикался о моей причастности к краже.

Флинн со знанием дела обыскал охранника. Естественно, украденных денег при нем не было.

— Так что же нам делать? — спросил Хоффман. — Деньги должны где-то быть, и этот Бланчард наверняка знает, где они.

— Возможно, — осторожно ответил Зальцберг. — Похоже, придется забрать его в участок.

— Забирайте, это ваше право, — набычился Бланчард. — Но учтите, что на все вопросы я буду отвечать только в присутствии адвоката. А если обвинения окажутся несостоятельными, подам на вас и банк в суд за ложный арест.

Детективы отвезли его в участок и оставили в маленькой комнатке, пока не прибыл вызванный адвокат. Потом Бланчарда допрашивали не один час, но он ни на йоту не отступил от первоначальных показаний.

В начале двенадцатого его перепроводили в кабинет Зальцберга. Детектив, мрачный и уставший, сообщил Бланчарду, что трое его друзей подтвердили, что этим вечером собирались сыграть с ним в покер, причем держать банк предстояло именно ему. Расследование также показало, что Бланчард никогда не привлекался к суду, и его даже ни разу не арестовывали по каким-либо обвинениям. О нем положительно отзывались как соседи, так и сослуживцы по «КЕртис Тул и Дай». На записке с требованием выдать деньги эксперты нашли отпечатки пальцев только Хоффмана и Кокса. В квартире Бланчарда не найдено следов того, что записка готовилась именно там. Обыск в банке и допрос охранника и других сотрудников не позволили установить местонахождения пропавших денег.

Зальцберг покрутил ручку между пальцев, откинулся на спинку кресла, долго смотрел на Бланчарда, и, наконец, изрек:

— Вы можете идти.

— То есть, теперь вы верите, что я сказал правду?

— Нет, — покачал головой Зальцберг, — не верю. Я склонен верить Коксу. Его мы тоже проверили, и репутация у него почище вашей. Но у нас всего лишь его слово против вашего, оба вы — добропорядочные граждане, так что, раз украденные деньги не найдены, просто нет оснований вас задерживать. — Тут он наклонился вперед, глаза его зло и холодно сверкнули. — Но одно могу гарантировать вам прямо сейчас, Бланчард: мы будем за вами следить.

Пристально следить.

— Следите, сколько хотите! — воскликнул Бланчард. — Я ни в чем не виновен!

Девять недель спустя, поздним вечером, Бланчард постучал в дверь номера 9 мотеля «Бивервуд», что находился в шестнадцати милях от города. Дверь открылась, чтобы захлопнуться, как только он переступил порог. Бланчард снял пальто и улыбнулся русоволосому мужчине, впустившему его в номер.

— Привет, Кокс.

— Привет, Бланчард, — кивнул кассир, облизывая губы. — Ты уверен, что не привел хвоста?

— Разумеется.

— Но полиция все еще следит за тобой?

— Уже не с таким рвением, как вначале. — Бланчард похлопал его по плечу. — Перестань волноваться. Все обернулось наилучшим образом.

— Похоже на то.

— Можешь не сомневаться. Зальцберг по-прежнему думает, что мне каким-то образом удалось передать деньги сообщнику, но доказать это он не может. Как я тебе и говорил, у них ничего нет, кроме твоего слова против моего, а они, как мы и рассчитывали, верят тебе. Они и представить себе не могут, что деньги сообщнику передал ты, не говоря уже о том, как ты это сделал.

Находящийся в номере третий мужчина, плотный, седоволосый, тот самый, что стоял у окошечка Кокса, когда Бланчард вошел в банк, разлил виски по стаканам и повернулся к собеседникам.

— Или о том, что деньги лежали в карманах моего пальто, когда вы разыграли этот маленький спектакль.

Бланчард взял один из стаканов и высоко поднял его.

— Что ж, за преступление! Идеальное преступление!

Они посмеялись, выпили, а потом поделили тридцать пять тысяч сто долларов на три равные части.

Перевод с английского
Виктора Вебера. □

ГУСАР-ДЕВИЦА

Майя Орлова

Кавалерист-девица, гусар-девица, улан-панна...

Живая легенда Отечественной войны 1812 года...

Только мало кому известно, что в действительности Надежда Дурова, она же Александр Соколов, она же Александр Александров, во-первых, не была девицей, а во-вторых, начала воинскую службу еще до того, как Наполеон двинул свои войска на Россию.

Еще менее известно, что она была наделена определенным литературным талантом и оставила тому весомые доказательства.

Но обо всем по порядку...

Романтика в жизни Надежды началась... еще до ее рождения, когда малороссийская красавица Надежда Ивановна Александрович, дочь богатого помещика, до смерти влюбилась в молодого гусара, Андрея Васильевича Дурова, бедного, незнатного, да еще и русского. Отец категорически потребовал, чтобы дочь «...выбросила из головы дурацкую мысль выйти замуж за москаля, военного и нищего». У гусара действительно была одна крохот-

ная деревушка в Сарапульском уезде Вятской губернии, и ни гроша за душой, кроме жалования.

Романтичная красавица пренебрегла родительской волей, сбежала из дома и тайно обвенчалась с предметом своей страсти. Но уже очень скоро горько об этом пожалела. Она привыкла к роскоши и всеобщему обожанию, к многочисленной прислуге, моментально выполнявшей все ее капризы, а тут – более чем скромная жизнь офицер-

ской жены и все «прелести» армейской жизни.

Словом, через пару месяцев юная госпожа Дурова мечтала только об одном: родить сына, умиловить этим папеньку и, если не вернуться к прежнему образу жизни, то хотя бы не нуждаться в деньгах. Увы, через год после скоропалительного брака в 1783 году родилась дочь, при крещении также получившая имя Надежда и своим появлением «похоронившая» все надежды своей маменьки.

Вдобавок, девочка была на редкость беспокойной, мешала матери спать (а в походных условиях это было единственным способом отдохнуть и убить время), так что импульсивная и вспыльчивая Надежда Ивановна в один прекрасный день просто... вышвырнула младенца из окна кареты, в которой следовала за полком.

Такого не выдывали даже суровые вояки, так и ахнувшие при виде лежащего на земле окровавленного тельца. Отец же едва не лишился чувств от ужаса и перекрестился, когда дочка открыла, наконец, глаза, и заплакала. Андрей Васильевич не решился вернуть младенца взбалмошной и непредсказуемой матери и передал ее на попечение... своему денщику Астахову. Тот и заменил мать будущей «кавалерист-девице».

Дядька-гусар днями напролет носил девочку на руках, ходил с нею в эскадронную конюшню, сажал на лошадей, давал играть пистолетом,

махал саблей... Это зрелище действовало на малютку завораживающе: она переставала плакать, радостно смеялась и хлопала в ладоши.

Наденька с пеленок не боялась ни оружия, ни лошадей, ничего и ничего, кроме... родной матери. Вот ее она боялась почти до обморока и старалась как можно реже находиться рядом с нею. Впрочем, мать отвечала ей взаимностью: с ужасом смотрела на маленькую девочку, которая играла только в войну, бегала, как мальчишка, и ни под каким видом не желала усваивать «хорошие манеры». Да и красоты матери она не унаследовала, что тоже огорчало все еще прекрасную Надежду Ивановну.

Когда Наденьке исполнилось шесть лет, походно-кочевая жизнь семьи Дуровых закончилась — Андрей Васильевич получил место городничего в родном городке Сарпул. Помимо Наденьки, уже было еще трое детей — две девочки и долгожданный мальчик. Их мать успокоилась, по-своему любила и дочек и сына, даже старшую начала приучать к женским занятиям: рукоделию и ведению хозяйства.

Поздно... Кое-как выполнив задание, Надежда тайком сбегала на конюшню и там играла в «военные экзерсисы». Отец, обожавший старшую дочь, подарил ей на один из дней рождения...черкесского жеребца, злого и норовистого, который, однако, очень скоро признал свою юную хозяйку и ходил за ней, как собачонка. Наденька назвала

жеребца Алкидом, собственноручно за ним ухаживала, и добилась в искусстве верховой езды таких вершин, что даже бывалые вояки-кавалеристы приходили в восхищение.

В маленьком городке трудно что-либо скрыть, и странные причуды дочки городничего быстро стали любимым предметом сплетен местных кумушек. К тому же, она не унаследовала материнской красоты, да и оспа оставила на ее лице приметные следы, так что женихи все не являлись — к великому огорчению родителей. А годы шли...

Отчаявшаяся мать, наконец, отравила свою строптивую дочь в Малороссию — к бабушке, к тому времени уже овдовевшей и обедневшей. Оказавшись вдали от материнских придирок и унижительного надзора, под крылом доброй и любящей бабушки, Наденька стала забывать свои гусарские замашки, похорошела и расцвела. Тут-то ее и настигла первая и единственная в ее жизни любовь, причем взаимная, к сыну соседской помещицы. А помещица и слышать не хотела о том, чтобы ее невесткой стала бесприданница, так что влюбленных достаточно бесцеремонно разлучили.

Пришлось вернуться к родителям — с разбитым сердцем — и возобновить свои конные прогулки и упражнения к стрельбе. Неожиданно живая и энергичная девушка привлекла внимание небогатого чиновника Ивана Чернова, который

решился попросить ее руки. Маменька пришла в восторг, а Наденька — в ужас от перспективы брака с незнакомым и совершенно нелюбимым человеком. Она рыдала сутками напролет и отец, по-прежнему обожавший дочь, хотел, было, отказать жениху, но...

Но он не мог ни в чем отказать своей властной и капризной супруге, а та ни о чем так не мечтала, как о возможности сбыть с рук строптивую старшую дочь и заняться судьбою других детей. Ей удалось невероятное: убедить Наденьку, что в браке она обретет столь желанную для нее свободу. Хотя это противоречило всему, что Надежда Ивановна внушала дочери до этого, уговоры подействовали.

Восемнадцати лет Наденька была выдана замуж за человека доброго, хорошего, спокойного, и... совершенно ей чужого. Через год родила сына (о чем, кстати, в своих «Записках» впоследствии даже не обмолвилась), но, судя по всему, не испытывала к ребенку ровно никаких чувств, зато появилось в котором она, по молодости и наивности, винила мужа.

Наденька привыкла считаться только с собственными желаниями и, встретив как-то некоего есаула, почти сразу стала его любовницей. Правда, вскоре с ужасом поняла, что плотские радости внушают ей отвращение сами по себе, а не в связи с партнером. С молодым красавцем-есаулом было весело и замечатель-

но скакать верхом наперегонки, упражняться в стрельбе, рассуждать о войнах... Но постель — б-р-р!

Разрыв с любовником был столь же стремительным и бесповоротным, как и все действия юной женщины. Более того, она поклялась, что ни один мужчина более к ней не прикоснется. Но все равно скандал разгорелся нешуточный, жизнь в крошечном городке с оскорбленным и запившим по этому поводу мужем стала невыносимой. Выход Надежда нашла неординарный: из приходивших с большим опозданием в их городок газет узнала, что Россия как раз начинает боевые действия за границей...

«Воинственный жар с неимоверной силою запылал в душе моей; мечты зароились в уме, и я деятельно начала изыскивать способы произвести в действие прежнее намерение свое — сделаться воином, быть сыном для отца своего и навсегда отделаться от пола, которого участь и вечная зависимость начинали страшить меня».

Отец — единственный человек, который мог бы остановить сумасбродку — был в отъезде, о муже и крошечном сыне она не задумывалась ни на секунду. Через их городок, отправляясь на театр военных действий, только что прошел Коннопольский полк, и, переодевшись в казацкий наряд, Надежда поскакала на своём Алкиде за ним. Нагнав его и назвавшись Александром Соколовым, сыном помещика, она по-

лучила позволение следовать за казаками.

«Казак-девица», а не «гусар-девица!» Но это, согласитесь, совсем не так романтично, как возникшая позже легенда.

«Итак, я на воле! Свободна, независима! Воля, драгоценная воля кружит голову мою восторгами от раннего утра до позднего вечера! Свобода, драгоценный дар неба, сделанная, наконец, моим уделом навсегда! Я ею дышу, наслаждаюсь, ее чувствую в душе и сердце!»

Да, она действительно наслаждалась тяготами походной жизни, голодом, усталостью, а больше всего — боями, свистом пуль. Хотя... сама признавалась позже в своих «Записках», что ни разу не пролила человеческой крови. Жестокость воина была ей не свойственна.

Верный Алкид не раз чудом вывозил свою хозяйку из самых опасных переделок, и его случайная гибель стала для Надежды серьезнейшим ударом: гибель товарищей по полку она переносила хладнокровно, коня же оплакивала самыми настоящими слезами.

Шло время, и постепенно искательница приключений вполне освоилась с походной жизнью.

Александр Соколов участвовал во многих битвах, всюду проявляя храбрость и не вызывая никаких подозрений у сослуживцев. За спасение раненого офицера в разгар сражения «он» был награжден солдатским Георгиевским крестом и про-

изведен в офицеры, с последующим переводом в Мариупольский гусарский (наконец-то!) полк.

Полк в конце марта был направлен в Пруссию, откуда Дурова написала письмо отцу, прося прощения за свой поступок и требуя «позволить идти путём, необходимым для счастья». Это письмо живший в столице дядя Надежды показал знакомому генералу, и вскоре слух о «кавалерист-девице» дошёл до самого императора Александра I, который повелел доставить к нему «сей уникум, не раскрывая инкогнито».

Буквально умирающего от страха новоиспеченного гусарского офицера доставили к государю вместе с рапортом его начальника, главнокомандующего Буксгевдена, с самыми лестными отзывами о боевых качествах Соколова. Император, ожидавший увидеть, по-видимому, что-то экзотическое, из ряда вон выходящее, узрел перед собой невысокого, худого и бледного юношу, который ничем не походил на легендарных амазонок. Может быть, поэтому, неожиданно для самого себя, и задал вопрос:

— Я слышал, что вы не мужчина, правда ли это?

— Да, ваше величество, правда! — пробормотал «юноша».

Император и свита оторопели. Первым пришел в себя Александр, который в достойных выражениях отдал дань мужеству и героизму мадемуазель, которую он лично желал бы наградить и с почестями отпра-

вить домой... Мадемуазель едва ли не впервые в жизни повела себя по-женски. Она рухнула на колени и громко зарыдала:

— Не отсылайте меня домой, ваше величество! Я умру там, непременно умру! Не заставьте меня сожалеть, что не нашлось ни одной пули для меня в эту кампанию! Не отнимайте у меня жизни, государь! Я добровольно хотел ею пожертвовать для вас!

— Чего же вы желаете? — спросил еще более ошеломленный император.

— Быть воином! Носить мундир, оружие! Это единственная награда, которую можете дать мне вы, государь! Другой для меня нет! Я родилась в лагере, трубный звук был колыбельной песней для меня! Со дня рождения люблю я военное звание; с десяти лет обдумывала средства вступить в него; наконец достигла цели своей — одна, без всякой помощи. На славном посту своим поддерживалась одним только своим мужеством, не имея ни протекции, ни пособия. Все согласное признали, что я достойно носила оружие, а теперь, ваше величество, хотите отослать меня домой! Если б я предвидела такой конец, то ничто не помешало б мне найти славную смерть в рядах воинов наших!

Во всяком случае, именно так передала свои слова Надежда Дурова в «Записках». И император... согласился.

Надежда Андреевна Дурова

— Если вы полагаете, что одно только позволение носить мундир и оружие может быть вашей наградой, то вы будете иметь ее! И будете называться по моему имени — Александров. Не сомневаюсь, что вы сделаетесь достойною этой чести отличностью вашего поведения и поступков; не забывайте ни на минуту, что это имя всегда должно быть беспорочно, и что я не прощу вам никогда и тени пятна на нем!..

Александров прослужил в Мариупольском полку около трех лет, а затем попросил перевести его в другой полк. Причина была весьма деликатной: во все еще безусого гусара влюбилась жена полковника, и никогда не бегавший от врага подпоручик предпочел сбежать от греха подальше, ничем, впрочем, не запятнав честь увлекшейся им дамы.

В 1811 году Дурова перешла в Литовский уланский полк, в составе которого приняла участие в боевых действиях Отечественной войны, получила в Бородинском сражении контузию и была произведена в чин поручика. В качестве адъютанта (ординарца) фельдмаршала Кутузова (о чем почему-то умалчивают почти все военные историки, да и невоенные тоже, а если и упоминают, то в оскорбительно-скабрёзном контексте), прошла с ним до Тарутина. Участвовала в кампаниях 1813–1814, отличилась при блокаде крепости Модлине, в боях при Гамбурге. За храбрость получила несколько наград.

Из-за ранения пришлось вернуться в родной городок — отдохнуть и подлечить ногу. Встретиться с законным супругом и подросшим сыном «поручик Александров» даже и не подумал, поскольку вообще не думал об оставленной им семье. Матушка скончалась, сестры повыходили замуж и разлетелись из родного гнезда, младший братец глядел на старшую сестру, как на чужого человека. Только сильно постаревший отец по-прежнему обожал свою Наденьку и не обращал внимания на происшедшие с ней разительные перемены. И это раздражало, пожалуй, больше всего.

Так что в скором времени Александров вернулся в армию и в составе своего полка — своего истинного родного дома! — участвовал в боях в Польше и Германии. За годы дальнейшей службы к формуляру поручика Александра было добавлено, что «в Пруссии противу французских войск в сражениях за отличность награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия 5-го класса».

Между тем, несмотря на все предосторожности, в армии стал распространяться слух о необыкновенной женщине-офицере. Сама Дурова писала впоследствии и об этом:

«Все говорят, но никто ничего не знает; все считают возможным, но никто не верит; мне не один уж раз рассказывали собственную мою историю со всеми возможными искажениями: один описывал меня кра-

савицею, другой уродкой, третий старухой, четвертый давал мне гигантский рост и зверскую наружность. Судя по этим описаниям, я могла бы быть уверенно, что никогда ничьи подозрения не останутся на мне, если б не одно обстоятельство: мне полагалось носить усы, а их нет и, разумеется, не будет... Часто уже смеются мне, говоря: «А что, брат, когда мы дождемся твоих усов? Уж не лапландец ли ты?»

Но возвращаться в прежнее женское состояние Александр Александров не хотел ни за какие блага. Тем не менее, после десяти лет службы — в 1816 году — пришлось все-таки выйти в отставку, скорее всего, по тайной и настоящей просьбе самого императора. Военные действия закончились, а сам император уже не так тяготел к романтике, как прежде, и желал, прежде всего, порядка и спокойствия. Пришлось подчиниться.

В чине отставного штабс-ротмистра Надежда Андреевна (Александр Александрович) пожила какое-то время в Санкт-Петербурге у дяди-генерала. Но тому быстро прискучило столь экзотическое родство, да и отец в каждом письме заклинал любимую дочь вернуться на родину... Словом, через полгода бывшая амазонка вновь оказалась в Сарапуле, где ее пенсия позволяла жить в относительном достатке. Ходила она постоянно в мужском костюме, курила, коротко стригла волосы, при разговоре закидывала ногу на ногу

и упиралась рукой в бок, именовала себя в мужском роде, все письма подписывала фамилией Александров, сердилась, когда обращались к ней, как к женщине, и вообще отличалась, с точки зрения своего времени, большими странностями.

Хотя в Париже тогда уже восходила звезда другой амазонки — Жорж Санд, тоже обожавшей мужские костюмы и трубку. Но, поскольку будущая великая писательница не отрекалась от своего пола и более чем терпимо относилась к противоположному, ее поведение считалось лишь милым чудачеством, не более того.

А вот российская «кавалерист-девица» навсегда забыла женские манеры, женские наряды вызывали у нее лишь эстетические чувства — не более того. «Я люблю смотреть на дамские наряды, — признавалась она, — но ни за какие сокровища не надела бы их на себя: мой уланский колет лучше! По крайней мере, он мне более к лицу, а ведь это, говорят, условие хорошего вкуса: одеваться к лицу».

После смерти отца должность городничего перешла к младшему брату Надежды — Василию Андреевичу, который вскоре был переведен в Елабугу. Дурова поехала с братом, она всегда любила путешествовать, да и Сарапул успел ей надоесть до чрезвычайности. Там, в Елабуге, томясь от скуки и безделья, она и написала свою литера-

турную автобиографию «Кавалерист-девица. Происшествие в России».

Это произведение было бы обречено на безвестность, поскольку автор не испытывал никакого желания их опубликовать и вообще предпринимать какие-то действия в этом плане, но... Но ее брат был знаком с Александром Сергеевичем Пушкиным. Их знакомство произошло еще в 1828 году во время путешествия поэта в Арзрум. Через 6 лет Александр Сергеевич получил письмо от старого знакомого, в котором говорилось, что сестра написала воспоминания и желает их издать.

Пушкин с готовностью откликнулся:

«Если автор «Записок» согласится поручить их мне, то с охотой берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю».

Прочитав «Записки», Пушкин признал за их автором недюжинный литературный талант.

Первая часть «Записок» была опубликована во втором томе журнала «Современник» в 1836 году, что обрадовало и огорчило их автора: под публикацией стояло имя Надежды Дуровой, а вовсе не Александра Александрова. Да и текст был существенно сокращен, поскольку Пушкину довольно бесцеремонно убрал из него все «патетические красоты». Но и в таком

виде «Записки» имели среди читающей публики оглушительный успех: вторая часть, опубликованная в том же году, тоже была принята с восторгом. В основном, правда, за счет личности самого автора.

Пушкин тоже глубоко заинтересовался личностью Дуровой, писал о ней хвалебные, восторженные отзывы на страницах своего журнала и побуждал к писательской деятельности. А при личной встрече и вообще произошел курьез. Александр Сергеевич крайне любезно принял необычную гостью (точнее, если судить по платью — гостя), похвалил ее талант, наговорил массу комплиментов и любезностей и даже поцеловал руку. Дурова от неожиданности вспыхнула, отшатнулась и воскликнула:

— Ах, Боже мой, я так давно отвык от этого!

Успех «Записок» подтолкнул Дурову к серьезному занятию писательской деятельностью. Она начала писать повести и романы, посвященные преимущественно раскрытию женщины и преодолению разницы между общественным статусом женщины и мужчины. В скором времени вышло собрание сочинений «кавалерист-девицы» в четырех томах.

Все они в своё время читались, вызывали даже хвалебные отзывы со стороны критиков. Особенно любопытен отклик Белинского:

«В 1836 году появился в «Современнике» отрывок из записок деви-

цы-кавалериста. Не говоря уже о странности такого явления, литературное достоинство этих записок было так высоко, что некоторые приняли их за мистификацию со стороны Пушкина».

Действительно, стиль прозы Дуровой напоминал чем-то пушкинский.

Казалось, жизнь отставного штабс-ротмистра складывалась вполне успешно. Дурову охотно принимали в высшем петербургском свете и в Зимнем дворце. Император Николай I и великий князь Михаил Павлович здоровались с ней за руку, чего удостаивались даже не все генералы. Императрица водила ее по залам дворца, показывая редкие вещи и интересуясь ее мнением о батальных картинах.

По непонятной причине, все это внезапно оборвалось. В 1840 году Надежда прекратила литературный труд и навсегда уехала в Елабугу. Некоторый свет на это проливают статьи Венгерова и Вересаева, опубликованные в книге «Спутники Пушкина». В них описано, как вызвавшая большой интерес в Петербурге в свой первый приезд, после выхода из печати ее воспоминаний, Н.А. Дурова в дальнейшем разочаровала всех — она оказалась неумна, примитивна, назойлива, неправдива. От нее старались отделаться, никуда не приглашали, ее новые сочинения разочаровывали.

Конец жизни Надежды Дуровой был печален. Она одиноко дожила свой век в Елабуге в окружении

многочисленных собак и кошек, подобранных ею на улице, носила мужское платье, курила трубку, когда выходила на улицу, ее дразнили мальчишки и бросали ей вслед разную дрянь. Скончалась Дурова 21 марта 1866 года в возрасте 83 лет, так и не узнав, что ее завещание, согласно которому ее должны были называть при отпевании Александром Александровичем Александровым, было нарушено священником: в панихиде ее поименовали рабой божьей Надеждой.

Зато похоронили с воинскими почестями на Троицком кладбище Елабуги. В документе о траурной церемонии говорится:

«Приказ по 8 резервному пехотному батальону от 23 марта 1866 года, №82. Завтрашнего числа, по случаю предания земле тела умершего отставного штабс-ротмистра Литовского уланского полка А. Александрова, назначается сборная команда по 10 человек из роты и 2 унтер-офицера; с ружьями и в амуниции, под командой капитана Панкратьева; кроме того, по 2 унтер-офицера из рот для несения гроба. Для несения же ордена Георгия назначается поручик Казанский. Вынос из квартиры будет в 9 часов утра, а также быть хору музыкантов. Командир батальона подполковник Семенов».

В 1901 году на могиле Дуровой состоялось торжественное открытие памятника. После троекратного ружейного залпа упавшее покрывало открыло эпитафию:

«Надежда Андреевна Дурова, по повелению императора Александра — корнет Александров. Кавалер военного ордена. Движимая любовью к родине, поступила в ряды Литовского уланского полка. Спасла офицера, награждена Георгиевским крестом. Прослужила 10 лет в полку, произведена в корнеты и удостоена чина штабс-ротмистра. Родилась в 1783 г. Скончалась в 1866 г. Мир ее праху! Веч-

ная память в назидание потомству ее доблестной душе!»

И в наши дни ее могилу украшают живые цветы — дань памяти славной российской женщине-офицеру. А в 1993 году на Троицкой площади города установлен конный памятник Надежде Дуровой, где она до странности похожа на героиню фильма «Гусарская баллада», с которой имела так мало общего.

Еще один парадокс истории... □

ПРИВИЛЕГИЯ БОГА

Журнальный вариант. Продолжение. Начало в № 9, 2011

ГЛАВА 29

Адриано предложил пройти насквозь через парк и выйти к станции метро Circo Massimo. Солнце стояло в зените, но кроны деревьев, переплетаясь друг с другом, держали парк в сумрачной тени. Людей почти не было видно. Едва различимый шум машин был единственной приметой огромного мегаполиса, в котором парк напоминал маленький зеленый остров.

— Почему некоторые люди так боятся солнечного затмения? — спросила Мари.

— Потому что верят, что оно приносит несчастья и беды, — ответил Влад. — Вообще, вера — совершенно не изученная медиками энергия, оказывающая колоссальное влияние на человеческий организм. Это своеобразная модель некоей структуры, которая существует в человеческом воображении, но по образу и подобию которой перестраиваются все жизненные системы человека. Чем сильнее вера, тем сильнее она воздействует на нас. Примеров тому огромное количество.

— Надо понимать так, что каждый человек может получить все, что он хочет, только надо поверить в свою мечту? Так просто! — воскликнула Мари.

— Наоборот, это очень сложно — поверить. Поверить полностью, абсолютно, не оставляя даже малейшего сомнения. Только тогда человек будет вознагражден — или возвращенным здоровьем, или необыкновенной силой духа, или фантастической живучестью. Да мало ли, на что еще способен истинно верующий человек!

— А вы знаете, почему христиане стали носить нательные кресты? — вмешался в разговор Адриано.

— Человек должен каждое мгновение чувствовать Бога рядом, в своей душе, а нательный крест как раз и выполняет эту функцию, — предположила Мари.

— Не только. Эта традиция пришла с древности. Ведь у древних иудеев лоб и руки были отмечены молитвенным знаком. — Адриано повернул голову и пытливо взглянул на Влада. — Ты знал об этом?

— А к чему ты это спросил?

— Да так... — уклончиво ответил Адриано. — Мыслишка одна промелькнула...

Он хотел еще что-то добавить, как вдруг парковую тишину расколол хриплый щелчок, от букowego ствола отлетел кусок коры, и древесная кашка брызнула в лицо Адриано. Мари тихо вскрикнула, еще не осознавая, что случилось, а Адриано остановился, мертвенно побледнел и стал растерянно рассматривать грудь и живот. Влад единственный из всех понял, что произошло — после убийства профессора, после рухнувшей на капот «пежо» плиты он уже был готов к подобным вещам, к ожиданию боли и крови. Схватив Мари в охапку, Влад закрыл ее собой, как плащом, и потянул к стволу дерева, единственной защите на открытой парковой лужайке. Снова раздался щелчок, но на этот раз звук стал для него осязаем — как будто кто-то арапником хлестнул его по плечу, и кожу отметила

острая боль... Стреляют... Мари... Он испугался за девушку, которую продолжал сжимать в объятиях, испугался боли и слабости, делавшими его ничтожным защитником, и волной накатившее на него отчаянье затуманило рассудок.

Остались ощущения...

Влад почувствовал, что падает... Нет, опускается. Снисходит...

Горячая кровь обожгла плечо, и этот жар разрастался, обволакивал лицо, ослеплял глаза...

И снова этот обрывочный сон: пустыня от горизонта до горизонта, забрызганная скудной зеленью, выпирающие, как кости, белые скалы, и земля надвигалась снизу, все быстрее, стремительней, до шума в ушах, до пустоты в животе, в ожидании удара все живое в нем стянулось, скукожилось...

И вот уже исчез горизонт, и, куда ни кинь взгляд, расстилалась только выжженная земля. Влад беззвучно закричал, чувствуя нестерпимую остроту последнего мгновения жизни...

Но удар о землю оказался безболезненным, и тотчас должно было наступить пробуждение, но Влад не просыпался; не просыпался, не просыпался! Распластавшись на пыльной дороге, он путался в одеждах, кашлял, тряс головой. Потом, пошатываясь, поднялся на ноги. Солнце, знойное солнце. Горизонт расплывался, словно плавился от жары, а близкие предметы выглядели так, будто Влад смотрел на них сквозь толщу воды.

Он сделал шаг...

Пыль спружинила под его ногой.

«Надо сделать усилие и проснуться!» Он сделал еще шаг. Еще шаг. Еще, еще, еще... Словно из-под земли, раздался далекий и глухой крик Мари: «Он умирает!»

Влад вскинул руки, покрутил головой, мучительно крикнул, стараясь вырваться из объятий сна, похожего на смерть, и попытался порвать стягивающую грудь ткань. Наружу, наружу! Душно! Тесно! Тяжело!

Ему показалось, что он увидел Адриано и Мари — впереди, всего в нескольких шагах, припали к земле два согбанных человека, похожих на большие валуны.

«Нет, это не Адриано...»

Осторожно сжимая виски дрожащими пальцами, Влад прошел мимо двух стариков с коричневыми лицами, которые приложились лбами к земле и замерли, горячий ветер трепал клоки седых волос. За ним тянулась короткая цепочка следов, начинавшаяся ниоткуда. Влад оставлял следы на земле! «Это галлюцинации...»

Он не соображал, куда идет. Движение не требовало от него каких-либо усилий. Собравшийся в складки запыленный тканый хитон, прикры-

вающий его тело, тихо шелестел, обтрепанный подол волочился по земле, поверх хитона на завязках держался серый плащ, и ветер заставлял его трепыхаться. Временами Влад чувствовал, как к горлу подкатывает дурнота, останавливался и делал несколько глубоких вдохов. «Не надо задумываться, иначе я сойду с ума...»

Он ощупал свое тело. В мешочках, подшитых к хитону изнутри, хрустели упаковками таблетки. Ему хотелось позвать на помощь Адриано, чтобы он растормошил его, ударил по щекам, облил холодной водой и вернул в сознание. Влад остановился, сквозь мутную пелену глядя на желтые стены и выглядывающие из-за них плоские крыши убогих домов, зажмурил глаза, чтобы больше никогда не видеть этот мираж, и надрывно, хрипло закричал.

Когда он открыл глаза, то увидел, что его крик привлек внимание группы мужчин в темных хитонах. Поглядывая на него, люди быстро и молча проходили мимо, приближаясь к улицам маленького города. Их было человек десять, лоснящиеся бронзовые лица опутаны черным туманом бород и усов, запыленные сандалии шаркают по камням. Казалось, они не замечают жары, не испытывают желания остановиться в редкой тени олив, засыхающих вдоль дороги.

Впереди всех шел высокий мужчина средних лет в светлой шерстяной рубахе до пят и черной накидке с кистями по углам. Мужчина помогал себе искривленным посохом, вбивая его в землю сильно и решительно.

Влад почувствовал, как начали неметь кончики его пальцев, и грудь стало распирать волнительное удушье. Не веря своим глазам, начисто забыв о том, где он, во что одет, кем был раньше, Влад напряженно, до рези и слез в глазах, всматривался в стремительную фигуру этого человека.

«Не может быть! Неужели... я вижу Его...»

Не пытаясь определить, чья воля в нем сейчас преобладает — историка или верующего человека, Влад пошел вслед за группой. Точнее, ноги сами по-

несли его вслед за ними. Он шел медленно, соблюдая дистанцию и не находя в себе смелости приблизиться слишком близко. Сердце в груди колотилось со страшной силой. Влад уже не терзался вопросом, что все это значит. Да что угодно — галлюцинации, бред, пророческий сон. Пусть даже это телесная смерть, давшая старт жизни духовной.

Группа, тем временем, заполнила собой узкую улочку, которая вела в центр, к обложенному камнями колодцу. Жители, привлеченные стремительным продвижением незнакомцев в кварталы, выходили из домов, вставали вдоль стен и смотрели настороженно и недоверчиво. Влад постепенно сокращал расстояние до группы и начинал ловить такие же взгляды, какие жители городка кидали на пришельцев.

На площади, в тени рваных тентов, дремали, пережидая жару, седые старики. Женщина с кувшином на плече испуганно метнулась к толпе жителей, выраставшей прямо на глазах. «Понимают ли они, кто к ним пришел?» — подумал Влад, почти вплотную приближаясь к замыкающему шествие бородатому мужчине. Толпа молчала. Тишина на площади становилась гнетущей. Ни выкриков, ни шепота, только шуршание сандалий. И десятки пытливых глаз вокруг.

Мужчина в черной накидке жестом остановил своих спутников, устало подошел к колодцу, взял стоящий под козырьком кувшин с отбитым горлышком и отпил из него. Затем протянул кувшин стоящему рядом товарищу. Владу пришлось встать на цыпочки, чтобы хорошо рассмотреть его. Золотистая бородка, тонкая шея, остро выпирающий кадык. Нос тонкий, с горбинкой, чуть скошенный в сторону. Щеки покрыты мелкими ямками, надбровные дуги низкие, настолько низкие, что на глаза падала плотная тень, будто человек был в солнцезащитных очках...

Он вытер губы ладонью (на руке не доставало одного пальца), и медленно оглядел всю площадь. Словно сопровождая его взгляд, закружился, побежал вокруг колодца смерч, протягивая к небу пылевые воронки.

Между тем, путники, передавая кувшин из рук в руки, отпивали из него, и кувшин, наконец, оказался в руках морщинистого старика. Тот тоже сделал глоток, и только собрался пустить его дальше по кругу, как Влад протянул руку и едва слышно прошептал:

— Дайте, пожалуйста...

Старик искоса посмотрел на Влада, скользнул взглядом по его хитону, ненадолго остановил взгляд на дрожащих руках и протянул кувшин. Боясь подавиться от волнения, Влад поднес к губам горлышко с затупившимся сколом. Глядя на то, с какой жадностью Влад прильнул к кувшину, старик вдруг улыбнулся, его сухие губы вытянулись, обнажая гнилые зубы, подмигнул и тихо проговорил:

— Потерпи немного, сейчас начнем, и все будет...

Сейчас начнем! Сейчас Влад станет свидетелем чудес! Но люди, окружившие путников, по-прежнему смотрели недоверчиво и напряженно.

— Помните ли вы, люди, о начертанном на скрижалях завете? — вдруг низким и чуть хрипловатым голосом произнес мужчина в черной накидке и строгим взглядом оглядел толпу жителей. — Помните ли вы о законе Божьем? Тщательно ли исполняете заповеди? Кто нарушит завет, тот уже никогда не получит прощения...

Стоящий рядом с Владом морщинистый мужчина медленным движением накрыл голову капюшоном, тронул Влада за локоть и шепнул:

— Пора...

Он медленно попятился, увлекая Влада за собой, и их место тотчас заняли жители города. Влад увидел, что еще несколько путников, стараясь не причинять им неудобства, осторожно покидали толпу, и неторопливо, как бы прогуливаясь, разбредались по опустевшим улочкам.

— Быстрее, пока они не очухались, — говорил «морщинистый», алчно сверкая глазами. Он быстро шел по улочке, временами оглядываясь и подмигивая Владу.

— Как тебя зовут? — спросил Влад.

— Какая разница! — хихикнул мужчина и остановился у приоткрытой двери. Тяжело дыша, он постучал, выждал немного и качнул головой: — Пошли!

Поднимая пыль, по улице прошмыгнули еще двое путников. Воровато оглядываясь, они нырнули в дверь на противоположной стороне улицы.

— А зачем мы сюда пришли? — спросил Влад, и едва удержался на ногах — морщинистый сильно потянул его за руку, затаскивая во двор.

— За всем, что найдем, — пробормотал «морщинистый» и на полусогнутых кинулся к низкой двери дома. — Не стой, как чучело! Хватай, что видишь! А я поищу монеты!

Тут со стороны улицы раздались крики и топот многочисленных ног. Во двор на секунду заглянул один из путников:

— Атас! Уносим ноги!

Влад, ошалев от всего происходящего, выбежал на улицу. Распахнув дверь ногой, следом за ним из двора выбежал «морщинистый». Под мышками он сжимал что-то вроде кухонной утвари, медные чайники, овальный чеканный поднос, деревянный короб и какое-то тряпье.

— Не стой! — сделав страшные глаза, крикнул он и пустился наутек.

По улице, роняя наворованное добро, с завидной скоростью неслись остальные путники. Маленький отряд беглецов замыкал человек в накидке, старавшийся даже в такой ситуации сохранять достойный вид. За ними, с воплями и улюлюканьем, неслись жители городка, бросая камни вслед убегающим. Плотным рыжим облаком над улицей зависла пыль, словно по ней прогнали стадо резвых овец. Один булыжник угодил в стену, рядом с которой стоял Влад, и, срикошетив от нее, попал ему в плечо.

Подгоняемый страхом, он побежал от толпы, и с его плеч сорвался плащ. Еще один камень врезался ему между лопаток. Втянув голову в плечи, Влад с ужасом ожидал, когда очередной булыжник попадет ему в затылок и раскроит череп. Не помня себя, он выбежал из городка и, несколько растерявшись на пустыре, кинулся в сторону, где далеко, в знойном мареве дрожали темные пятна деревьев.

Крики и проклятия постепенно затихали за его спиной. Теряя силы, Влад кубарем скатился в глубокую канаву, обдирая об острые камни локти, заполз за колючий куст и там притаился.

«Кажется, я ошибся», — подумал он и, словно задыхаясь от приступа астмы, расхохотался.

ГЛАВА 30

Влад брел по пустынной дороге, больше напоминающей высохшее русло ручья. Солнце стояло в зените, и мир, лишенный теней, казался плоским, словно нарисованным желтой краской на голубом стекле. Мучимый жаждой и голодом, он несколько раз останавливался на отдых под оливами, но тень их была слабой и не давала прохлады. Сидя на жесткой пожухлой траве, Влад проверил карманы, точнее, мешочки, пришитые на внутренней стороне хитона, и вытащил несколько упаковок с таблетками. «Если все это сон, — думал он, — почувствую ли я вкус лекарств?» Надорвал край упаковки с анальгином, вытряхнул таблетку на ладонь и положил ее

на язык. Знакомый горько-соленый привкус. Влад разгрыз таблетку и проглотил ее.

Долго он будет идти? А где ночевать? И сколько вообще все это будет продолжаться? Если это сон, то необыкновенно выразительный, почти не имеющий отличия от реальности. Но что другое, как не сон? Не розыгрыш ведь!

И снова из мутной пелены стали проступать детали города. Каменные стены, рыхлые пирамиды, похожие на детские замки, построенные из речной гальки, редкие фигуры людей, знойный аромат, приправленный запахом жилья, очага, хлебной лепешки, мелодичные звуки чеканщиков, заунывное бляенье животных... Влад остановился, протер глаза. К городским воротам приближалась группа путников. Люди издали напоминали кучу старого тряпья, которую колышет ветер. Они совсем не были похожи на банду воришек, с которой Влад недавно встречался. Никакой дерзости, никакого алчного огня во взглядах. Ссутулившиеся, слабые, с выжженными до черноты лицами, с растрепанными, всклокоченными волосами, босоногие, хромые, слабые, они нетвердой поступью приближались к воротам. Впереди группы шел изможденный худой парень с длинными волосами, которые давно не знали гребешка и спутались, напоминая разлохмаченные пеньковые веревки. На плечах едва держалась длинная, сшитая из лоскутков тряпка, подол которой волочился по земле и поднимал пыль. В редкой курчавой бородке запутался дорожный мусор — веточки и обрывки высохших листьев. На лице парня было столько боли и страданий, что встречные люди немедленно отводили взгляды, будто стыдились своего благополучия и сытости.

Влад смахнул со лба налипшую челку и, не отрывая взгляда от приближающейся к городским воротам группы, быстро пошел к ним.

Группа остановилась в нескольких шагах от ворот. Парень с бородкой выступил вперед, покло-

нился жителям, которые с нескрываемым отвращением смотрели на пришельца. Тяжело дыша, Влад остановился поодаль.

Воцарилась тишина. Пресыщенные лица уставились на путников. «Ну, что вы нам скажете нового?»

Парень с бородкой приложил ладонь к груди и на удивление неприятным, визгливым голосом, выдал:

— Ради бога, подайте на пропитание! Проявите сострадание! Мы все инвалиды, идем издалека...

Ему не дали договорить. Крики и свист, вырвавшиеся из городских ворот, будто смели путника, и он немедленно отошел к своим, да привычным движением прикрыл руками голову.

— Убирайтесь вон, попрошайки!!

— Много вас тут шатается!!

— Идите работать, бездельники!!

— Спускай на них собак!!

Пока Влад сообразил, что события начали развиваться совсем не так, как он предполагал, из ворот с громким лаем выбежала свора тощих и облезлых псов. Попрошайки, как по команде, кинулись врассыпную, причем, это была не стихийная реакция на опасность, а хорошо отработанный маневр, каким они пользовались явно не первый раз. Рыжий барбос с торчащими во все стороны грязными клоками шерсти на мгновение замер посреди дороги, выбирая жертву, и тут заприметил Влада, который выделялся на фоне суматохи своим спокойствием. Радостно клацнув зубами, пес кинулся на Влада и вцепился в подол его хитона.

Он с опозданием понял, что жители города, как и собаки, приняли его за попрошайку, пнул расщипавшего пса ногой и кинулся прочь...

Сколько он еще брел по выжженной пустыне? Иногда ему казалось, что он на ходу теряет сознание, перестает воспринимать окружающий его мир, и все-таки продолжал идти неизвестно куда.

Наконец Влад почувствовал, что сознание его проясняется, и он вновь обретает возможность видеть и понимать значение окружающих его предметов. Уже вечерело, и тонкая полоска облаков на закате окрасилась в пурпурный цвет, и небесную лазурь словно разбавили водой, отчего цвета померкли, потускнели, и зной уходящего дня затаился в гранитной толще камней и валунов. Тишина была полной, исчерпывающей, и она заставляла вести себя соответственно, дышать чуть слышно, не делать резких движений, чтобы не шуршать одеждой.

Он медленно обернулся, будто кто позвал его, хотя ничто не нарушило тишину. На камне, контрастно выделяясь на фоне неба, сидел человек, и хоть ноги его были согнуты в коленях, а плечи опущены, можно было до-

гадаться о его высоком росте. Вид мужчины был печальный, а рассеянный взгляд устремлен в непробиваемую твердь камня. Темные одежды волнами струились по сухощавой фигуре. Жилистые, оголенные до запястий руки, были крепко сплетены. Густые темные волосы, завивающиеся на кончиках, опускались на плечи. Мужчина был неподвижен, как камень, на котором сидел, и лицо его было преисполнено тоской.

Вдруг за спиной Влада послышались чьи-то тихие шаги. Он вздрогнул и вскинул голову. К сидящему на камне человеку шла какая-то молодая женщина. Приблизившись к нему, она заговорила:

— Ну, ладно, я тебя прощаю. Но в последний раз... — и опустила руку ему на голову.

Мужчина схватил ее ладонь, прижал к своим губам и, всхлипнув, произнес:

— Я даже думать о ней не могу! Ума не приложу, как я мог соблазниться! Да она страшна, как дочь сатаны! И все время глупо хохочет! И пахнет от нее скверно ...

— Вот ты как запел, — усмехнулась женщина.

— Прости, прости...

— Пойдем уже. Надо детей укладывать...

— Да, да... Конечно...

Мужчина поднялся, взял женщину за руку и, они побрели куда-то, где в сгущающихся сумерках вспыхивали желтые мерцающие огни...

Влад еще долго сидел в полном одиночестве, глядя на холодеющий закат, потом вскочил и кинулся туда, где дрожали тусклые огоньки. Вскоре под его ногами зашуршали камни, тропа пошла под уклон. Влад остановился, чтобы сориентироваться в сгущающихся сумерках, и тут кто-то крепко схватил его за руку и толкнул на теплый ребристый валун.

— Тссс! Только не ори!

Чернобородый мужчина вплотную прижался к нему, готовый пресечь всякую попытку Влада на сопротивление. От него пахло крепким потом и ко-

стром. Серая, достающая почти до колен рубаха с бахромой, по цвету сливалась с камнем, и незнакомец, замирая, становился почти невидимым. Только красная шапочка, похожая на усеченный колпак, выдавала его.

— Ты откуда? — прошептал незнакомец, оглядывая Влада, но не дождавшись ответа, кивнул, давая понять, что ему и так все ясно, и повел за собой. Он мелкими проворными шажками поднимался по крутой осыпи вверх, где притаились, уподобляясь придорожным валунам, безмолвные человеческие фигуры.

— Скрываешься? — спросил незнакомец, впрочем, вряд ли интересуясь ответом. Могло показаться, что этот человек, вынырнувший из темноты и говорящий шепотом, все знал про Влада. — А если мы все уподобимся трусливым шакалам? Если забудем Бога, заветы, предков?.. Да не дрожи ты, ничего с твоей шкурой не сделается. Там всего-то с десяток солдат наберется. К тому же, скоро станет темно... Иди за мной, тут есть тропа...

Влад покорно следовал за незнакомцем, глядя, как маячит его красный колпак.

— У тебя нож есть? — тихо спросил незнакомец. — Как, вообще ничего? Ну, ладно, я дам тебе меч. У него хоть и сломан наконечник, но рубить будет за милую душу... Среди них два негодяя, которые поступили к римлянам на службу. Их надо убить в первую очередь. В назидание тем, кто предает веру...

С гребня холма, на который они поднимались, донесся едва различимый свист. Незнакомец, распрямив плечи, помахал кому-то рукой.

— Это мои люди, — объяснил он Владу, обнимая его.

Влад, крепко сжимая обломок меча, с нетерпением ждал развития событий. Вскоре внизу послышался топот многочисленных ног, отрывистые команды и металлический лягз оружия. Взошедшая над холмами луна осветила кроваво-красную колонну солдат. Они шли плотными шеренгами по шесть человек в каждой.

«Всего-то десяток солдат?! — ужаснулся он. — Да их тут не меньше полусотни!»

Взглянув на своего попутчика и увидев, что он колеблется, Влад поднялся на ноги и вскинул над головой свое обломанное оружие. Тот мгновенно проделал то же самое, истошным от волнения голосом крикнул:

— Бей их!!! — и сам первым ринулся вниз.

С гортанными воплями и свистами по насыпи вниз побежали, покатились люди, зашуршал песок, со скрежетом выдвигались кинжалы из ножен, рассекали со свистом копыя. Внизу зазвучали ответные команды, сдержанные и короткие, и строй солдат тут же преобразился. Красные, выгнутые дугой щиты сомкнулись, образуя непробиваемую стену. Обла-

ченные в кожаные кирасы атлеты пригнули головы, и тяжелые шлемы, увенчанные похожими на фонтаны султанами, металлически звякнули. В сгущающейся темноте блеснули искры, и над строем пронесся мученический вопль. Трудно было сказать, кто победил в этой короткой схватке — иудей или римлянин, но этот вопль обе противоборствующие стороны восприняли как боевой клич. Влад видел, как бунтовщики рассыпались на мелкие группы и принялись атаковать римлян со всех сторон.

Влад продолжал стоять на гребне, окаменевший от открывшегося ему зрелища. Но он оставил своих новых товарищей вовсе не потому, что утратил способность двигаться. Все происходящее он по-прежнему воспринимал как представление, а потому упивался мастерством и правдоподобностью постановки, не испытывая никакого желания ринуться в драку.

Сражение подходило к концу. Пять-семь бунтовщиков еще продолжали отчаянно размахивать мечами, но силы их быстро иссякали, и они, наконец, бросились врассыпную, быстро теряясь в сумерках. Дюжина римлян кинулась за ними в погоню.

Влад спрятался за валун, чтобы его не заметили снизу, а потом, не выдержав, побежал вперед, в темноту. Он слышал за своей спиной металлический лязг, и ему представлялось, что его преследует некое гигантское насекомое, покрытое железными щитками. Разбивая в кровь ноги, он перепрыгивал через камни, продираясь через жесткие кусты, изредка останавливался, прислушивался и снова бежал. Пот заливал ему лицо, и Влад утирался пропыленным подолом хитона. Когда силы уже почти оставили его, каменистая тропа расплылась по пустырю, и путь Владу преградил святящийся тусклыми окошками поселок. Некоторое время он стоял на пустыре, раздумывая, куда направиться дальше. Но тут раздались голоса солдат и бряца-

ные оружия за его спиной. «Осмотрите все улицы и дворы! — распоряжался кто-то. — Они могут прятаться здесь!»

Эти слова словно подхлестнули Влада, и он, укрываясь в тени забора, бесшумно вошел в поселок. Плутая по узким улочкам, словно слепой котенок, он тыкался в наглухо запертые двери. Было уже слишком поздно, чтобы встретить кого-либо из жителей, хотя во многих дворах теплился тусклый свет, струящийся от масляных лампадок. Влад слышал шаги римлян, солдаты буквально шли по его пятам. Войско создавало шум, и сонный поселок тревожился, во дворах стали побрехивать собаки, испуганно перетаптываясь в сараях овцы, настороженно и хищно клекотать куры.

Он свернул на очередную улочку и остановился перед невысоким забором. Взобрался на кучу песка (наверное, где-то рядом недавно вырыли колодец), подпрыгнул, закинул ноги и тут же рухнул во двор.

В доме тихо скрипнула низкая дверь, и во двор бесшумно, делая редкие шаги, вышла женщина. На ней была черная одежда, и ночь почти растворилась в себе мелкую фигурку, но по походке и согбенным плечам Влад догадался, что женщина уже в годах. Ступая босыми ногами по утопанному двору, она приблизилась к нему, склонилась, стараясь заглянуть в лицо, потом протянула руку, цепко взяла его за запястье и потянула в дом. Влад поднялся и пошел за ней. Чтобы войти в дом, ему пришлось низко склонить голову. Внутри было сумрачно и тесно. В углу тускло горел фитиль, опущенный в плошку с маслом. Вдоль стены стояли пузатые мешки то ли с чечевицей, то ли с горохом. Он увидел на приступке печи глиняный кувшин, и женщина, угадав его взгляд, взяла кувшин и протянула ему. Влад пил долго и жадно, проливая на грудь. Потом вытер ладонью губ и поставил кувшин на место.

— Ты голоден? — спросила женщина.

Он отрицательно покрутил головой. Глаза его освоились с неровным светом фитиля, и Влад стал различать незамеченные раньше детали жилища. Увидел раму ткацкого станка, клубки шерсти, стопки глиняной посуды, кучку хвороста, веревки. Затем перевел взгляд на хозяйку и только сейчас заметил, что ее лицо несимметрично, одна щека подпухла и горит малиновым румянцем.

— Болею, — стыдливо объяснила женщина, отворачиваясь. — Уже пять дней у меня жар, и болит, сильно болит... Была у лекаря, он много денег попросил, дал отвар, я пью его, но не помогает. Богу молюсь, и сын Богу молится, но не слышит нас Господь...

— У вас флюс, — сказал Влад.

— Что?

— Вам надо удалить зуб.

— Молиться надо... — не понимая, о чем он ей говорит, вторила свое женщина.

Влад вдруг вспомнил о таблетках. Мари накупила ему целый ворох. Кажется, было что-то противовоспалительное, какой-то сильный антибиотик, то ли гентамицин, то ли амикацин... Он вывалил упаковки на приступку, нашел амикацин и анальгин, выковырял по таблетке из каждой пачки и протянул женщине.

— Выпейте, хуже не будет!

Женщина с недоверием взяла таблетки, поднесла их к фитилю, стала рассматривать.

— Соль?

— Ну, что-то вроде того.

— А ты что, лекарь?

Влад не ответил, поднес женщине кувшин с водой. Хозяйка по одной положила таблетки в рот, разжевала, сморщилась, но не выплюнула, запила водой.

— Мне лекарь отвар давал, и не помогло, а твоя соль...

Она не договорила. Со двора донесся громкий стук. Женщина засуетилась, подтолкнула Влада к шторе, отделяющей вторую комнату, и он вошел туда, в маленький белый короб без окон, где в углу была расстелена циновка, а поверх нее лежало грубое серое одеяло.

— Это комната моего сына, — шепнула она. — До утра его не будет. Ложись, накройся и не шевелись!

— Посторонние в доме есть? — раздался грубый голос.

— Что ты! Какие посторонние, Господу спасибо, не допустит! Я и днем-то боюсь открывать...

— А что сейчас не побоялась? А, бабка?

— А чего ж вас, солдат, бояться? Я власть уважаю...

Калитка захлопнулась, и Влад медленно опустился на циновку, ощупал ее, провел по ней ладонью, лег, вытянув ноги, и накрылся одеялом.

«Где я? Что со мной? Что вообще происходит?»

Штора шевельнулась, и в комнату заглянула хозяйка.

— Все в порядке, — тихо сказала она. — Они ушли. Ты голоден?

«Разве так бывает, — подумал Влад, закрывая отяжелевшие глаза, — чтобы засыпать во сне?»

Вдруг штора снова колыхнулась, и в проеме показался молодой мужчина со свежей короткой стрижкой, дерзкой челкой, ниспадающей на глаза, с едва наметившейся бородкой и усами. В его лице не было ничего примечательного, разве что привораживали необыкновенно живые глаза, полные искрометного блеска. Незнакомец улыбнулся, вошел в комнату, почесывая через ворот рубахи шею и плечи, натертые, по-видимому, грубыми краями хитона.

— Спи, я сейчас уйду, — сказал он, заметив, что Влад порывается встать. — Не ранен?

Влад покрутил головой. Незнакомец опустил перед ним на корточки и протянул левую руку.

— Меня зовут Жезу, — представился он, делая, на французский манер, ударение на последнюю букву.

— Влад...

«А почему он подал левую? Что он держит в правой? Нож?»

Влад не сводил взгляда с его правой руки, которую незнакомец сжал в кулак и отвел за спину.

— Извини, — кивнул он. — Немного беспокоит старая рана... Ну, все, не буду тебе мешать. Отдыхай! Утром поговорим. — И вышел, старательно прикрыв за собой штору.

Влад снова лег, подтянул край одеяла к подбородку. Тело его расслабилось и словно раскисло, как жидкое тесто, и он снова провалился куда-то, во мрак и забытью...

ГЛАВА 31

Лицо человека, склонившегося над ним, было мутным, словно он смотрел на Влада через запотевшее стекло автомобиля. Но Влад знал, что это уже не Жезу, и вообще, это уже другой мир. Он понял это по тому, как свободно лились мысли, как холодила спину газонная трава, как ласкал щеки ветер...

«Я проснулся... Наконец-то, я проснулся!»

Влад попытался встать, и ему это удалось, хотя его схватили за плечи несколько рук, то ли помогая, то ли, наоборот, удерживая. И поочередно

в глаза заглядывали незнакомые лица — то скуластое с перебитым носом лицо полицейского, покрытого серой рефлексией от форменной фуражки, то лисье лицо врача «Скорой помощи» со сведенными лохматыми бровями, то лицо Адриано, потом Мари, и снова полицейского...

— Он нуждается в госпитализации? — спросил полицейский у врача.

— Я не настаиваю, — ответил врач, закрывая свой чемоданчик. — По желанию клиента... Вообще, его жизни ничего не угрожает. Пуля лишь чиркнула по коже предплечья. Видите, крови почти нет.

— В таком случае, я вас не задерживаю, — сказал полицейский, небрежно щелкнув указательным пальцем по козырьку.

Влад тряс головой, тер виски. Машина «Скорой помощи» дала задний ход, осторожно, чтобы не оставить колею на газоне, развернулась и скрылась за деревьями.

— Я буду держать вас в курсе того, как идет расследование, синьора, — обратился полицейский к Мари.

Влад медленно приходил в себя. «Это парк святого Алесслио... В Адриано стреляли. Я попытался толкнуть его к дереву...»

— Где старуха? — тихо спросил он, удивляясь, как непривычно звучит его голос — словно со стороны.

— Какая старуха, Влад?

Адриано и Мари сидели перед ним на корточках. Лицо Мари, зареванное, с покрасневшим носом, показалось Владу невероятно родным.

— Я бредил? — спросил он.

— Нет, только мычал и пускал слюни, — ответил Адриано, ласково поглаживая Влада по голове.

— Хорошенькое дельце! — прижимая платок к носу, сказала Мари. — Инспектор будет держать меня в курсе дела! А где эксперты? Почему не сняли свидетельские показания? Почему не сфотографировали вот это! — И она швырнула комок

земли в дерево, от ствола которого пуля оторвала щепку, оголив похожую на рану костяно-желтую мякоть.

— Он не поверил, что в нас стреляли, — пробормотал Адриано. Его нижняя губа все еще дрожала, и ему было нелегко прикурить. — Зачем он спрашивал, много ли мы выпили пива?

— Я долго... — Влад хотел сказать «спал», но это слово показалось ему неудачным и ничего не объясняющим. — Я долго был в отключке?

— Минут пятнадцать, — ответила Мари и высморкалась.

— Двадцать, — поправил ее Адриано. — У тебя был обыкновенный обморок, но приехали врачи, вкатили тебе какой-то противошоковый препарат, и у тебя стало останавливаться сердце...

— Сердце у него не останавливалось! — возразила Мари, повернулась к Владу и погладила его по щеке. — Ты его не слушай, он от волнения все путает. У тебя начала развиваться кома.

— Хрен редьки не слаще, — ответил Влад и встал на ноги. Чтобы удержаться в вертикальном положении, ему пришлось опереться о стол дерева.

— Какая кома?! Какая кома?! — взорвался Адриано. — Что ты мелешь, пустая голова?!

— Это у тебя пустая голова! — не осталась в долгу Мари.

Влад посмотрел на свои руки, оцупал карманы, вытащил оттуда изрядно помятые упаковки с таблетками. Пачка с амикацином была вскрыта, в ней не хватало одной таблетки. «Бред какой-то!»

— Вы мне давали амикацин? — спросил он.

— Не знаю, — покрутила головой Мари. — Я держала твою голову, чтобы у тебя не запал язык... Проклятая итальянская мафия! У тебя дома тоже так стреляют?

— Да, — признался Влад. — Тоже так...

— Вы стойте здесь, — распорядился Адриано, — а я сейчас пригону такси.

Влад переступил с ноги на ногу, и под подошвой что-то хрустнуло. Он наклонился, увидел осколок ампулы, повертел его в руках и поднес к глазам. «Строфантин».

— Это мне вкололи?

— Нам надо расстаться, — сказал Влад, когда они медленно катились в такси по via di S. Gregorio. — Все ваши беды начались после моего приезда.

— Не говори глупостей, — отрезал Адриано и нарочито отвернулся, разглядывая соседнюю машину с затемненными стеклами.

— Какие еще неприятности? — вздохнула Мари. — Самая большая неприятность — это то, что тебя ранили! Но я уже сама думаю, что это была досадная случайность. Шальная пуля, так ведь, Адриано?

Адриано ничего не ответил, а Влад отрицательно pokrutil головой.

— Мари, ты ошибаешься. Пуля была предназначена твоему брату. «Наследники Христа» пытаются убить всякого, с кем я общаюсь. Они застрелили профессора. Теперь вот стреляли в Адриано. Я знаю, что на этом они не остановятся. Они ведь меня предупреждали — никому не рассказывать о рукописи. Поймите меня правильно, друзья! Я больше не хочу подвергать вас опасности. Спасибо вам за все. Теперь постараюсь обойтись без вашей помощи.

Мари растерянно посмотрела на Влада, затем на брата и снова перевела взгляд на Влада.

— Да что ж это такое? — забормотала она, вот-вот готовая расплакаться. — Почему мы должны расстаться? Я боюсь за тебя! Я не хочу тебя отпустить! Нас перебьют по одиночке! — И крепко прижалась к нему.

— Адриано, хоть ты прояви благоразумие! — жестко произнес Влад, пытаясь отстранить от себя девушку. — Твоя сестра слишком легкомысленна! Это уже второй случай за неполные сутки, когда стреляют в людей, проявившим любопытство к рукописи. Второй, если не сказать больше... Адриано, останови машину, я выйду, а вы поезжайте домой! Перед отлетом я вам позвоню.

— Адриано, неужели ты позволишь ему уйти?! — возмутилась Мари и легонько стукнула брата, сидящего на переднем сиденье, в спину. — Что же ты молчишь?!

— Водитель, остановите машину! — распорядился Влад.

— Продолжайте ехать! — громко добавила Мари.

Таксист пожал плечами, но на всякий случай перестроился в правый ряд. Адриано, все это вре-

мя хранивший глубокомысленное молчание, хлопнул по панели ладонью и сказал:

— Ладно, сделаем так. До библиотеки мы все же доедем вместе, ибо тебя туда без меня не пустят. Внутри мы будем в полной безопасности. А уж когда все узнаем и выйдем на улицу, тогда и расстанемся.

Получив отсрочку, Мари снова прижалась к Владу. Что будет потом, через два или три часа, — она не хотела думать. Придет время расставаться, и можно снова закатить скандал, и снова добиться своего.

ГЛАВА 32

Научный консультант исторического фонда синьора Фиорелла не столько слушала Адриано, сколько поглядывала на Влада и раздумывала о какой-то проблеме, связанной с ним.

— Не поняла, — в очередной раз произнесла она. — Адриано, ты как всегда многословен. Конкретнее. Тебе нужны все династии?

— При чем тут династии, Фиорелла?! — теряя терпение, воскликнул Адриано. — Я же тебе итальянским языком говорю: мы хотим вычислить все конфликтующие субъекты в среде римских императоров и вельмож!

— Так вся история Рима — это один большой и нескончаемый конфликт, — усмехнулась Фиорелла и снова кинула настороженный взгляд на Влада. — Можно сказать, некое яблоко раздора. Какое именно яблоко раздора тебя интересует?

— Меня? — переспросил Адриано и оглянулся на Влада.

— Нас интересует некая Тайна Власти, которая передавалась из поколения в поколение, — открытым текстом объяснил Влад. — Это мог быть какой-нибудь символ, или пароль, или код, если хотите. Некий талисман, дающий императору необыкновенное, божественное могущество.

— А вы уверены, что такой талисман существовал?

— Мы предполагаем, — осторожно произнес Адриано и снова покосился на Влада.

— Ищите! — с некоторой иронией в голосе позволила научный консультант и кивнула на огромный книжный стеллаж, не уступающий размером тепловозу. — Подумайте над тем, как будете формулировать запрос для поисковой машины. Ваш лепет о некоем конфликте, основанном на сомнительной Тайне, не выдерживает никакой критики. Машина выдаст вам всю кровавую историю Римской империи, и вы утонете в изобилии фактов. — Она села перед монитором и, введя пароль, зашла на библиотечный сер-

вер. — Здесь собрано несколько десятков тысяч рефератов, диссертаций и трактатов по истории Рима. Пожалуйста, назовите мне ключевые слова. Чем больше будет список, тем более точными будут результаты поиска.

— «Марк Аврелий», — первым сказал Влад.

— Замечательно! — Фиорелла кивнула и застучала по клавиатуре.

— «Конфликт», — вставил Адриано.

Женщина хмыкнула, но слово ввела.

— «Тайна», «символ», — выдала Мари.

— «Сокровище», «наследство», — добавил Адриано. Воцарилось молчание.

— Все? Выдохлись? — спросила Фиорелла. — Тогда поехали!

Она нажала кнопку ввода. Через несколько секунд компьютер объявил: «По вашему запросу ничего не найдено».

— Все убираем, кроме «Марка Аврелия!» — не растерявшись, распорядился Влад. — Даем такие слова: «зависть», «сговор», «власть», «наследство», «вымогательство».

— Не много ли? — пожала плечами Фиорелла, но слова ввела. На этот раз компьютер проводил ревизию в своей колоссальной памяти дольше, но материал нашел.

— Ура! — воскликнула Мари, когда на экране появилась строка: «Франческо Тогнацци, Благородство силы».

— Мне знакома эта работа, — сказала Фиорелла, открывая файл с рефератом, и несколько раз щелкнула по клавише, прогоняя текст по экрану.

— Что ж ты так торопишься, эталон совершенства! — возмутился Адриано, едва ли не приклеиваясь к экрану. — Ага! Марк Аврелий против генерала Кассия, Кассий против Марка Аврелия.

— Ты ничего не знаешь об этой истории?

— Мы, конечно, много читали об этом конфликте, — сказал Влад, — но сейчас нас интересует эта история как фрагмент некой другой, более значи-

тельной. Хотя она совсем не так банальна, как может показаться сначала. В ней много необъяснимого. Автор статьи в отдельных местах высказывает недоумение: с какой стати Кассий возомнил себя фигурой, равной императору? С чего он взял, что имеет право претендовать на императорский трон? Обыкновенный военачальник, каких в Риме было сотни.

— Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, — ответила Фиорелла. — Что здесь удивительного?

— А вот обратите внимание вот на эту строку из его письма Марку Аврелию, — сказал Влад, водя пальцем по экрану. — «Ты владеешь тем, что кое-как удерживает тебя при власти, но твое право на унаследованную печать является всего лишь досадным недоразумением».

— Печать? — повторил Адриано.

— Значит, это была печать? — тихо произнесла Мари.

— Слово «печать» Кассий использовал в переносном значении, — с нескрываемой иронией пояснила Фиорелла. — Он имел в виду данную богами власть, божественную отметку.

— Он имел в виду именно печать, — глухим голосом произнес Адриано. — Одной владел он, вторая принадлежала Марку Аврелию. Кассия это бесило. Он пытался стать обладателем обеих печатей.

— Коллега! — брови Фиореллы взметнулись вверх. — Что за чушь вы несете? Какие печати?

Адриано закашлялся, потом произнес сиплым голосом:

— Однако продолжим. Введем в список ключевых слов слово «печать»...

— А «зависть» и «вымогательство» можно убрать, — добавил Влад.

Фиорелла вздохнула и застучала по клавиатуре с удвоенной силой.

— Нет, ничего не понял Франческо Тогнацци, — покачал головой Адриано. — При чем тут благородство силы?

— Марк Аврелий захватил все секретные письма Кассия, в которых назывались имена заговорщиков, но не стал их читать и сжег, не вскрывая, — пояснила научный консультант.

— В письмах Кассия не только упоминались имена заговорщиков. Там, по всей видимости, шла речь и о местонахождении печати. Аврелий, этот умнейший человек, этот талантливый философ прекрасно осознавал, какую могущественную силу, какое страшное оружие получит обладатель двух печатей, и побоялся стать таким обладателем. Потому и сжег эти письма, не читая, — сделал вывод Адриано.

— И что у нас теперь получилось? — нетерпеливо проговорил Влад.

— «Тень Бога», — прочитала с экрана Мари. — «Размышления о бессилиии всесильного правителя». Дальше: «Дитя заката. Трактат о последнем римском императоре». «Первый демократ Рима. О загадочном

жесте Одоакра». И последнее: «Человек без наследников. О жизни итальянского кондотьера Коллеоне».

Влад, потихоньку вытесняя Фиореллу со своего рабочего места, открыл текст первой ссылки. Здесь речь шла о жестокой расправе императора Максимиана над святым Пантелеймоном.

— Не думаю, что эту работу можно рассматривать как серьезное научное исследование, — сказала Фиорелла, демонстративно поглядывая на часы. — Разве можно поверить в то, что толпа палачей не смогла причинить Пантелеймону вреда? Вы верите в то, что ни ножи, ни кинжалы, ни острые цепи не поранили тело юноши?

— Мы готовы поверить в то, — сказал Влад, — что палачи вообще его не пытали.

— Вы хотите сказать, что палачи не выполнили приказ императора?

— Мы хотим сказать, что палачи попросту не смогли это приказ выполнить. Читаю вслух: «В одном из источников, дошедших до нас, упоминается о неудачной попытке замучить знаменитого лекаря, любимца христиан Пантелеимона. Когда палачи поднесли к юноше орудия пыток, он остановил изуверов властным окриком и, развернув ладонь, отмеченную печатью, сказал: «Властью Бога призываю вас позаботиться о своих душах!» Палачи, побросав раскаленное железо, упали перед святым Пантелеимоном на колени...»

— Звучит, как легенда, — заметила Фиорелла. — Вы полагаете, что император Максимиан добивался от Пантелеимона того же, что и Кассий от Марка Аврелия?

— Совершенно верно, — кивнул Адриано. — Император вымогал у юноши вторую печать, которой ему не хватало для того, чтобы получить безграничную власть.

— Опять ты со своими печатями! — отмахнулась Фиорелла. — По-твоему, их передавали из поколения в поколение?

— Печати, конечно же, не передавали. Их крали или отбирали силой, как, собственно, всякую власть.

— И что они представляли собой?

— За ответ на этот вопрос, синьора, мы дорого заплатили бы, — сказал Влад. — Но я не советовал бы вам... э-э-э... распространять сведения, которые стали вам известны за последние полчаса. Дело в том, что движение этих знаков власти по истории и по сей день сопровождается кровопролитием.

— Даже так? — недоверчиво переспросила Фиорелла. — Вы меня заинтриговали. — Давайте же посмотрим, где еще упоминаются эти ваши знаки власти.

Она выбрала удачный момент и снова заняла центральное место у компьютера.

О том, кто владел печатью Пантелеимона после его кончины, не было ни слова, ни намек во всем гигантском банке данных библиотеки. А вот цепочка, связывавшая Понтия Пилата и Максимиана, продолжалась последним императором Рима Августулом, свергнувшим его Одоакром и заканчивалась прославленным кондотьером Коллеоне. Властью, которая сама легла ему в руки, Одоакр распорядился довольно странно

— Это, действительно, не поддается объяснению, — сказала Фиорелла. — Одоакр мог объявить себя императором, и все ждали, что он так и сделает, но он отослал знаки императорской власти в Константинополь императору Зенону. В текстах древних летописцев использовано именно это определение: «Знаки императорской власти». Вы полагаете, что речь идет о тех самых печатях?

— Только об одной печати! Мудрый Одоакр не решился взвалить на себя бремя и ответственность Божественной Власти. Он решил остаться обыкновенным человеком и взять от жизни только то, что дано простому смертному.

— Дочитываем текст и разбегаемся, — объявила Фиорелла. — «Человек без наследников. О жизни итальянского кондотьера Коллеоне»...

ГЛАВА 33

— Капитан Фогли, я знаю, что никакими исключительными качествами Бог вас не наделил. Вы снова убедили меня, что представляете собой полное ничтожество, как, собственно, и все людишки, кишящие вокруг вас. Но ради выполнения моего приказа вы обязаны были из кожи вон вылезть...

— Да, синьора, я непременно сделал бы так, — ответил сыщик, — но оказалось вполне достаточным держать под контролем вход в библиотеку. В данный момент все трое сидят во внутреннем кафе и полдничают.

— Все трое!! — взвизгнула мать Анисья, стискивая трубку мобильного телефона так, что она за скрипела в ее руке. — Вы — идиот, капитан!! Я же приказала любыми способами отсекал от объекта прилипал! Ваша задача заключается в том, чтобы не допускать никаких контактов объекта с посторонними людьми! Они же лезут на него, как муравьи на гусеницу! Он должен все время быть один! Один! Вы понимаете?

— Это не совсем реально, синьора. Чтобы исключить всякий контакт с посторонними, мне, как минимум, надо постоянно находиться с объектом рядом.

— Что же вам мешает? Вы не можете проникнуть в библиотеку?

— Могу, синьора, но в этом случае я выдам себя.

— Что?! Какой же вы профессионал? Растворитесь в воздухе, станьте невидимым! За что я плачу вам деньги?! — зашипела мать Анисья и в ярости швырнула трубку на приборную панель. Некоторое время она нервно отдирала с воспаленной ладони лоскуты отторгшейся кожи и скрипела от боли зубами. — Его надо убрать и нанять другого детектива, — обернувшись к сидящему за рулем Леонтию, процедила она.

— Послушай, Анисья! Ты уже переходишь все границы...

— Да, перехожу! Потому что для меня не существует границ! Мне позволено делать все, что я посчитаю нужным! Мне Бог сказал: бери власть! И я беру ее, и ничто не может мне помешать. Дорога открыта, осталось всего несколько шагов, я уже вижу, вижу, вижу...

— Анисья...

— Замолчи, ничтожество! Не смей меня перебивать! Не смей говорить, пока я не позволю тебе!!

Леонтий схватил ее за запястье и крепко сжал.

— Ты сходишь с ума... Превращаешься в идиотку... Ты можешь все испортить в самый последний момент...

— Как... — задыхаясь от гнева, воскликнула мать Анисья. — Как ты смеешь... Червь! Что ты есть без меня?! Кем бы ты был сейчас, если бы не я?!

— Анисья! — заорал Леонтий и влепил женщине пощечину. — Очнись! Ты уже натворила дел! Чуть не убила Влада! Ты не умеешь стрелять, а хватаешься за оружие!

— Я не умею?! Я стреляла левой рукой! Но как бы я ни выстрелила, пулей будет управлять Господь Бог! Потому что я — его руки, его воля, и все, что я делаю, сделано по его приказу...

— Мы потеряем с тобой все!

— Убери руки, ничтожество... — Анисья изловчилась, выхватила из сумочки пистолет и направила ствол в Леонтия.

— Анисья, что ты делаешь?

— Я не умею стрелять?! Запомни, урод: тебя сейчас судит Бог! И Ему угодно то, что делаю я! — И она быстро нажала на спуск.

Грохнул выстрел. Пуля, войдя Леонтию между бровей, разворотила затылочную кость. Розовые брызги хлестнули по боковому стеклу, и Леонтий рухнул на сиденье...

Мать Анисья положила пистолет в сумочку, открыла дверь, вышла из машины и направилась к парковой дорожке, на ходу срывая заднюю крышку мобильного телефона и извлекая sim-карту.

ГЛАВА 34

— Мы зашли в тупик, — сказал Адриано. — Чем больше мы узнаем, тем больше появляется вопросов.

Они сидели за круглым столиком библиотечного кафе. Влад, помешивая сахар в чашечке кофе, смотрел через мозаичное окно на улицу.

— Что мы узнали? — неестественно бодрым голосом продолжал Адриано, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение. — Одна печать — будем теперь называть знак власти именно так — принадлежала святому Пантелеимону, и кому перешла после его смерти, нам не известно. Вторая печать была у кондотьера Коллеоне. О ее дальнейшей судьбе мы тоже ничего не знаем. Какие будут соображения?

— Надо еще раз внимательно просмотреть рукопись «наследников Христа», — предложила Мари. — Может, нам удастся найти какие-нибудь иные пометки профессора Сидорского. Если смотреть на свет, то можно найти следы карандаша, даже если они были стерты ластиком.

— Ну? — вскинул тяжелую голову Адриано и вопреки поспешил посмотреть на Владу. — Что скажешь?

Профессор Сидорский... Влад не мог поверить, что еще сутки не прошли, как закончился земной путь профессора... Неужели это было только вчера? Темный, дождливый вечер. Мокрый асфальт, на котором отражаются огни фонарей. И распростертое на асфальте тело... Профессор был весь соткан из тайн. Во всяком случае, Владу так казалось, когда он начал работать с Сидорским. Но что бы профессор не пропускал через себя, с какой бы человеческой мерзостью не имел дело, он оставался безупречно чистым. Ничто не прилипало к нему, его нравственность была словно высечена из гранита. Влад понял это незадолго до гибели профессора, сразу освободившись от гнетущей тяжести на душе, которую носил почти полгода. Как-то он смотрел выпуск новостей, хотя политической мало интересовался. Внимание его вдруг привлекло лицо женщины, которая выступала с высокой трибуны и призывала народ к революции. Он узнал ее, несмотря на то, что имиджмейкеры здорово поработали над ее прической и одеждой. Эта была та самая женщина, которая поздним вечером выходила из квартиры профессора. И Влад сразу понял, с какой целью она приходила к Сидорскому и за что заплатила ему внушительную сумму. Она хотела узнать Тайну Власти. Хотела победить, стать лидером, чтобы управлять страной. И Сидорский научил ее этому искусству...

Скольких людей он подвел к трону, Влад не знал, но хорошо представлял, какие душевные муки испытывал Сидорский. Ведь он не просто давал советы политикам. Он вверял малознакомым лю-

дям самое страшное оружие, какое когда-либо было в распоряжении людей, — власть, и при этом, как никто другой, представлял возможные последствия.

Женщина с косой, должно быть, стала последним клиентом, с которым профессор поделился Тайной. Потом что-то сломалось в нем. Должно быть, окончательно умерла вера в то, что существуют люди, которых власть делает лучше и наполняет их душу благими намерениями. Сидорский окончательно убедился в вечной истине — именно благими намерениями и вымощена дорога в ад.

С той поры он стал жестко охранять даже дальние подходы к Тайне Власти и никому не делал исключений. Даже Владу, своему любимому ученику. Старался уничтожить абсолютно все намеки и подсказки, могущие привести к разгадке Тайны. Он сам не постиг ее до конца, но предвидел страшные последствия, если кто-либо из живущих ныне людей откроет ее, поэтому старался уничтожить абсолютно все следы...

Влад замер, не донеся чашечку ко рту. Что-то очень важное промелькнуло в памяти. Что-то он упустил, выкинул из головы, как малозначимый факт.

— У тебя блестят глаза! Тебе плохо? — участливо спросил Адриано.

— У него горят щеки, — взволнованно произнесла Мари. — Давай все же отвезем его в больницу!

Что? Что очень важное там прозвучало?

Влад отстранил от себя руку Мари — девушка хотела пощупать его лоб. Пусть не мешает, иначе он упустит эту тонкую нить... Следовательно! Он держал в руке связку ключей с брелоком, сверкавшим в свете фар холодным серебром.

«Это крест крампоне... Его название происходит от слова «crampone», что переводится как «альпинистские кошки». Брелок ему подарили в итальянском отеле «Сильвер Крампон» в Л'Акуиле...» «Тогда, может быть, вы сможете объяснить, почему профессор пытался избавиться от креста?»

Вот! Профессор, чувствуя близкую смерть, закинул ключи с брелоком в кусты, чтобы никто не нашел крест и не догадался...

Влад резко поднялся со стула. Стол качнулся, чашки звякнули, на скатерть выплеснулось немного кофе.

— Нам пора расставаться, — сухо проговорил он. — Я срочно еду в Л'Акуилу.

ГЛАВА 35

Официант в нерешительности склонился над ней. От серебряного подноса на стол упал солнечный блик и осветил ее руку, сжатую в кулак. Офици-

ант не знал, куда поставить заказанные дамой кофе и коньяк. Маленький круглый столик, за которым сидела синьора, совсем не подходил для работы с ноутбуком. Но она не замечала неудобств, пальцы, словно щупальца осьминога, медленно и осторожно передвигались по бесшумной клавиатуре. Лицо дамы закрывали широкие поля шляпки. Официант не любил клиентов в шляпках или в черных очках. Он должен был видеть глаза, чтобы по ним угадывать настроение и капризы посетителей.

Дама, увлеченная своим делом, никак не реагировала, и тогда официант взял со стола вазочку с торчащей из нее розочкой и переставил ее на соседний столик. Освободившегося места оказалось достаточно для бокала и чашки кофе.

Она на мгновение оторвала пальцы от клавиатуры и махнула ему, выказывая легкое раздражение его медлительностью. Официанту показалось, что ее ладонь выпачкана в чем-то вязком, розово-желтом, напоминающем то ли крем от пирожного, то ли растаявший кусочек сливочного масла.

Мать Анисья использовала каждую секунду. Времени оставалось совсем мало, а сделать нужно было еще очень много. Очень хорошо, что она убрала Леонтия. Пришел момент, когда ее единомышленник стал для нее обузой. Рядом с ней теперь не должно быть никого.

Она вставила sim-карту Леонтия в свой телефон, положила его рядом с ноутбуком, чтобы инфракрасные порты нашли друг друга и перекинули информационный мостик. Полиции она не боялась, как не боялась вообще ничего и никого. Просто не хотелось, чтобы на ее стремительном продвижении к вершине снова появились мелкие препятствия, которые отнимут драгоценное время. Потому и перестраховалась — не стала использовать свою карту. Подключилась к Интернету и бегло пробежалась по нескольким статьям о предстоящем затмении солнца.

Тьма в этот раз опустится на Землю в Северной Атлантике и по гигантской дуге устремится к Евро-

пе. Полоса полного затмения распространится на сто тридцать два километра в ширину, а скорость продвижения — почти шестьсот километров в час. Гигантская тень заденет юг Испании, Франции, Север Италии, пересечет Австрию и Румынию. Пик предстоящего затмения наступит в три минуты первого полудня, когда его ось пройдет ближе всего к центру Земли. Это произойдет в Крыму, в его юго-восточных районах. Тьма накроет Землю на четыре минуты двадцать четыре секунды, а ширина пути затмения достигнет двухсот километров. Зрелище обещает быть жутким и прекрасным одновременно...

Жутким и прекрасным.

Мать Анисья зашла на поисковый сайт и выбрала пункт «Создать свой почтовый ящик». Придумывая себе имя, на несколько секунд задумалась, потом написала: «God's-volition», что означало «Божья воля». Под этим именем она открыла сайт поиска работы и вакансий в Риме. Сначала просмотрела все имеющиеся категории, пробежала взглядом по разделам «Юриспруденция», «Секретари», «Интернет-технологии», «Строительство», «Перевозки», «Охрана и безопасность»... Нет, все не то. Тогда она открыла раздел для работодателей и оставила объявление такого содержания: «Для выполнения необычной, связанной с риском работы требуется решительный человек, готовый за деньги на все». Внизу приписала свой новый почтовый адрес и нажала клавишу ввода.

Она подождет один час, и если никто не откликнется на это объявление, придется изложить свое требование другими словами, недвусмысленно, почти без намеков, почти открытым текстом.

Но ноутбук пискнул почти сразу же, извещая о приходе письма. Она подняла экран. В нижнем углу мерцал желтый конвертик. «God's-volition! Зайдите на чат, зарегистрируйтесь по имением «Заказчик» и войдите в комнату «001» не позднее 16 часов 20 минут. Ссылка прилагается».

Мать Анисья посмотрела на часы: 16.15. Навела указатель мыши на строчку ссылки и кликнула. Экран вспыхнул, заискрился голубыми звездочками. Чат «Голубой Родник». На приглашение зарегистрироваться она ввела слово «Заказчик», затем прокрутила весь список комнат, пока не нашла «001», где был зарегистрирован всего один участник. Она щелкнула мышкой, и на поле тотчас выбежала строка: «ТОТ_КОГО_ТЫ_ИЩЕШЬ? Привет, Заказчик! Какие проблемы?»

Мать Анисья оглянулась. Неизвестный человек предлагал говорить открыто. Она поспешно набрала на клавиатуре: «Я хочу, чтобы...» Замерла. Потом стерла написанное. Она ведет себя, словно попрошайка на паперти. А он должен почувствовать, что отныне весь, до последней клеточки, принадлежит ей.

И написала: «УБЕЙ ИХ!»

Мгновение — и выбежала ответная строка:

«Их — это сколько?»

«СКОЛЬКО ПОНАДОБИТСЯ».

«А денег хватит?»

«ХВАТИТ».

Возникла недолгая пауза, после чего неизвестный написал:

«10 000 за каждого, 50% предоплата».

Мать Анисья ответила:

«ДА».

«Где ты?»

«VILLA LANTE».

Он ответил нескоро, видимо, прикидывал маршрут и искал по карте подходящую автостоянку.

«В 16.45, Aldo Fabaizi, парковка напротив теннисных кортов, моя машина будет отличаться от других, деньги — в окно на водительское сиденье».

Она хотела быть уверенной, что подойдет к парковке вовремя. Снова шевельнула пальцем, призывая официанта, и прикрыла экран.

— Что-нибудь еще?

— Скажите, где здесь поблизости теннисные корты?

— Теннисные корты, синьора? На Aldo Fabaizi...

— Как туда пройти?

— Вы на машине?

— Нет, я пойду пешком.

— Вот там, синьора! — махнул рукой официант. — Минут десять ходьбы.

Анисья дождалась, когда он, прихватив чашку и бокал, отошел, и отбила ответ:

«ДА».

«Объекты: имена, адреса, фотографии».

Первым она указала Адриано, напечатала его должность и место, где он может находиться в данный момент. С новой строки, под цифрой «2» вписала его сестру. Подумала немного и третьим указала капитана Фогли, перебросив его фотографию с сайта частного детективного агентства.

Закрыв ноутбук, мать Анисья вышла из кафе и направилась в сторону Aldo Fabaizi, запруженной машинами. Среди них, припаркованных у обочины, она сразу нашла ту, которая «отличается от других». У светлого серого, невзрачного, устаревшей модели «Фиата» был поднят капот, и невозможно было увидеть водителя, спрятавшегося за ним. Мать Анисья подошла к машине. Водительское окно было опущено. Она кинула на сиденье полиэтиленовый сверток с деньгами, повернулась и пошла дальше, в сторону набережной, чувствуя за спиной любопытный взгляд водителя: надо понимать, не каждый день встречаешь женщину, приговорившую к смерти трех человек, и, конечно, интересно посмотреть, какие у нее ноги, бедра, талия, не растут ли на голове рога, нет ли копыт...

ГЛАВА 36

Эту русскую не поймешь. У нее точно больные нервы. Иначе чем еще объяснить столь резкую смену настроения?

Он докурил, выкинул окурочек в окно, раскрыл газету и разложил ее на руле. Если понадобится, то он закроется ею, как шторой. Но объект, судя по всему, даже не догадывается, что за ним следят. Вот он сейчас сидит за стойкой и заполняет договор об аренде автомобиля. Он один, прилипалы отстали от него. Можно сказать, что капитан Фогли выполнил главное требование русской.

Но баба склочная, любой итальянке даст форы. Час назад кричала в трубку: «Вы — идиот, капитан! За что я плачу вам деньги?!» А вот совсем недавно позвонила и совершенно спокойным голосом сказала, чтобы Фогли продолжал следить за объектом и докладывать ей обо всех его перемещениях.

Он перевернул страницу газеты и медленно поднял взгляд. Вот объект подписал бумаги, а к дверям пункта аренды уже подкатил выдавший виды универсал «Альфа Ромео». Объект обошел машину, постучал ногой по колесу, что-то сказал технику. Тот стал возражать, показывать на небо. Объект настаивал... Кажется, он требовал, чтобы ему поставили зимнюю резину.

Не все так просто, думал Фогли, чуть приспуская край газеты и наблюдая за тем, как техники устанавливают домкраты. Русская заплатила сумасшедшие деньги только за то, чтобы он отгонял от Влада прилипал, беспокоясь, чтобы они не втерлись к нему в доверие и ловкостью и хитростью не выудили у него нечто несоизмеримо более ценное, на что претен-

довала только она. Значит, она претендует на огромную сумму, раз не жалеет денег и столь ревностно следит за работой Фогли. Только аванса выплатила двадцать тысяч.

И Фогли вдруг понял, что судьба дает ему уникальный шанс. Лишь полный кретин не догадался бы о том, что русский учитель по имени Влад твердой поступью движется к богатству, и те, кто находится с ним рядом, вполне могут рассчитывать на долю. «А почему бы и мне не сесть на хвост этому лопуху? — подумал он. — Я уберу прилипал и сам займу их место. Посмотрим, что за типчик этот учитель. Но кажется мне, что не так уж и трудно вытряхнуть из него важную информацию. Курочка, несущая золотые яйца. Уж никак не проще, чем золотые!»

ГЛАВА 37

Влад чувствовал необыкновенный прилив сил, как всегда бывало с ним, когда он оставался один на один с какой-нибудь серьезной проблемой, и никто не мешал, не спорил, не отговаривал. Быстрее на восток, в горы, туда, где на склоне мохнатых зеленых гор уютно расположился отель «Сильвер Крампон», в котором спрятана одна из тайн профессора Сидорского. Разложив на коленях карту Рима, Влад вынул с технической площадки на проезжую часть. Близился конец рабочего дня, и он опасался попасть в пробку раньше, чем успеет выехать на via Nomentana, поэтому аккуратно съехал с бордюра, и уже был готов как следует притопить педаль газа, как прямо перед капотом выросла фигура человека с широко расставленными руками. Адриано!

— Не вижу счастья на твоём лице! — громко объявил он, забираясь в салон.

— Почему ты здесь? — спросил Влад, старательно показывая, что ему пришлось не по душе выходка Адриано.

— Я вдруг вспомнил, что в Абрुцци, куда входит провинция Л'Аквила, местное население говорит на особом самнитском диалекте, которого ты не знаешь, а я владею им в совершенстве. Мари я велел ехать домой, ей, в самом деле, нечего с нами делать.

— Адриано, тебе опасно находиться рядом со мной.

— Скажите пожалуйста! — воскликнул Адриано. — Какую мистическую роль мы отводим своей персоне! Поверь мне, находиться рядом с тобой не намного опаснее, чем рядом с синьорой Фиореллой, которая очень не любит, когда ей говорят наперекор... Хочешь сказать, что ты обладаешь способностью притягивать к себе зло?

— Хватит болтать! — на правах хозяина положения и арендатора автомобиля приструнил друга Влад. — Куда сворачивать?

ГЛАВА 38

И остался позади Вечный город, с его бесчисленными дворцами и виллами, с роскошью и нищетой, с захватывающими дух проспектами и узкими сырыми улочками, с ажурными мостами и руинами, давно уже ставшими талисманами. Влад прибавил скорость, надеясь приехать в отель засветло. Адриано притих. Может быть, оторвавшись от родного города, от дома, привычной работы и заботливой сестры, он почувствовал себя одиноким и незащищенным.

— Конечно, мы зря туда едем, — сказал он, глядя на проносящиеся за окном стройные стволы соснового бора. — Ты говоришь, что профессор забросил связку ключей с брелоком в кусты, чтобы ни у кого не возникло ассоциаций с отелем «Сильвер Крампон». А может быть, он не хотел, чтобы посторонние заходили к нему домой, потому и выбросил ключи?

— Следователь уверен, что профессор сначала пытался снять брелок с кольца, — ответил Влад.

— Следователь мог ошибиться. Да мало ли по какой причине профессор пытался отцепить крест от связки?

— Может, тебя высадить? — раздраженно спросил Влад, потому как он сейчас нуждался в поддержке, а сомнений у него и без Адриано хватало.

В маленький горнолыжный поселок, который приютился на террасе, у подножья заснеженных скал, они приехали глубокой ночью. Горнолыжный сезон уже закончился, подъемники не работали, на трассах появились проталины, потому в отеле «Сильвер Крампон» было малоллюдно. Главный корпус, гигантский равнобедренный треугольник с пирамидаль-

ной крышей, казался холодным и заброшенным. Он каким-то чудом удерживался на узком скальном балконе, нависающем над пропастью. Тонированные окна были темны, лишь первый этаж, где находился ресторан, источал разноцветное свечение. Зато маленькие домики, раскиданные по заснеженному склону, светились яркими огнями.

— К своему несчастью, я опоздал на семинар, который проводил профессор Сидорский, — сказал Влад молодой женщине, дежурившей на рецепшене. — Стечение обстоятельств. Я очень तोпился, но судьба оказалась ко мне неблагоприятна...

— Опоздали? — переспросила она, опуская взгляд на монитор компьютера. — Но профессор Сидорский уехал из отеля почти месяц назад.

— Да, это так. Я опоздал на целый месяц. И мне ничего не оставалось, как приехать сюда, чтобы немного подышать тем же воздухом, каким дышал мой кумир и учитель.

Дежурная все же еще не совсем понимала, чего от нее хочет этот красивый парень, говорящий с сильным акцентом.

— Я его ученик. Лучший ученик, — пояснил Влад, и в этот момент он не лукавил и не лицемерил. — И я буду вам премного благодарен, если вы поселите меня в тот номер, в котором останавливался профессор.

Просьба была странной, но дежурная за время работы в «Сильвер Крампоне» навиделась всяких чудачков.

— Профессор жил в номере 1410, — сказала она. — Это в Большом корпусе. Там сейчас почти нет постояльцев. Приезжие предпочитают селиться в маленьких домиках. Пока еще есть свободные...

— Мне не нужен домик, я хотел бы занять номер профессора, — настаивал Влад.

— Что ж, хорошо...

— И меня определите туда же, — вмешался в разговор Адриано.

— А вы... вы тоже ученик профессора? — растерянно проговорила дежурная.

— Любимый! — уточнил Адриано.

Несколько сбитая с толку, женщина сняла очки, потом снова нацепила их, села за компьютер и несколько секунд смотрела в экран, явно ничего не понимая.

— Тормозная синьора, — заметил Адриано, когда лифт доставил друзей на четырнадцатый этаж.

Влад остановился напротив двери с номером 1410, достал ключи и открыл дверь. Войдя в комнату, пробежался взглядом по мягкой мебели, картинам на стенах, затем вышел на просторную лоджию. Адриано тихо, словно тень, встал рядом с ним.

— Ответь мне, зачем мы сюда приехали?

— Не знаю! Но больше не за что зацепиться, кроме как за крест крампоне!

Сердясь на самого себя, Влад вернулся в комнату и принялся осматривать все, что попадалось ему под руку. Внимательно проверил люстры, светильников, все тумбочки и шкафы, приподнял телевизор, чтобы убедиться, что под ним ничего не спрятано, потом опустил на корточки и заглянул под диван.

Адриано все это время восседал на кресле, глядя на друга с сочувствием.

— Ты представляешь, насколько вышколен здешний персонал? — спросил он. — Даже если профессор затолкал под плинтус какую-то бумажку, ее все равно обнаружили, выцарапали и кинули в мусорный пакет.

— У тебя есть какие-нибудь идеи? — поднялся Влад, отряхивая колени.

— Моя идея давно висит в воздухе, — ответил Адриано и показал пальцем на лоджию, откуда вместе со студеным морозным воздухом доносились ритмичные звуки музыки. — Сейчас мы спустимся в бар... — Неожиданно раздался стук в дверь, и он, вскакивая с кресла, со скрытой радостью добавил: — Кажется, нам не дадут сегодня скучать.

ГЛАВА 39

На пороге стоял улыбающийся мужчина с роскошными рыжими усами. Его раздобревшее тело обтягивал синий комбинезон на лямках, что отличало в нем технического служащего отеля. Мужчина держал в одной руке чемоданчик и радостно сверкал глазами.

— Привет лучшим людям! — громко поздоровался он. — Прошу прощения, но я случайно подслушал ваш разговор на рецепшене. Надеюсь, я

правильно понял, что вы — поклонники профессора Сикорского?

— Сидорского, — поправил его Адриано.

— Ну да, Сидорского! Я тоже его здесь видел и даже перекинулся с ним парой фраз... О, прошу прощения, я не представился. Меня зовут Джилло, я здесь работаю сантехником...

С этими словами мужчина бесцеремонно протянул Адриано руку, покрытую какими-то подозрительными пятнами. Адриано не сразу решился на рукопожатие.

— И что вы от нас хотите, Джилло?

— У меня есть для вас, как для истинных поклонников профессора Сировского, один маленький, но приятный сюрприз. Дело в том, что вот уже много лет я коллекционирую всякие безделушки, оставленные в номерах постояльцами... О-о, нет-нет, вы неправильно меня поняли! Боже упаси, чтобы я обкрадывал наших гостей. Я беру то, что они выбрасывают. Ну, скажем, зубные щетки, полупустые тюбики с пастой, носки, сигаретные пачки, зажигалки и прочий хлам...

— Джилло, пожалуйста, короче!

— Да-да, конечно! — радостно воскликнул сантехник и опустил свой чемоданчик на пол. — Вы спросите, зачем мне это надо? Я отвечаю: а вдруг кто-нибудь из наших постояльцев прославится на весь мир, станет кумиром для людей всей земли, завоеует бешеную популярность, и вот тогда придет мой час. Я выставлю эти пустяковые вещички на аукцион и заработаю миллионы!

— Я очень рад за вас, Джилло...

— Погодите, я еще не сказал вам самого главного... Я, собственно, хотел предложить вам полюбоваться личной библиотечной карточкой профессора Сиотровского.

— Что?! — Влад подскочил к сантехнику. — У вас осталась его библиотечная карточка?

— Так о чем я вам битый час толкую! После отъезда постояльцев библиотека выбрасывает кар-

точки, а я подбираю. И, как выяснилось, делаю это не зря. Всего сто евриков — и я дам вам на нее посмотреть. Сто евришек, всего сто задрипанных евренков — и вы прикоснетесь к святыне, к личной карточке самого профессора Синдаровского.

— Сидорского! — прорычал Адриано и вопросительно взглянул на Влада.

— Хорошо, — согласился тот.

— Но деньги вперед! — поставил условие сантехник.

Пришлось Владу раскошелиться.

— Немного терпения, — сказал сантехник, заталкивая купюру в карман на груди. — Я должен починить смеситель здесь на этаже, а потом сразу же принесу вам карточку, в чем можете совершенно не сомневаться. — Он пригладил усы, заговорщицки подмигнул Владу и, бормоча под нос какую-то песенку, широкими шагами пошел по коридору.

Весь этот разговор — от первого до последнего слова, слышал частный детектив Фогли, снявший номер по соседству с Владом и Адриано. Он стоял у двери, едва приоткрытой, и его присутствие невозможно было обнаружить. «Сто евро только за то, чтобы глянуть на какую-то библиотечную карточку! — мысленно восхитился детектив. — Я не ошибся. Этот русский историк играет по-крупному. Он, как ищейка, идет по следу, и с каждым шагом приближается к какому-то сокровищу. И оно уже близко, очень близко, потому он торопится и не жалеет денег...»

Фогли накинул на плечи куртку-алюску, на цыпочках вышел в коридор и юркнул к лифту. Этот Джилло наверняка живет в городке персонала, в одном из двухэтажных модулей, прилепленных к скалам у небольшой основной рощи. Там же он хранит свою дурацкую коллекцию, мерзкие использованные предметы санитарно-гигиенического предназначения. Лопух этот Джилло, настоящий лопух. Разве он не понял, что русский историк готов был выложить в десять, в двадцать раз больше только за то, чтобы взглянуть на карточку?

Капитан Фогли незамеченным вышел из корпуса в морозную темень. Застегивая на ходу молнию, прошел под заиндевевшими окнами ресторана, откуда доносились тяжелые звуки рока, свернул за угол, где находился небольшой служебный дворик с пластиковыми контейнерами для пищевых отходов, и взобрался на высокий бетонный парапет, ощущая легкую дрожь во всем теле, что предзнаменовало богатые, волнующие события, которые непременно принесут ему удачу и большие деньги. Сама судьба свела его со злобной русской бабой, приказавшей ему следить за историком. Глупое существо! Она, сама того не желая, выдала Фогли свою тайну. Жадность и грубость наказали ее, и она останется ни с чем. А Фогли

в нужный момент занял ее место, и уж теперь — будьте уверены! — ни за что не отцепится от историка.

Ободряя себя такими мыслями, Фогли по периметру обошел весь гостиничный комплекс и ни разу никому не попался на глаза. Автостоянка, которую ему пришлось пересечь, хорошо освещалась фонарями, но была безлюдна. Слишком занятый своими мыслями, детектив не заметил, как вдруг ожили и бесшумно прошли по стеклу серого «фиата» «дворники». Даже если бы Фогли и обратил на это внимание, он при всем желании не смог бы увидеть лицо человека, сидящего в машине.

А в лице этого человека не было ничего примечательного, и он совсем не походил на киллера. Худое, можно сказать, изможденное, с болезненным желтоватым отливом, покрытое мелкими зарубцевавшимися шрамами (последствия автомобильной аварии). Черная вязаная шапочка закрывала лоб до самых бровей. Узкие тонкие губы беззвучно шевельнулись при виде Фогли. Он взял фотографию, лежащую на соседнем сиденье, сличил. Надо же! На ловца и зверь бежит. Сотрудник частного детективного агентства торопился явно не в ресторан, шел быстро, аж пар изо рта валил. Киллер поежился, подышал на руки и вынул из ящика выстуженный, как кусок льда, пистолет. Старательно привинтил к нему глушитель, загнал в рукоятку обойму, сдвинул назад и отпустил затворную раму. Раздался короткий металлический щелчок.

Сунув пистолет в глубокий карман светло-серого горнолыжного костюма, он вышел из машины и пошел по следам Фогли, мысленно отметив, что у них совпадал размер обуви. Следы привели его к городку персонала. Здесь киллер остановился и, поразмыслив, свернул к сосновой рощице, которая черной тучей зацепилась за край обрыва, прислонился к терпко пахнущему смолой стволу и стал наблюдать. Он видел, как Фогли, крадучись, под-

нялся по металлической лестнице к верхнему жилому модулю, больше напоминающему обыкновенный грузовой контейнер, только с окнами и антеннами на крыше, проворно взломал дверь и скрылся внутри. Его не было минут десять. В темном окне модуля изредка вспыхивал тусклый свет, желтый луч фонарика хлестко пробежал по стенам и вновь угасал.

Наконец Фогли вышел, бесшумно прикрыл за собой дверь и, осмотревшись, стал спускаться. Киллер заметил, как частный детектив что-то бережно укладывает во внутренний карман куртки. «У каждого своя работа...» — подумал он и быстро пошел наперерез Фогли. Приблизившись, негромко окликнул его и помахал рукой, словно знакомому. Детектив остановился, всматриваясь в лицо незнакомца, и тотчас почувствовал, как что-то чудовищно сильное сбивает его с ног. Он упал, и в затухающем сознании промелькнула незавершенная мысль: «Зря...»

Киллер подошел к расprostертому на снегу Фогли, склонился над его головой и, почти не поднимая оружие, выстрелил еще раз, в то место, где заканчивалась удивленно-изогнутая черная бровь. Сунул пистолет в карман, ухватился обеими руками за капюшон «аляски» и поволок его к роще. Добравшись до края обрыва, киллер постоял немного, отдышался, посмотрел на зубчатый контур горного хребта и ногой столкнул тело вниз.

«Раз...» — подумал он.

ГЛАВА 40

— Нам ничего не остается, как поверить в то, что профессор пытался любыми способами замести следы своего пребывания в «Сильвер Крампон» и, в частности, в местной библиотеке, — говорил Адриано, прохаживаясь по номеру. — Сейчас Джилло принесет нам карточку, и мы получим обширный список мировых трудов по истории крталогии. А потом до утра будем листать пухлые тома в надежде отыскать заветный ключик в разгадке Тайны Власти.

Влад молчал. Адриано склонял его к тому, чтобы он признал свое поражение, чтобы повинился: да, мы зря приехали сюда, и странному случаю с брелком надо искать другое объяснение. Официантка из ресторана, постучав в дверь, вкатила в номер тележку. Она чувствовала себя неловко под их пристальными взглядами, а гнетущее молчание и отсутствие привычных в подобных ситуациях остреньких шуточек сковывали ее движения.

— Не волнуйтесь, милая! — успокоил ее Адриано.

Напряжение спало, официантка улыбнулась и, завершив сервировку стола, сказала, выходя из номера:

— Приятного аппетита, господа!

— К этому аппетиту еще бы и приятную новость из библиотеки, — проворчал Адриано, закидывая в рот маслину.

Не успели друзья сесть за стол, как в дверь снова постучали.

— Кажется, это наш сантехник! — воскликнул Адриано, и угадал.

— Я ничего не понимаю! — растерянно произнес Джилло, входя в комнату и разводя руками.

— А чего тут понимать? Карточку на стол! — потребовал Адриано.

— Сейчас! Секунду! — выставляя ладонь вперед, сказал Джилло. — Я расскажу все по порядку.

Влад нахмурился, почуяв неладное.

— Сначала карточку, а потом будешь усами шевелить! — продолжал Адриано.

— Да дело в том...

— Не надо нам зубы заговаривать!

— Дайте же мне...

— Никаких разговоров!!

Влад подошел к Адриано, схватил его за руки.

— Адриано! Погоди! По-моему, у него нет карточки!

— Совершенно верно! — подтвердил сантехник. — Вы не поверите, но мою комнату кто-то обокрал. Первый раз за все годы, что я здесь работаю! Вот уж чего не ожидал! Сорванный замок, дверь на петлях скрипит, темнота... Я проверил шкафы, ящики — все на месте, только той самой карточки нет. Ах, какая досада! Унесли бы что-нибудь другое, скажем, стельку от туфельки самой Луизы Ангел! Так нет, взяли карточку. Видать, стоит она уж побольше ста еврешечков...

Наступила пауза. У Адриано было такое лицо, словно обокрали его.

— Как это понимать, Джилло? Ты нас хочешь обвести вокруг пальца? — наконец не выдержал он.

— Ну, что вы такое говорите! Зачем мне вас обманывать? Можете пойти ко мне и убедиться... А у вас тут, смотрю, стол накрыт. Девочек ждете? Бесценную карточку выторговали у лопуха за сто евренков, и отмечать собрались? А я готов вернуть вам ваши жалкие деньги! Готов... Сейчас... Минуточку... — Он стал хлопать себя по многочисленным карманам, нашитым на комбинезон.

Эта процедура показалась Адриано мучительно долгой, и он быстро выдворил сантехника из номера.

— Что это значит? — спросил он, закрывая дверь за Джилло.

— Это значит, — ответил Влад, — что «наследники» здесь, на базе, и они контролируют каждый наш шаг.

— Я просто умру от любопытства, если не узнаю, какие книги читал Сидорский. Теперь я готов выложить в десять раз больше, а то ни спать, ни есть не смогу! Пошли! — скомандовал Адриано, тщательно пережевывая на ходу кусок мяса.

Им повезло. Несмотря на поздний час, двери конференц-зала были открыты. Несколько рабочих выносили сиденья, освобождали пространство для дизайнеров и оформителей, которые расставляли на освобожденном месте какие-то пестрые декорации. Наверное, здесь готовилось какое-то феерическое шоу для студентов. По случаю аврала работала и библиотека, хотя посетителей там не ждали. Книжный фонд размещался в двух небольших комнатах, заставленных стеллажами. Смуглая девушка с косичками, которые, вкупе с ее инфантильным личиком, делали ее похожей на школьницу, шлепала по клавиатуре компьютера, при этом ее длинный нос едва не касался экрана.

— Вы хотите что-нибудь почитать? — спросила она.

— Мы ученики профессора Сидорского, — с заговорщицким видом навалился грудью на стойку Адриано. — Причем, самые лучшие.

— Вы из Рима?

— Естественно, — ответил Адриано и криво ухмыльнулся. — Тем не менее, нам необходимо срочно восполнить досадные пробелы в наших титанических знаниях, наверстать упущенное, чтобы с гордостью нести высокое звание последователей мэтра.

Библиотекарша охотно закивала, соглашаясь с необходимостью восполнить пробелы, опустила на стул и уткнулась носиком в экран.

— Вы хотите взять какую-нибудь литературу?

— Какую-нибудь! — фыркнул Адриано. — Нам нужны именно те книги, которые у вас брал профессор Сидорский.

— Нет проблем. Сейчас я ему позвоню и спрошу. В каком номере он остановился?

Адриано нахмурился и почесал небритую щеку.

— Дело в том, что... профессор съехал из вашего отеля больше месяца назад. Да если б только съехал...

— Больше месяца... — повторила библиотекарьша и пожала узкими плечиками. — В таком случае, я ничем не могу вам помочь. Старые читательские формуляры мы уничтожаем. А книжные формуляры... — Она обвела взглядом стеллажи. — Вот, смотрите — несколько тысяч наименований. Как тут найти?

— У вас же компьютер! — сказал Влад. — Неужели вы не ведете учет ваших читателей?

— Только начали забивать данные! — прижала костлявые кулачки к груди библиотекарьша. — А до этого работали по старинке. Мы ведь не столица. Мы — глухая провинция...

— Я просто в отчаянии, — признался Адриано, когда они вышли в морозную ночь. — Что нам делать? Просматривать все книжные формуляры? На это уйдет несколько месяцев! А мне так хочется узнать, какие книги брал Сидорский, что даже зубы разболелись!

Влад озирался по сторонам. Непроглядная темень его пугала. «Наследники» идут по их стопам, они опережают, они обрубают все цели, к каким пытаются дотянуться Влад и Адриано. Влад всматривался в черноту рощи, которая подобно лишайнику прицепилась к краю скалы. Из мрака повеяло тревогой. Кто знает, вдруг там затаился убийца, и сейчас он держит друзей на прицеле, медленно тянет спусковой крючок, еще, еще...

— Подождите!

Влад чуть не вскрикнул от неожиданности и резко обернулся. Из дверей конференц-зала, придерживая на плечах красный пуховик, выглянула библиотекарьша. Девушка держалась за дверную

ручку, словно боялась, что непогода оторвет ее от земли и швырнет в пропасть.

— Подождите, я вспомнила...

— Стойте! Не двигайтесь!

Влад кинулся к ней, заслонил девушку собой, заставил попятиться и зайти внутрь. Дверьс грохотом захлопнулась за ними. Влад прижал библиотекарьшу к груди и замер. И она замерла, сдавленная его объятиями, не понимая, как расценить поступок лучшего ученика профессора Сидорского.

— Вау! — воскликнул Адриано, нерешительно пробираясь в фойе. — Мой друг, твоя пламенная страсть развенчивает миф о горячих итальянцах. Я не имею никаких намерений охладить твой пыл, и все-таки...

— Извините, — пробормотал Влад, разжимая объятия. — Мне показалось... мне показалось, что вы... что вы можете простудиться...

— Ничего страшного, — залепетала библиотекарьша, заливаясь краской стыда. — Просто я вспомнила, как профессор сделал мне замечание по поводу плохого состояния ценных исторических книг. Он работал в читальном зале, а когда закончил, принес мне книгу и показал надорванный корешок...

— Что это за книга? — мгновенно оживился Адриано, с удвоенной энергией овладевая инициативой и незаметно оттесняя Влада от девушки.

— Я не помню! Толстая, кажется, в темном переплете. Я тотчас отправила ее вместе с другими испорченными книгами в мастерскую.

— Где мастерская? — одновременно выкрикнули Влад и Адриано.

Взволнованная столь бурным вниманием к своей персоне, библиотекарьша снова покраснела, чуть попятилась и замахала руками.

— Мастерская далеко! Старинные книги на реставрацию мы отправляем в переплетный цех в Пескару...

— О-о-о! — взвыл Адриано. — Вы лишили человечество двух носителей божественных знаний...

— Подождите! Я не все сказала! Книги уже привезли обратно. Там всего штук двадцать, я еще не разложила их по полкам.

— Двадцать — это не двадцать тысяч, — хмыкнул Адриано и зашагал через зал, бесцеремонно входя в помещение библиотеки. — Где они? — Энергия хлестала у него через край.

Девушка прошла между стеллажей к подоконнику и опустила ладонь на стопку книг. Влад и Адриано, не сговариваясь, схватили по одной. Одному попала «Упадок веры» Клайва Льюиса, а другому — «Счастье под запретом» Джо Беверли.

— Но здесь нет формуляра! — воскликнул Адриано, открыв едко пахнущую клеем обложку.

— Конечно, нет, — согласилась библиотекарьша. — Перед отправкой в ремонт мы отрываем все формуляры.

— Час от часу не легче! — проворчал Адриано и с хлопком водрузил «Упадок веры» на стопку книг. — Эта задача неразрешима! Один шанс из двух десятков!

— Еще не все потеряно, — сказал Влад, чуть выгнул книгу и пропустил страницы под большим пальцем.

— Что ты там ищешь, упорный? — горько усмехнулся Адриано. — Отпечатки пальцев профессора? Или его визитку?

— Сидорский никогда не читал без карандаша, — пояснил Влад. — Есть надежда найти на полях его пометки.

Адриано вздохнул и зашелестел страницами.

— Хотите, я вам помогу? — предложила девушка. — А какие должны быть пометки? — спросила она, беря пухлый том Вавилонского Талмуда.

— Хоть какие, — процедил Адриано.

— А две линии на полях считаются пометкой?

— Что?! — Влад выхватил Талмуд из рук библиотекарши. На правом поле страницы стояли две едва заметные вертикальные линии. Это был знак Сидорского, которым он помечал наиболее важные на его взгляд места. — «...вывез магию из Египта в царапинах на теле», — вслух прочитал он. — Шаббат. Сто четыре «б» барайта.

— Кто? — нетерпеливо воскликнул Адриано, выхватывая книгу из рук Влада и бегая взглядом по странице. — Кто вывез магию в царапинах?

— Иисус Христос.

ГЛАВА 41

— Это ни талисманы, ни перстни, ни цепочки, ни жезлы, — говорил Влад. — Это «царапины». Что такое «царапины»? Шрамы? Или ожоги, сделанные при помощи печатей?

— Ожоги? — повторил Адриано, прислушиваясь к тому, как звучит это слово, и выискивая в нем затаенный смысл. — Ты хочешь сказать, что Иисус Христос нанес себе на тело некое магическое клеймо?

Они невольно ускорили шаг, и уже почти бежали в гостиницу, словно там, в номере, где когда-то жил профессор Сидорский, их ждал окончательный ответ на все мучившие их вопросы.

— Да, думаю, что клеймо в виде сложного знака, одним из элементов которого является «зеркальце Венеры».

— И где это клеймо могло стоять? На лбу? На плече? — задумчиво спросил Адриано.

Влад вдруг остановился, встал перед Адриано и трижды медленно перекрестил его.

— Что ты делаешь? — вскинул брови Адриано.

— Обрати внимание на мою руку, — сказал Влад. — На иконах правая рука Христа изображается так: большой, указательный и средний пальцы сложены вместе, а безымянный и мизинец прижаты к ладони. Почему?

— Три первых пальца обозначают Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, — пояснил Адриано. — А пальцы, прижатые к ладони, — это Божеская и человеческая природы Сына Божьего.

— Все правильно, — ответил Влад и зашагал дальше. — Но есть у этой комбинации пальцев еще одно значение. Практическое.

— Выражайся яснее, не то я сейчас тебя тресну от любопытства!

— Древние иконописцы, зная об особенностях правой ладони Христа, рисовали ее именно так. Они делали это для того, чтобы на ладони не было видно клейма.

— Ты отдаешь отчет своим словам?! — возмущенно произнес Адриано.

— Что-то меня тут гложет, — сказал Влад, потирая ладонью грудь. — Какой-то осадок недоумения... Неужели только ради этого профессор за минуту до смерти закинул брелок в кусты?

— Лично меня гложет чувство голода, — признался Адриано.

Они поднялись в свой номер, и Влад нервно заходил по комнате, потирая лоб. Вдруг он вскинул руку, призывая Адриано к тишине. Откуда-то снаружи доносился негромкое тарахтенье мотора. Влад вышел во вторую комнату, приблизился к небольшому окну, закрытому жалюзи с деревянными рейками, и, взявшись за шнур, поднял их. На поляне, освещенной прожекторами, копошились рабочие. На первый взгляд могло показаться, что они просто чистят снег, но снегоуборочный комбайн был связан тросом с металлическим колом, вбитым в середину поляны, и двигался по окружности, вырезая в снегу контур кольца. По-видимому, персонал очищал замысловатую клумбу, контуры которой угадывались из-под снега.

Гнутая линия, похожая на букву S, делила круг пополам, и одна его половина была снежно-белой, а вторая — черной.

— Круг «Инь-Янь», — сказал Адриано, неожиданно оказавшийся рядом с Владом. — Этот символ для даосов имеет такое же значение, как Святой Грааль для христиан и Звезда Давида для иудеев. Правда, сейчас его лепят, куда попало, и кто попало.

— Две половины образуют единое целое, — задумчиво произнес Влад. — Причем, в белой половине — черный кружок, а в черной, соответственно, белый. Первое воплощено во втором. Теперь все ясно! — вдруг воскликнул он. — Именно этот вид из окна профессор хотел утаить от тех, кто мог пойти по его следам. Круг «Инь-Янь» — вот классический пример божественного символа. У него две половины, две противоположности. Как выглядела первая половина на ладони человека, назвавшегося Сыном Божьим, мы теперь знаем.

— Разве? — недоуменно пробормотал Адриано и тотчас хлопнул себя по лбу. — Ну, конечно же! «Зеркальце Венеры»!

— Совершенно верно! — Влад снова повернулся к окну, подышал на стекло и начертил на нем изогнутую, как капля, половинку круга. В ней жирной точкой обозначил маленький круг, а затем пририсовал к нему длинную ножку с поперечиной.

— Теперь мы знаем, почему в финикийском письме, высеченном на бразильском камне, ножка у «зеркальца Венеры» была выгнута, как дуга, — сказал Адриано. — Ты не поверишь, но я так разволновался, что у меня совсем пропал аппетит!

— А у меня... — произнес Влад, но не договорил, метнулся к дивану, сел на него, качнулся, словно проверяя, достаточно ли он мягкий, потом снова вскочил, пребывая в необыкновенном возбуждении. — А у меня появилось непреодолимое желание узнать, как выглядит вторая половина... Вот только найду эту стекляшку... — Он кинулся к

шкафу, выволок оттуда свою сумку и стал торопливо рыться в карманах. Адриано часто моргал глазами и, по всей видимости, ничего не понимал. Наконец Влад нашел обломок ампулы и поднес ее к глазам: — Строфантин. Замечательно! Сейчас мы повторим эксперимент...

— Ты с ума сошел! — воскликнул Адриано, пытаясь отобрать у него ампулу. — Ты хоть что-нибудь соображаешь?

— Сейчас — как никогда ясно. Адриано, дорогой, этот препарат вызывает во мне какие-то странные видения... В общем, я сам не понимаю, как это может быть, но там, в парке, когда в нас стреляли... Понимаешь, я был без сознания, но, в то же время, совершенно ясно осознавал себя и видел вокруг древних иудеев и римских солдат...

— Ты что мелешь? Выпей вина и ложись спать!

— Какое спать!! — Влад решительно оттолкнул от себя Адриано, подошел к телефону и снял трубку. — Срочно врача в номер «четырнадцать — десять»! Срочно!

— Влад, угомонись! — не на шутку испугался Адриано.

— Ничего не бойся, — бормотал Влад, рассовывая по карманам лекарства. — Я не умру. Не должен... Ради такого стоит рискнуть...

— Ради чего такого?! У тебя сильнейшая аллергия на строфантин!

— Это не аллергия, Адриано! Это... это... как бы тебе объяснить... Только не принимай меня за сумасшедшего, но я видел одного человека... Его зовут Жезу...

— Ты, точно, псих!

— Я видел его так близко, как сейчас вижу тебя! Мало того, я с ним разговаривал!

— На русском? Или на итальянском?

— На арамейском.

— Влад, дружище, — пробормотал Адриано. — Я не могу допустить это добровольное самоубийство, пусть даже...

Он не договорил, так как в дверь громко постучали. Влад ринулся открывать. Врач — молодой мужчина в очках, коротко постриженный, с заметной проплешиной на темечке, быстро вошел в комнату, мельком посмотрел на Адриано, заглянул во вторую комнату и спросил:

— Так кто из вас больной?

— Мы оба, — мрачным голосом отозвался Адриано.

— У вас есть строфантин? — спросил Влад, демонстративно доставая бумажник. — Я хочу его купить у вас.

— Нет, это совершенно... — попытался возразить врач.

— Мне нужен строфантин! — громко повторил Влад. — Немедленно! Сейчас! Я без него умру!

— Позвольте, но для начала я должен...

— Ничего больше не надо! — перебил его Влад.
— Разве я стал бы вызывать вас по пустякам? Поверьте, это вопрос жизни и смерти!

— Но я не имею права продавать лекарства без показаний!

— Я же не требую от вас наркотика, сильнодействующего или ядовитого препарата. Я прошу у вас всего лишь безобидное сердечное средство. Таково свойство моего организма. Я поддерживаю в себе жизнь только строфантином!

— Но вы же... — замялся врач, — вы вовсе не производите впечатления больного, страдающего сердечной недостаточностью.

— Не спорьте с ним, — посоветовал Адриано. — Мы никому не скажем, что получили от вас лекарство. А вы скажете, что вызов был ложный. Возьмите сто евро, но, если считаете, что этого мало, я дам вам еще сто. Или хотите тысячу?

— Я ничего не хочу, — обиженно произнес врач, но все же раскрыл свой чемоданчик, покопался в нем и выложил на стол, рядом с бутылкой гранатового Varolo, коробку с ампулами и упаковку шприцев. — Только если это вам во благо... — С этими словами он вышел, оставив дверь приоткрытой.

Влад сел на диван, вскрыл ампулу, наполнил жидкостью шприц.

— Отвратительная процедура, — произнес он, стиснув зубы.

— Я не могу на это смотреть, — признался Адриано и отвернулся к окну, за которым в свете прожекторов мерцал изморозью круг «Инь-Янь».

ГЛАВА 42

И снова закружилась перед глазами выжженная земля, пропыленная зелень олив, серые кубы домов и ленты городских стен — все ближе, ближе,

пока не накрыло темным, пропахшим кислым тестом и золой жилищем, и лопатки уперлись в жесткую рифленую циновку.

Влад вскочил на ноги. Ему показалось, что движения его замедленные, будто все происходило в толще воды. Через маленький, суженный книзу оконный проем, крест-накрест перетянутый паутиной, пробивался солнечный свет. Жезу, с оголенным торсом, умывался, наполняя ладони водой из подвешенного кувшина, а мать стояла позади с серым платом в руках.

Влад не понял, как очутился во дворе.

— Вы с ума сошли, — сказал Жезу, вытирая лицо. — Римлян было в десять раз больше, чем вас. Кто этот умник, который приказал атаковать колонну? Я по-дружески не советую связываться с зелотами. — Он надел рубаху, подошел к Владу и опустил руку ему на плечо. В его взгляде угадывалось скрытое лукавство и веселье. — У моей матери совершенно прошла лихорадка и пропала опухоль на щеке, — сказал он. — Я приводил к ней лучших врачей, но они ничем не помогли. Скажи, как ты это сделал?

— Я дал ей лекарство.

— Мать говорит, ты дал ей горькое снадобье, похожее на затвердевшую соль. Но разве горькой солью можно вылечить лихорадку? Ты заставил ее поверить в себя, и эта вера вылечила ее.

Влад вздохнул. Он хотел сказать, что благодарить надо, прежде всего, антибиотик, но не знал, как это объяснить Жезу.

— У тебя получилось, — сказал Жезу, обнимая Влада и заводя его в дом. — Я рад, что мы снова вместе. Цели у нас одни. Ты хоть и зелот, но я тоже ненавижу римлян. Ты умеешь внушить веру в себя. У тебя красивое лицо и ясный взгляд. Если мы объединимся, за нами пойдет весь народ!

Они сели на циновку, скрестив ноги. Мать подала кувшин с вином, лепешки и миски с чечевицей. Жезу поднес миску ко рту, помогая плоской палочкой и, при этом, не сводя глаз с Влада.

— Почему ты не ешь?

— Я... я хочу пить, — произнес Влад. У него пересохло во рту, внутри все колотилось, словно его бил сильнейший озноб.

Жезу поднял чашу с вином, сделал глоток и протянул ее Владу. Влад отпил, и тут же огонь растекся по его телу.

— Ты бледен и взволнован, — заметил Жезу. — Боишься идти за мной?

— Нет...

— Не надо бояться. У меня другое оружие. Оно сильнее меча и копья. Оно сильнее огня и боевых колесниц. С ним считаются все, даже импера-

тор. Это оружие называется верой. Если ты мне сможешь, я тебя хорошо отблагодарю, — продолжал Жезу, маленькими кусочками отправляя хлеб в рот. — Еще немного усилий, и я стану полноправным членом синедриона. Каиафа будет вынужден прислушаться к моим словам. И тогда все будет по-другому...

Влад пытался рассмотреть правую ладонь Жезу, но тот держал в ней чашу.

— Поверь мне, я смогу повернуть вспять золотой поток. Я не позволю менялам набивать свои карманы. Деньги пойдут в иудейские города и селения! Все эти безжизненные холмы я засажу виноградниками! Там, где проживает много крепких мужчин, я построю мастерские и кузницы. Ты был в Иерусалиме? Город задыхается от нечистот, люди болеют, зараза косит целые дома! Я найду средства и вычищу его от смрада! Иерусалим будет благоухать оливковыми садами и розами! Я помогу нищим и больным, буду выдавать им еду и одежду! И народ прославит Бога, который ниспослал им меня!

— Жезу... но чем я смогу тебе помочь?

— Ты сам поймешь. Главное, чтобы люди поверили в меня. Ты умеешь лечить намного лучше, чем все известные мне лекари. Этого уже достаточно, чтобы народ пошел за мной... — Он улыбнулся и поправил: — За нами! Ну, как? Ты со мной?

— С тобой, Жезу, — коротко ответил Влад.

ГЛАВА 43

— Они пришли! — заглянула в комнату мать.

— Пусть ждут во дворе, — не поворачивая головы, ответил Жезу. — Позови только Давида.

В комнату вошел крепкий упитанный мужчина с крупной головой, покрытой густыми черными кудрями, в которых запутались серебряные нити се-

дины. Он скинул на пороге плащ, отстегнул ремень со спатой и крепко обнял Жезу.

— Садись, Давид! — Жезу предложил гостю сесть и протянул ему чашу с вином. — Рассказывай, какие новости в Кесарии?

Давид сделал глоток из чаши, выбрал горсть сыра и начал есть его по крупинкам. При этом он громко сопел и недружелюбно поглядывал на Владу.

— Это наш человек, — успокоил его Жезу. — Он лекарь. Удивительный лекарь!

— Такой удивительный, что сможет оживить умершего? — язвительно спросил Давид.

Жезу усмехнулся и покачал головой.

— Увы, умершего оживить не сможет никто... Так чем ты меня порадуешь?

— Солдаты по приказу Пилата установили в Иерусалиме знамена с изображением Тиберия, — сказал Давид, небрежно стряхивая с усов и бороды крошки сыра. — Мы собрали народ, не меньше двух тысяч, и повели в Кесарию. Пустили слух, что Жезу здесь, с нами, и он приказывает стоять до конца.

— Никто не ушел?

— Никто, Жезу. Люди повалились на землю перед резиденцией и лежали так пять дней и ночей. Их окружили солдаты, обнажили мечи, но твое имя придало правоверным мужества. Пилат распорядился убрать знамена из святого города.

— Народ был уверен, что я с ними?

— Абсолютно.

— Что еще?

— Вернулись наши менялы из Рима. Там золото стоит в три раза дороже, чем у нас. Их корабли едва не утонули под тяжестью серебра.

— Пусть меняют серебро на золото и снова плывут в Рим... Кстати, как он, по-прежнему прекрасен и величественен?

— Римляне тонут в роскоши, Жезу. Там уже не хватает золота. Знать погрязла в долгах. На артистов уходят горы сестерциев. Золотые потоки тратятся на африканских зверей и гладиаторов. В сенате зреет недовольство... — Давид замолчал, пригубил чашу, и его желтоватые глаза снова уставились на Владу.

— Говори! — позволил Жезу.

— Мне стало известно о заговоре против Тиберия. Во главе заговора некто Луций Элий Сеян, префект преторианской гвардии.

— Значит, надо ждать смены власти?

— Самое интересное, Жезу, что в число заговорщиков вошел Понтий Пилат.

Пытаясь скрыть волнение, Жезу встал, прошелся по комнате, разминая пальцы и терзая голову. Давид, наблюдая за ним, сделал свой вывод:

— Наверное, ты подумал о том, что Пилат, занятый в заговоре, ослабит свое влияние на Иудею, и мы будем сильны, как никогда?

— Да, так я и подумал, — рассеянно ответил Жезу, хотя, как показалось Владу, он даже не понял, о чем ему сказал Давид. — Скажи, а Леви здесь?

— Да. Он все четыре дня жил в моей кошаре.

— Его никто не видел?

— Он носа на улицу не показывал.

Жезу приказал, чтобы Леви зашел к нему. Вскоре в комнате появился немолодой мужчина довольно неопрятного вида. Он покашливал в кулак и что-то беспрестанно жевал. Его нечесаные волосы клоками выбивались из-под капюшона, глаза испуганно бегали из стороны в сторону.

— Ты хорошо помнишь, что должен делать, Леви? — спросил Жезу.

— Не беспокойся, Жезу. Даже моя сестра уверена, что я умер.

— Мы закинули в пещеру труп осла, — вставил Давид, несколько отстраняясь от Леви — кажется, этот человек был ему неприятен. — Сейчас там такой смрад, что близко не подойти.

— Пещеру кто-нибудь охраняет?

— Два наших человека.

— Ты их вооружил?

— Как всегда, — ответил Давид, отворачиваясь к окну. — Кольями и дубинками... — Чувствуя, что Жезу не удовлетворен этим ответом, он с некоторым раздражением добавил: — Ты же прекрасно знаешь, что носить оружие могут только граждане Рима! И если патруль увидит у иудея даже какой-нибудь паршивый кинжал, то висеть несчастному на кресте в тот же день!

— Ладно, — кивнул Жезу. — Будем надеяться, что за эти дни в пещеру никто не заглянул. — Он перевел взгляд на Леви. — Слушай меня внимательно! Сейчас ты пойдешь в пещеру. По кругу, через пустыню, чтобы ни одна живая душа тебя не увидела! Охранники отвалят камень. Ты зайдешь внутрь, разденешься и отдашь одежду. Внутри найдешь погребальную пелену и обмотаешь ею все тело. И про голову не забудь! Потом ложись на камень и лежи до тех пор, пока не услышишь мой голос: «Леви, выйди к нам!». Тогда встанешь и выйдешь.

— Понятно, Жезу, — покашливая, ответил Леви и осклабился. — Что ж тут непонятного... Вот только... кхе-кхе... ты обещал мне сто динариев...

— Вот же голова ослиная! — усмехнулся Жезу. — Если я тебе сейчас дам сто динариев, куда ты их денешь? Выйдешь из гроба с деньгами?

Давид презрительно рассмеялся и покачал головой.

— Но самое главное, Леви! — уже другим голосом произнес Жезу. — С этой тайной ты должен умереть. Ни один человек не должен об этом знать. Ни один, Леви! Ты должен молчать, как немой! Ни деньги, ни лесть, ни просьбы, ни слезы не должны заставить тебя рассказать правду. Иначе даже моей власти не хватит на то, чтобы сохранить жизнь тебе, твоей сестре и твоим детям.

— Я понял, Жезу! — хриплым голосом произнес Леви. — Никто и никогда этого не узнает.

— А теперь иди, и сделай все, что я тебе сказал!

Леви вышел. Давид вернулся к столу и снова приступил к еде, а Жезу, обняв Влада, повел его во двор. Влад не чувствовал своего тела, ноги едва слушались его. «Как все просто, — думал он, едва сдерживаясь, чтобы не разразиться идиотским смехом. — Все до безумия просто... Но что я хотел? Чего ждал? Чтобы Жезу оживил разлагающийся труп? Хотел посмотреть своими глазами на этот фокус? Но для чего? Чтобы подметить скрытый механизм фальсификации и успокоиться? Все равно я пришел бы к тому, к чему уже пришел. Все равно! Ибо это невозможно, невозможно, невозможно!!!» Эти мысли вихрем пронеслись в его голове. Затуманенным взглядом Влад оглядел толпу мужчин, сидящих во дворе на корточках.. При появлении Жезу они поднялись.

— Это мой друг. Он лекарь, — сказал Жезу, представляя Влада, и легонько подтолкнул его.

Мужчины поочередно вставали, пожимали его руку, прикасались к его щеке своими щеками. А потом все вместе пошли на городскую площадь.

Со всех дворов стекался народ и примыкал к процессии. Вдруг Жезу медленно обернулся и негромко спросил:

— Где Леви?

— Он умер, учитель! — ответил какой-то старик.

— Умер? — едва слышно переспросил Жезу, но лицо его не накрыла тень печали. Оглядев толпу, он лучезарно улыбнулся: — Тот, кто верит в меня, даже если умрет, все равно воспрянет от смерти и будет живее любого из вас! — А потом потребовал: — Ведите меня к гробу!

Все дружно поспешили за ним, только Влад остановился, провожая взглядом огромную толпу, устремившуюся по склону. В городке остались только глубокие старики, которым не по силам было подняться на гору и увидеть чудо, да совсем маленькие дети. Один из них, лет трех, привлек внимание Влада своей медлительностью. Голопузый мальчик передвигался как старик, опираясь одной ручкой на стену и неестественно высоко подняв голову. Влад обратил внимание, что глаза ребенка были наполовину прикрыты, огненно-красные, отечные веки воспалены, а ресницы склеены засохшими серыми корками.

Опустившись на корточки, он тронул пальцами нежный подбородок малыша, рассмотрел ссохшиеся глаза и подумал, что, должно быть, у мальчика конъюнктивит, чем сам как-то болел в детстве после ангины. Влад оглянулся в поисках матери ребенка и встретился с испуганным взглядом молодой женщины, выглядывавшей из-за угла забора.

— Принеси-ка воды и полотенце, — попросил он ее.

Женщина скрылась за забором, но вскоре вернулась, правда, подойти к Владу побоялась и поставила чашу с водой на землю, шагах в десяти от него. Влад выложил все свое аптечное богатство, нашел марганцовку и стрептоцид, промыл глаза

ребенку, с каким-то особым удовлетворением наблюдая, как освобождаются от плена веки и разлепляются ресницы. Наконец ребенок открыл глаза и захлопал ресницами от удивления...

Женщина, ни слова не говоря, рухнула на колени, уткнулась лбом в пыль и замерла. Влад собрал лекарства и увидел, что улочка заполнена женщинами с детьми. Они гладили, щупали, рассматривали прозревшего мальчика, напуганного таким вниманием к себе, и взирали на Влада так пронзительно, с такой выстраданной мольбой, что ему стало неловко, и он, остановившись в круге, спросил:

— Может, еще кому-нибудь помочь?

Женщины двинулись к нему, медленно, с опаской, прикрывая лица и ведя за собой своих детей.

— Вообще-то, я не врач, — поспешил объяснить он, но вряд ли кто из женщин правильно воспринял его слова.

Осматривая малышей, Влад надеялся только на свою интуицию. Гнойные ранки промывал марганцовкой, а внутрь давал по четверти азитромицина (спасибо Мари, которая накупила все, чем можно лечить ангину и воспаление легких!). Больное горло обрабатывал или стрептоцидом, или же пускал струю из аэрозольного баллончика с ингалиптом. При болях в животе давал, на всякий случай, антибиотик.

Увлечшись, Влад даже не заметил, как с горы в селение повалил народ. Первыми прибежали мальчишки. Глаза у них горели, дыхание с шумом рвалось из груди, многие были бледны и испуганы.

— Леви ожил! — кричали они, размахивая руками.

— Он оживил Леви!

— Леви вышел из гроба!!

Началось что-то ужасное. Женщины, заливаясь слезами, стали падать на колени перед Владом, будто это он оживил их соплеменника. Толпа стекала с горы в селение, неся с собой серое облако пыли. В середине этой толпы шел Жезу, а рядом с ним, замотанный в бинты, Леви. Толпа кричала, возносила руки вверх, многие люди обессилено падали за землю. Всеобщий вопль усиливался с каждым мгновением.

Владу стало не по себе. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему неприятно смотреть на Жезу. Спектакль явно затянулся. «Ладно, — успокоил он себя. — Все-таки мы сделали хорошее дело. Бог с ним, с Леви. Но детей мы ведь действительно вылечили! Спасибо Мари! Знала бы она, куда пойдут ее лекарства!»

Воспоминание о Мари, оставшейся где-то далеко-далеко, совсем в ином мире, в ином измерении, неожиданно отозвалось в душе Влада теплой и нежной ностальгией...

Человек в сером горнолыжном комбинезоне, с желтым нездоровым лицом, покрытым мелкими зарубцевавшимися шрамами, подошел к двери номера 1410, постоял немного и мягко надавил на дверную ручку. Он тотчас почувствовал, что дверь отозвалась на его движение. Киллер отошел на шаг, опустил руку в карман и нащупал рукоятку пистолета, нагретую его телом. Он никогда не выстраивал в уме последовательность своих действий, не думал о том, как поступит, когда увидит свою жертву. Он работал интуитивно, мгновенно реагируя на сложившуюся ситуацию и видя перед собой только конечную цель.

Дверь отворилась бесшумно. Для него стало неожиданностью, что в квартире горит свет, так как в столь позднее время люди обычно спят. Но он не задержался на пороге и решительно прошел в комнату, на ходу вынимая пистолет.

Но то, что он там увидел, все же несколько озадачило его. Киллер замер у стола, глядя на двух спящих людей. Один из них лежал на диване, а второй сидел в кресле. Оба были одеты и здорово смахивали на трупы. Рядом с диваном, на полу, валялся опорожненный шприц и осколок ампулы. Такие же предметы лежали на журнальном столике рядом с креслом. «Наркоманы!» Киллер сунул пистолет в карман. Напряжение схлынуло. Он негромко кашлянул — никакой реакции. Подошел к Владу, склонился над ним, прислушался к неровному беспокойному дыханию. Зрачки спящего нервно двигались под закрытыми веками, кулаки крепко сжаты. Ему что-то снилось. Адриано спал спокойнее. Его голова была запрокинута, рот чуть приоткрыт.

Киллер растерялся. Он смотрел то на одного, то на другого. Заказчик прислал всего одну фотографию — частного детектива Фогли. На второго че-

ловека, которого следовало лишить жизни, пришел лишь словесный портрет: «Полный, среднего роста, глаза темные...» Он стоял посередине комнаты и крутил головой. Ну, оба в достаточной мере упитанные. И рост у обоих средний. А глаза... Как узнаешь цвет глаз, если они спят?

Киллер вернулся к дивану и осторожно оттянул веко Владу. Нет, так ничего не получится. Это у трупа зрачок поставлен прямо, а у спящего человека закатан, и под веком дрожит только белок, покрытый сеткой тонких капилляров. «Скорее всего, вот этот!» — решил он, глядя на Влада. Редкая удача выпала ему. Сейчас можно было не только обойтись без крови, но вообще симитировать несчастный случай. Наркоман принял излишнюю дозу, вышел на балкон и нечаянно упал вниз. А там, под балконами, — пропасть.

Киллер открыл настежь балконную дверь, сдвинул взметнувшуюся на морозном ветру тюль и схватил под мышки Влада. Переносить бесчувственные тела ему приходилось не раз, но чаще он просто тащил их волоком, схватив либо за волосы, либо, как за скобу, за верхнюю челюсть. Перекинув Влада через плечо, он понял, что этот длинноволосый парень вовсе не «среднего роста», но останавливаться и что-либо менять не стал. И так торчит в этом номере слишком долго.

Он вышел на балкон, слегка присел, чтобы сровнять тело жертвы с перилами, схватил Влада за поясной ремень, оторвал от пола, подставил в качестве дополнительного рычага колено, но... когда ему осталось всего одно усилие, чтобы перекинуть тело через перила, сильный удар обрушился ему на голову.

Мари сжимала в руке горлышко от бутылки Barolo и с ужасом смотрела на то, что сделала. Никогда прежде она не била человека бутылкой по голове. Но все произошло неосознанно, по воле не разума, а инстинкта. Она приехала в отель «Сильвер Крампон» с сенсационной новостью, ворвалась в номер к ребятам и увидела жуткую, не поддающуюся объяснению картину. Ее брат крепко спал, сидя в кресле, а какой-то незнакомый мужчина в сером комбинезоне пытался сбросить с балкона безвольное тело Влада. Мари кинулась на балкон, попутно схватив стоящую на столе бутылку Barolo...

И вот теперь, с трудом справляясь с нахлынувшей дурнотой, Мари стояла на балконе, глядя на желтоватое лицо незнакомца, усыпанное битым стеклом и отвратительными красными брызгами. Неужели она разбила ему череп?! Нет-нет, это вино, всего лишь вино... Преодолевая страх и брезгливость, Мари опустила на корточки и прижала пальцы к сонной

артерии. Жив! Но что здесь происходит?! Что с Владом, с братом? Перепились, как поросята?! Эх, горе-историки!

Она попыталась затащить Влада в комнату, но не хватило сил. Кинулась в ванную, намочила под краном полотенце и принялась приводить в чувство Адриано. Мари терла ему виски, лоб, щеки, дергала за уши и щипалась. Ее старания не прошли даром. Адриано, наконец, икнул, пошевелился, открыл глаза и едва слышно прошептал:

— Мари... Он сам... он нарочно сделал это...

Мари посмотрела на балкон. Кто и что сделал нарочно?

— Адриано! — воскликнула она, шлепая брата по щекам. — Ты напился, как свинья!

Адриано был не в состоянии объяснить сестре все, лишь отрицательно покрутил головой и не без труда поднялся.

— Где Влад?

— На балконе отдыхает!

Адриано качало, его глаза плыли. Вдруг он увидел незнакомого мужчину в сером комбинезоне.

— А это кто?

— Это у вас надо спросить! Как же без третьего! Русские скорее трезвенниками станут, чем за стол без третьего сядут!

Адриано строго посмотрел на сестру и погрозил ей пальцем. Он понимал, что Мари вовсе не сердится на них, просто ей, что иногда случается со всякой женщиной, захотелось немножко приструнить и поругать дорогих ее сердцу мужчин. Он перенес Влада на диван и, пока Мари приводила его в чувство, осмотрел незнакомца, а после проверил его карманы. Пистолет с глушителем он держал на своей ладони всего мгновение, затем затолкал его под рубашку, вышел в ванную и закинул оружие в технический лючок.

— Это ты огрела его бутылкой? — спросил он сестру.

— А как, по-твоему, я должна была поступить?

Он собирался скинуть Влада с балкона!

— Это была шутка, — сказал Адриано, тщательно запирая балконную дверь и через стекло глядя на распростертое тело. — У нашего нового знакомого такие глупые шутки... Надеюсь, там он быстро придет в чувство... А ты почему здесь? Кто разрешил тебе приехать сюда?

И тут Влад, очнувшись, с трудом разомкнул веки. Один его глаз смотрел на Мари, другой — на Адриано.

— Мари? Откуда?! — Он рывком поднялся и испуганно огляделся вокруг.

— Спокойно! Мы в гостинице «Сильвер Крампон». За окнами двадцать первый век. А это моя сестра Мари...

Девушка переводила взгляд с одного парня на другого.

— Вы сколько выпили? — строго спросила она.

— Много, ягодка, — ответил Адриано. — А теперь докладывай, какой импульс принудил тебя послушаться старшего брата и примчаться сюда?

Влад опустил ноги на пол и прижал мокрое полотенце ко лбу. Он очень тяжело приходил в себя и безуспешно пытался привести мысли в порядок. Мари же возбужденно ходила по комнате, хмуря брови и качая головой.

— Я думала, что вы здесь уподобляетесь сыщикам и отслеживаете каждый шаг и каждое слово профессора Сидорского! А на самом деле вы... — Она не договорила и многозначительно кивнула на стол, заставленный блюдами с засыхающими салатами. — Пьяницы!!

— Что было, то было, — тяжелым голосом признался Влад. — Я выпил никак не меньше целого бурдюка старого еврейского вина. Что-то у меня голова совсем не варит...

— Можешь представить, как она сейчас не варит у вашего приятеля! — язвительно сказала Мари, но Влад не понял, о чем она, а Адриано украдкой показал сестре кулак.

Угомонившись, Мари вынула из дорожной сумки сложенную в несколько раз бульварную венецианскую газетку «Fontana» и разложила ее на краю стола.

— Вечерний выпуск, — не скрывая волнения, произнесла она и шлепнула по странице ладонью. — Криминальная хроника. Читаю вслух! «Как сообщил нам надежный источник из полицейского управления, в минувшую среду на городском кладбище совершен акт вандализма. Злоумышленники (следователь полагает, что он был не один) вскрыли склеп с захоронением кондотьера Коллеоне и отрубили у мумии правую кисть, которая, несколько часов спустя, была обнаружена у кладбищенской ограды. Полицейский, ведущий расследование, полагает, что это действовали представители местной секты сатанистов».

Влад схватил газету со стола и пробежал глазами по строчкам заметки.

— Коллеоне! — воскликнул он. — Обладатель одной из двух печатей!

— Поясни нам природу своего восторга, о бездонный колодец знаний! — попросил Адриано, снимая с тарелки скукоженный кружочек колбасы и отправляя его в рот.

— Мы должны были догадаться об этом раньше! — горячился Влад, потрясая над головой газетой. — Мы уже выяснили, что одна из печатей принадлежала Коллеоне. Мы ломали голову над тем, кто мог ее унаследовать или похитить, и даже не догадывались, что до недавнего времени эта печать преспокойно лежала в его гробу! Она пролежала там несколько веков, пока ее не похитили «наследники Христа».

— А почему ты решил, что печать лежала в гробу? — спросила Мари.

— А вы думаете, что «наследники» взломали склеп только для того, чтобы отрубить у мумии руку? Им нужна была печать! Печать в форме половинки круга «Инь-Янь», внутри которого содержался Символ Власти!

Влад на мгновение замолчал, затем кинулся в прихожую, сбросил с полки свою дорожную сумку и достал из нее рукопись матери Анисьи.

— «Будучи по-военному педантичным и расчетливым, — стал зачитывать Влад, — Коллеоне в своих завещаниях до мельчайших подробностей описал и распределил принадлежащие ему ценности, а также малополезное имущество и даже старые носильные вещи. Странно то, что ни в одном из своих завещаний он не упомянул внешне пустяковый лом античной архитектуры, что противоречило скрупулезной аккуратности военачальника. Создается впечатление, что каменной коллекцией должен был распорядиться человек, с которым у Бартоломео существовала некая тайная устная договоренность. Но такой

человек не объявился, и все не востребованное было положено в место захоронения Коллеоне...»

— «Все не востребованное...» Имеются в виду какие-то предметы античного лома, — заметил Адриано.

— В том числе, и печать! — воскликнула Мари. — Ее наверняка приняли за античный лом.

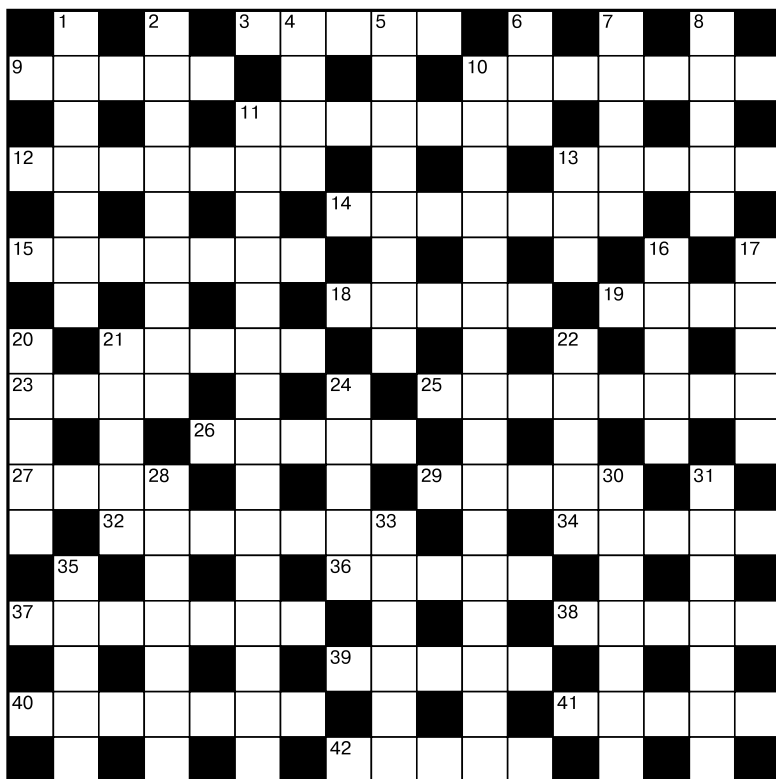
— Из этого следует, что печать была каменной, — добавил Адриано. — Допустим, мраморной.

— Совершенно верно, согласно кивнул Влад. — По-видимому, так оно и было. Обе печати каменные! И одна из них уже находится в руках «наследников».

— Надо полагать, — мрачным голосом вставил Адриано, прицеливаясь к черной маслине, — что если у них появится и вторая, то круг «Инь-Янь» замкнется на ладони какого-нибудь негодяя, и может случиться непоправимое...

Окончание следует. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Хорошая ... стоит больше, чем отданные за неё деньги». **9.** «Кружевное забрало» на шляпке. **10.** Единственное насекомое, способное поворачивать голову. **11.** Чтобы погладить помятый ... без утюга, ну жно обернуть им банку с горячей водой. **12.** Что собой представляет магма? **13.** Американская водородная ... была испытана в 1954 году на атолле Бикини. **14.** Хвойный красавец крымского пейзажа. **15.** Какой зверь

стал доказательством чувства юмора у Бога в культовом фильме «Догма»? **18.** «... обратного действия не имеет». **19.** Любимый фарфор императора Наполеона Бонапарта. **21.** «И оркестр был в ударе, и смеялся весь народ, потому что на рояле сам король играл ...». **23.** Царь, казнивший купца Калашникова из песни Михаила Лермонтова. **25.** Способ путешествовать «без гроша в кармане». **26.** Что Александр Пушкин считал полез-

ным для своего здоровья? **27.** Кто заколдовал мальчика Нильса из сказочной повести Сельмы Лагерлёф? **29.** Барс с герба Северной Осетии. **32.** Собака, чьё разведение стало священной тайной Древнего Китая. **34.** ... на электрическом стуле происходит в присутствии 40 свидетелей. **36.** Какая стихия формирует причудливые ландшафты пустыни Сахары? **37.** «Как ... медленно приходит, как скоро прочь оно летит!». **38.** «Вертелo и крутило белым и ко-со и криво, вдоль и поперек, словно черт зубным порошком баловался». Что описывает Михаил Булгаков? **39.** Сколько занимает штат Западная Австралия территории «Зелёного континента»? **40.** Именно 13 июля 1882 года заработала первая в Москве телефонная ... **41.** «Доспехи танка». **42.** Дарвиновский «конкурс на выживании».

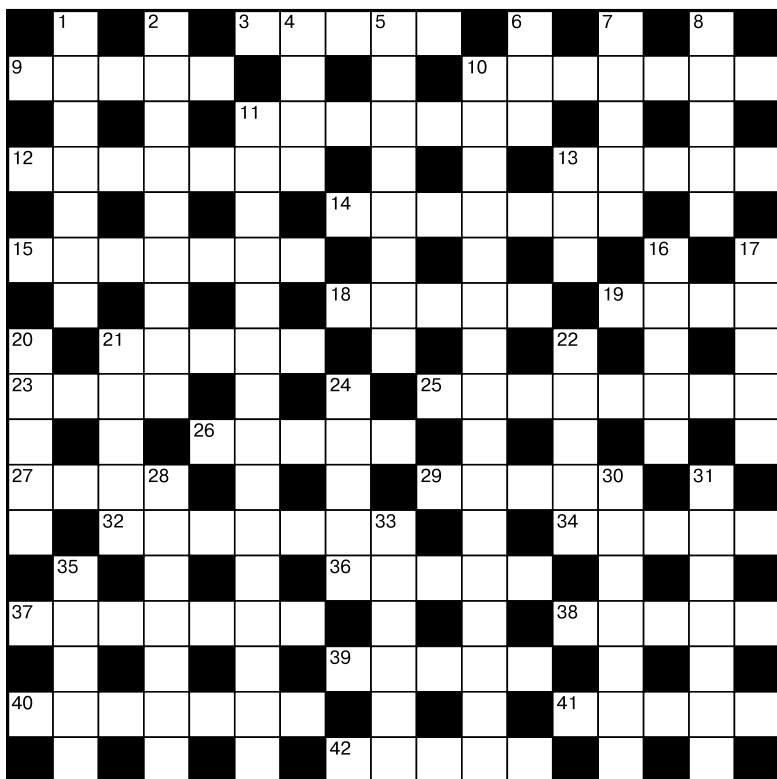
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кремлёвские ... когда-то отбивали мелодию «Ах, мой милый Августин». **2.** Кто ворует не по собственной воли, а из-за расстройства в голове? **4.** «В споре часто тот

бывает прав, кто проявит буйный ...». **5.** Парадная комната. **6.** «Кто много спит, у того и ... болит». **7.** «Чтобы доказать, что у тебя нет слуха, требуется ...». **8.** «Главный хлеб» Древнего Египта и Месопотамии. **10.** Графомания, пропитанная бюрократизмом. **11.** Палач травы. **13.** Информационный атом. **16.** На его могиле может быть такая эпитафия: «Здесь покоится человек, научивший весь мир входить через окна». **17.** Недуг, устроивший за последние восемь веков 125 эпидемий и 15 пандемий. **20.** Лото «американской национальности». **21.** Аллюр для «бешеной скачки». **22.** Какой актёр к шутовству склонен? **2.** Председатель суда, приговорившего к расстрелу Лаврентия Берия. **28.** Вольф, восхищавший Альберта Эйнштейна и Зигмунда Фрейда. **30.** Каким учеником особенно гордился великий Кристоф Глюк? **31.** Есенинская «девушка в белой накидке». **33.** «Большой ... для маленькой такой компании». **35.** Каждый из более чем пятисот экспонатов в самом знаменитом музее китайского города Миньхай.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Сутки. **9.** Олово. **10.** Билетёр. **11.** Медосос. **12.** Менелай. **13.** Гунны. **14.** Виндзор. **17.** Капок. **20.** Отец. **23.** Темари. **24.** Тираннозавр. **25.** Раав. **26.** Жест. **27.** Никах. **29.** Сихра. **31.** Хулок. **32.** Мако. **33.** Тариф. **34.** Гопак. **35.** Бомба. **37.** Шакал. **38.** Встреча. **39.** Анона. **40.** Чибис. **41.** Циркуль. **42.** Аждаха.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Аллен. **2.** Эвбея. **4.** Урей. **5.** Кролик. **6.** Гис. **7.** Перур. **8.** Бёрнс. **10.** Бордо. **11.** Маканахах. **13.** Гофер. **14.** Война. **15.** Горра. **16.** Метан. **18.** Лаверак. **19.** Биатлон. **21.** Цивилизация. **22.** Узник. **23.** Твардовский. **28.** Художник. **29.** Сорбонна. **30.** Бавария. **32.** Матрикс. **36.** Пчела.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Самое сложное, что ожидает альпиниста при покорении вершины. **9.** Кто из итальянцев сочинил первую оперу на русском языке? **10.** Кто, как считал Геродот, придумал игру в кости? **11.** «Пляска бесноватых» прежде на Руси. **12.** Тренировка в диапазоне от ходьбы до скоростного бега. **13.** «Бесы сумерек» шестого дня творения. **14.** Колесцовый пистолет из XVI века.

15. Португальский поэт, чьи стихи цитирует Хоботов в «Покровских воротах». **18.** Кто рождается от любви чёрта с ведьмой? **19.** Какой крупный песок добавляют в бетон? **21.** Японская фирма, выпустившая в 1967 году первые кварцевые наручные часы. **23.** Замок Питера Рубенса, попавший на пейзажи великого мастера. **25.** Сам не летает и другим не даёт. **26.** «Булимия игромана». **27.** Зак-

раина гильзы. **29.** Проклятие из уст раввина. **32.** Какой профессор увидел развалины Атлантиды благодаря капитану Немо? **34.** Обязательный десерт на Новый год у ашкеназов. **36.** Кто в Древнем Китае на работе обязан был носить тёмные очки? **37.** Самый дорогой шёлк XIX века. **38.** Дружба на сленге республики ШКИД. **39.** Какой металл винят в смерти царя Ивана Грозного? **40.** Потеря из-за сумбура в мыслях. **41.** Кто убивает Тибальта у Уильяма Шекспира? **42.** Предтеча сюрреализма из бельгийских художников.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой дамский жакет можно отыскать среди хирургических инструментов? **2.** Кто получил Нобелевскую премию за открытие электрокардиографии? **4.** Уйгурский нож. **5.** Самый сильный жук на свете. **6.** Какая богиня предала бога Ра в последней битве за солнце? **7.** Чёрный самоцвет из того ожерелья, что в детстве носил Шота Руставели. **8.** Книга гаданий в романе «Игра в бисер» Германа Гессе.

10. Преступление, за какое Данте поместил жену Потифара в восьмой круг ада. **11.** «Угрызания совести начинаются там, где кончается ...». **13.** «Живая легенда» Голливуда, вечно путавшая в школе шестёрку с девяткой. **16.** «Только птицы прокричат, только вздрогнет вдалеке веры тонкая ... у тебя в руке». **17.** Жёлтая одежда на Амедео Модильяни при его первой встрече с Анной Ахматовой. **20.** «Живая добыча» после побега у крымских татар. **21.** Знаменитый гонщик «Формулы-1», любивший повторять: «Со мной в кабине всегда сидит рядом смерть». Он и разбился во время гонок! **22.** Рыло у борзой. **24.** Кто открыл таллий? **28.** Козелковая точка. **30.** Какая сумма в 100-долларовых купюрах весит около десяти килограммов? **31.** Прототип призрака, способного «послужить и столом», с картины Сальвадора Дали. **33.** Кто стал мужем легендарной Роксоланы? **35.** Какое качество чипсов с самого начала использовали для их рекламы среди детей?

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Манго. **9.** Водка. **10.** Болезнь. **11.** Никулин. **12.** Карабас. **13.** Серна. **14.** Генерал. **17.** Конец. **20.** Крик. **23.** Данила. **24.** Вандербильт. **25.** Идол. **26.** Тушь. **27.** Тезис. **29.** Молва. **31.** Кабан. **32.** Килт. **33.** Дзюдо. **34.** Илион. **35.** Товар. **37.** Изыск. **38.** Ящерица. **39.** Кумыс. **40.** Элиот. **41.** Княгиня. **42.** Цыган.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пожар. **2.** Скраб. **4.** Анис. **5.** Глупец. **6.** Дон. **7.** Пепел. **8.** Анонс. **10.** Бисер. **11.** Намордник. **13.** Салат. **14.** Гетры. **15.** Скрип. **16.** Живот. **18.** Лимузин. **19.** Варьете. **21.** Калейдоскоп. **22.** Бизон. **23.** Дьявольщина. **28.** Самогуды. **29.** Мамалыга. **30.** Азазель. **32.** Коврига. **36.** Сцена.

Уважаемые читатели!

Подписаться на журнал «Смена» также можно через редакцию.

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14 стр. 1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 66 руб., на 3 месяца — 198 руб., на 6 месяцев — 396 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет 30101810600000000119							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044583119 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)							
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Подписка на журнал «Смена»</td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет 30101810600000000119							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044583119 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)							
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Подписка на журнал «Смена»</td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Кассир	Подпись плательщика							

Вы можете подписаться на журнал «Смена» со второго полугодия 2011 года в любом отделении почтовой связи по следующим каталогам:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков